

Кр 63.3(2...)

К 47

Краеведческая

КЛАССИКА
САМАРСКОГО
КРАЕВЕДЕНИЯ

КЛАССИКА САМАРСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

K47

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
"САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ"
ООО "ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ПОВОЛЖЬЯ"

Классика самарского краеведения

Антология. Выпуск 2

Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана

а 2523031

Самарская областная
универсальная
научная библиотека

Самара
Издательство "Самарский университет"
2006

УДК 93/99(093.32)
ББК 63.3(2)46-63.3(2)
К477

Классика самарского краеведения: антология. – Вып. 2
К477 / Под ред. П.С.Кабытова, Э.Л.Дубмана. – Самара: Изд-во "Самарский университет", 2006. – 257 с.

ISBN 5-86465-400-0

Во второй выпуск антологии включены неопубликованные материалы и ставшие к настоящему времени библиографической редкостью статьи выдающегося российского историка академика М.Н.Тихомирова, написанные им в годы жизни в Самаре или посвященные этому периоду, а также нигде ранее не издававшаяся рукопись известного саратовского историка и краеведа А.А.Герасимовича.

Книга предназначена для учащихся и студентов, преподавателей школ и вузов, а также для всех интересующихся историей Самарского края.

УДК 93/99(093.32)
ББК 63.3(2)46-63.3(2)

Рецензент: д-р ист. наук, проф. А.И. Ретинский

*Составители благодарят ОАО "Версиво"
за финансовую поддержку настоящего издания.*

ISBN 5-86465-400-0

© Кабытов П.С., Дубман Э.Л., 2006
© Издательство "Самарский
университет", оформление, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
I. М.Н.Тихомиров и Самарский край	7
1.1. Воспоминания М.Н.Тихомирова	9
Шмидт С.О. Воспоминания академика М.И.Тихомирова о Самаре 1919-1923 гг.	9
Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни	20
1.2. Деятельность М.Н.Тихомирова по спасению историко-культурных ценностей	79
Доклад о поездке в Иргизские монастыри М.Н.Тихомирова с 31 мая по 17 июня 1919 г.	79
Тихомиров М.Н. Описание рукописей Иргизских монастырей. Предисловие	102
Перечень рукописей из "Описания рукописей Иргизских монастырей", вывезенных М.Н.Тихомировым в Самару	106
Письмо М.Н.Тихомирова С.А.Хованскому об обстоятельствах поездки на Иргиз в 1923 г.	110
Отчет М.Н.Тихомирова Обществу археологии, истории и этнографии при Самарском университете о вывозе архива Аксаковых 5 августа 1921 г.	111
1.3. Научные статьи М.Н.Тихомирова	128
Тихомиров М.Н. К истории колонизации Самарского края	128
Тихомиров М.Н. Самара в половине XVII в.	143
1.4. Исследования о самарском периоде жизни М.Н.Тихомирова	148
Храмкова Е.Л. М.Н.Тихомиров в Самаре в 1919-1923 гг. ..	148

Белявский М.Т., Сукаев А.Г. Новые материалы о М.Н.Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области	156
--	-----

II. А.А.Гераклитов о Самарском крае в XVII в. 167

Кузнецова Ю.А. Александр Александрович Гераклитов (материалы для биографии)	169
--	-----

Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа)	188
---	-----

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Уважаемый читатель! Настоящим изданием Самарский государственный университет и Институт истории и археологии Поволжья продолжают серию публикаций авторов, исследования которых оставили глубокий след в истории самарского краеведения. Вашему вниманию предлагается второй выпуск антологии "Классика самарского краеведения". В него вошли сочинения двух авторов: воспоминания, а также нигде ранее не публиковавшиеся материалы и ставшие к настоящему времени библиографической редкостью статьи выдающегося российского историка, академика Михаила Николаевича Тихомирова, созданные им в "самарский" период жизни (1919-1923 гг.) или посвященные этому времени, и неизданная рукопись "Самара и Самарский уезд XVII в. (По записным книгам Печатного Приказа)" известного саратовского историка и краеведа Александра Александровича Гераклитова.

Рукопись воспоминаний М.Н.Тихомирова была любезно предоставлена для публикации в Самаре действительным членом Российской Академии образования С.О.Шмидтом.

Необходимо отметить, что по сравнению с предшествующим изданием "самарского" наследия М.Н.Тихомирова (Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни. Самара, 1994), которое к настоящему времени стало библиографической редкостью, настоящая книга включает в себя ряд новых, ранее нигде не издававшихся работ, написанных рукой историка. К ним относится уникальный комплекс материалов, связанных с деятельностью Михаила Николаевича по спасению ценностей иргизских монастырей: доклад о первой поездке на Иргиз, предисловие из "Описания рукописей Иргизских монастырей" и перечень рукописей из этого "Описания...", которые были вывезены им в Самару.

Кроме того, составители сборника посчитали необходимым поместить в него, помимо работы Ю.А.Кузнецовой о творческом пути А.А.Гераклитова, мало известные самарскому читателю статьи о неопубликованном наследии М.Н.Тихомирова, хранящемся в Государственном архиве Самарской области.

Несколько слов об особенностях публикации. По сравнению с предшествующим изданием (см.: Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни. Самара, 1994) при работе с текстами были произведены некоторые изменения археографического характера. В текст воспоминаний М.И.Тихомирова "Самара в моей жизни", его "Отчета ..." и статей для удобства современного прочтения были внесены минимальные изменения, касающиеся устаревшей орфографии и пунктуации. Система сносок в опубликованных статьях, если они не размещены внутри самого текста (только в статье: Тихомиров М.Н. К истории колонизации Самарского края), изменена на более современную. В случаях, когда Тихомиров и Гераклитов сами копировали фрагменты старинных текстов XVI-XIX вв., в соответствии с ныне принятыми правилами публикации текстов устаревшие буквы были заменены на созвучные им современные, убраны в конце слов ъ, расставлены так, как они сейчас употребляются, знаки препинания, восстановлены сокращения в словах, вставлены в строку выносные буквы. В ряде случаев, когда встречаются нечитаемые места, лакуны, несогласования отдельных фрагментов, это особо оговаривается в примечаниях. Гораздо сложнее обстоит дело с текстами храмозданных грамот, которые М.Н.Тихомиров готовил к публикации по копиям, сделанным уже в середине – второй половине XIX в. людьми, не сумевшими их правильно прочесть и, соответственно, опубликовать. Поэтому восприятие таких документов для современного читателя весьма усложнено. Это особенно касается "Храмозданной грамоты с. Зубовки", изобилующей неточностями и ошибками. В этих документах были заменены архаичные начертания букв созвучными им современными, убраны ъ в конце слов, а также восстановлены в квадратных скобках сокращения в ряде слов и расставлены в соответствии с правилами современного употребления знаки препинания. Вполне очевидно, что "правильная" археографическая передача текста данных документов возможна только при обнаружении в архивах подлинников или копий, близких по времени их создания, что мы пока сделать не можем. Потому-то составители данного издания прибегли к такому паллиативному решению.

В публикуемых в сборнике статьях других авторов, посвященных деятельности и творческому наследию М.Н.Тихомирова и А.А.Гераклитова, изменения коснулись только устаревшей системы сносок, если они не размещены внутри самого текста.

Составители благодарят Комитет по образованию и науке Думы городского округа г. Самары, Администрации Самарской области и г. Самары за участие в финансировании настоящего издания.

Петр Кабытов, Эдуард Дубман

I. М.Н.ТИХОМИРОВ
И САМАРСКИЙ КРАЙ

1.1. ВОСПОМИНАНИЯ М.Н.ТИХОМИРОВА

С.О.Шмидт

Воспоминания академика М.Н.Тихомирова о Самаре 1919-1923 гг.

В 1993 г. исполнилось сто лет со дня рождения классика науки отечественной истории академика Михаила Николаевича Тихомирова (18/31 мая 1893 – 2 сентября 1965). В журналах (Вестник Российской Академии наук, Вопросы истории, Отечественная история, Новая и новейшая история, Отечественные архивы и др.) и газетах напечатали в 1993 г. статьи о жизни и творчестве исследователя и педагога-создателя научной школы, неутомимого организатора науки, самоотверженного защитника памятников истории и культуры и их непревзойденного знатока.

М.Н.Тихомиров – исследователь очень широкого научного диапазона. Основные сферы его творчества – отечественная история X-XVII вв. и специальные исторические дисциплины. При этом предметами изучения стали и социально-экономическая история, и государственно-по-

литическая история, и история культуры: города Древней Руси и средневековая Москва; восстания горожан и крестьян XI-XIII вв. и посадские мятежи XVII в.; происхождение названий "Русь" и "Россия"; Русская Правда и Соборное Уложение; политика Ивана Грозного и историко-географические особенности страны и отдельных ее регионов: XVI в., земские соборы и приказное делопроизводство; присоединение к России Поволжья в XVI в. и Средней Азии в XIX в.; международные государственно-политические и торговые отношения и культурное взаимодействие с народами других стран; летописи и "Слово о полку Игореве"; городская письменность Руси до нашествия кочевников в XIII в., библиотека московских государей XVI в.; Андрей Рублев и Афанасий Никитин; начало книгопечатания и основание Московского университета; публицистика XVI-XVII вв. и развитие исторической мысли в России от Татищева до середины нашего столетия (М.Н.Тихомиров – ответственный редактор издания "Истории Российской" В.Н.Татищева, собраний сочинений В.О.Ключевского, М.Н.Покровского, трудов С.Б.Веселовского); всемирное историческое значение истории Великого Новгорода и Москвы и краеведение; источниковедение, палеография, археография, история архивного дела, музееведение, историография, историческая география... Около 20 книг (среди них более 10 монографических исследований), множество статей, документальных публикаций. М.Н.Тихомиров инициатор и редактор многих изданий (его заслуга и возобновление многотомного издания Полного собрания русских летописей, и начало подготовки многотомного "Сводного каталога славянорусских рукописных книг, хранящихся в СССР"). М.Н.Тихомиров – автор учебно-методических трудов (по отечественной истории), научно-популярных работ, публицистических сочинений – он полагал, что задача ученого "заключается в популяризации науки, а вовсе не в том, чтобы эту науку сделать достоянием немногих". Ученый-просветитель, убежденный в необходимости тесной взаимосвязи научных исследований и преподавания в высшей школе, он сам был живым воплощением такой творческой деятельности.

Посмертно издательством Академии наук изданы шесть книг избранных трудов ученого "Русская культура X-XVIII вв.", "Ис-

торические связи России со славянскими странами и Византией", "Классовая борьба в России XVII в.", "Российское государство XV-XVII вв.", "Древняя Русь", "Русское летописание" (М., 1968-1979). В 1992 году издана книга, объединяющая в одном переплете две его работы: "Древняя Москва XII-XV вв." и "Средневековая Россия на международных путях". Посмертно увидело свет и подготовленное при его участии "Описание Тихомировского собрания рукописей" (М., 1968). Ученый был крупнейшим коллекционером рукописей, старопечатных книг и икон и еще при жизни передал это все в дар Сибирскому отделению АН СССР, в Новосибирск.

В 1974 г. издана книга "Рукописное наследие академика М.Н.Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. Научное описание". Начиная с 1953 г. публиковали списки печатных трудов ученого. Велика и литература о его жизни и творчестве¹. Книга его ученицы профессора Е.В.Чистяковой "Михаил Николаевич Тихомиров" издана в 1987 г. в академической серии "Научные биографии". В печати находится книга "Библиографические материалы об академике М.Н.Тихомирове" (составитель И.Е.Тамм). М.Н.Тихомиров остается в памяти не только знавших его, тем более обязанных ему, но прежде всего в его многочисленных трудах, в тихомировских традициях нашей науки, педагогики, общественной деятельности.

Возрожденная в 1956 г. по почину М.Н.Тихомирова Археографическая комиссия Российской Академии наук с 1968 г. проводит в мае-июне ежегодные пленарные заседания, названные в память ее первого председателя Тихомировскими чтениями, материалы которых публикуются в Археографических ежегодниках – изданиях, основателем которого тоже был М.Н.Тихомиров. В 1993 г. Тихомировские чтения были посвящены столетию со дня рождения Михаила Николаевича, и организаторами их были, помимо Археографической комиссии, Отделение истории Российской Академии наук, исторический факультет Московского государственного университета и Государственный исторический музей – учреждения, с которыми связана основная деятельность историка. В Академии наук М.Н.Тихомиров работал с 1935 г., его избрали членом-корреспондентом АН СССР, в 1953 г. – академиком. В 1953-1957 гг. был членом Президиума АН СССР и академиком-

секретарем Отделения исторических наук. В Московском университете был студентом историко-филологического факультета в 1912-1917 гг.; дипломное сочинение его стало и первым печатным трудом – начинающий ученый вошел в науку сразу книгой "Псковский мятеж XVII века. Из истории борьбы общественных классов в России" (М., 1919)². С 1934 г. начал преподавать на восстановленном историческом факультете МГУ; в 1946-1948 гг. профессор М.Н.Тихомиров был деканом этого факультета; в 1953 г. стал заведующим основанной им кафедры источниковедения. В Историческом музее с 1920-х гг. описывал памятники письменности; в послевоенные годы был заведующим Отделом рукописей и старопечатных книг.

На этой конференции 1993 г. среди докладов и сообщений было сообщение доцента Самарского педагогического института Е.Л.Храмковой "М.Н.Тихомиров в Самаре (1913-1923)". И это понятно, ибо именно в Самаре, куда он перебрался зимой 1919 г. и где работал до закрытия университета в 1923 г., М.Н.Тихомиров осваивал на практике приемы археографической работы – и полевой археографии, и описания рукописей – и приобщился к преподаванию в высшей школе. Самарский опыт в фундаменте его педагогического мастерства. С нами – старшими его учениками – не раз делился далекими уже по времени самарскими впечатлениями, особенно если мы заставляли у него в гостях – и в маленькой комнате с печным отоплением в двухэтажном доме на Большой Никитской, и в двух комнатах коммунальной квартиры на Беговой улице, куда его переселили после избрания членом-корреспондентом АН СССР, и в просторной квартире в высотном доме на Котельнической набережной, предоставленной ему уже как члену Президиума Академии наук (на здании теперь установлена мраморная доска, напоминающая об этом) – Надежду Афанасьевну Земскую, урожденную Булгакову, сестру знаменитого писателя Михаила Булгакова. Благодаря супругам Земским М.Н.Тихомиров и оказался в Самаре. В разговоре с полной, седовласой ("по-учительски" старомодно одетой) Надеждой Афанасьевной обычно возвращались мыслью к Самаре. Возможно, что они там только и познакомились, так как обращались друг к другу на Вы и по имени-отчеству.

Переписывались они более сорока лет – сохранились письма за 1922-1965 гг.

В личном фонде М.Н.Тихомирова имеется машинопись его воспоминаний первой половины 1960-х гг. Сохранились тексты трех редакций, последняя – 1964 года. Воспоминания скорее всего надиктованы (тем более, что в эти годы у Михаила Николаевича ухудшилось зрение). Как бы ощущается неторопливая устная речь, со знакомыми нам отступлениями, даже интонацией. Первые дошедшие до нас воспоминания – несколько страниц карандашом – о детстве датируются 1940-ми годами. И в 1960-е гг. он начал с рассказа о родовых преданиях, детских годах в Москве и Подмосковье³. Это – воспоминания о "житейских впечатлениях", о ходе жизни, а не о развитии мысли ученого.

Для М.Н.Тихомирова исторические явления даже далекого прошлого существовали в определенной географической среде и в бытовом окружении, а деятельность "исторических лиц" и "народа" воспринималась в конкретной обстановке. Еще более это заметно при его подходе к недавнему прошлому.

Однако обращаясь к воспоминаниям М.Н.Тихомирова, следует иметь в виду мнение самого автора об особенностях мемуарной литературы. Оно сформулировано было еще в первом издании учебного пособия "Источниковедение истории СССР", в 1940 г. (т.1, с.220-222), и почти без изменений повторено во втором издании книги 1962 года (с.470-471), т.е. именно тогда, когда академик Тихомиров приступил к работе над своими мемуарами. Ученый подчеркивает то, что "отличительной особенностью мемуарной литературы является ее субъективность", автор "находится под непосредственным влиянием личных симпатий и антипатий". Кроме того, "многие мемуары писались в расчете на позднейшее опубликование", а писать "не обо всем удобно". Констатирует он и то, что "лица, пишущие воспоминания (чаще всего на склоне лет), очень многое забывают из того, что происходило раньше". К тому же память "имеет способность изменять автору и видоизменяться под влиянием позднейших событий" и "через некоторое количество лет иногда невозможно отделить впечатления, сложившиеся на основании рассказов и различных литературных источников, от непосредственных личных впечатлений". "С годами меняются

взгляды самого автора воспоминаний. Поэтому даже свидетельство очевидца о том или ином событии, заключенное в записках, не всегда является гарантией правильности изложенного. Тем не менее, – заключает М.Н.Тихомиров, – при всей субъективности мемуарная литература имеет громадное значение для историка. Она вводит нас в круг общественной жизни и быта".

Воспоминания М.Н.Тихомирова интересны, однако, еще и тем, что показывают, что именно сохраняется в тренированной памяти профессионального историка, что он полагает нужным отобрать из отложившегося в памяти для передачи читателям, как комментирует это. Любопытны, в частности, ассоциации с далеким прошлым, с языком древнерусской литературы Ивана Грозного, Авраама Палицына, подсказанные уже опытом многолетней научной работы, знаниями, накопленными и позднее. Это заметно и в дневниковых записях 1951 г., впечатлениях о старинных городах Великом Устюге и Соликамске⁴. Ведь не только научные труды историка, но и все написанное историком (особенно таким видным) воспринимается уже и как историографический источник, т.е. источник по истории развития исторической мысли.

Побудителями, а затем и основой воспоминаний становились иногда письма. Это прослеживается по переписке Михаила Николаевича с выдающимся исследователем древнерусской литературы членом-корреспондентом АН СССР Варварой Павловной Адриановой-Перетц, с которой он познакомился как раз в Самаре. Переписка началась письмом В.П.Адриановой-Перетц, датированным 8 февраля 1945 г., в начальной фразе которого она напоминает "о хороших временах самарской жизни, для нас – связанных, кроме всего, и с воспоминаниями о молодости, для Вас – с годами учения, мечтами о работе. Вы остались верны этим мечтам, как вижу из появляющихся в печати Ваших исследований и из того, что и учеников своих Вы направляете в ту же, во многом еще загадочную область средневековья".

В письме от 14 октября 1957 г., сообщая о судебной реабилитации ее супруга В.Н.Перетца и решении Президиума АН СССР о восстановлении его посмертно "в правах академика" и работе над подготовкой к печати сборника его последних сочинений и полного списка его трудов, В.П.Адрианова-Перетц замечает: "И вот, хоть

работа закончена, а все еще «минувшее проходит предо мною», а, сами понимаете, как отравлены эти воспоминания горькой памятью о 34-35 годах. Но было до этих несчастных лет так много хорошего. И даже голодно-холодная Самара вспоминается светло и с удовольствием. Среди этих воспоминаний «героического» самарского периода – знакомство с юным историком из Москвы... И в центре всегда – наш общий старший друг, такой неумолимо-изобретательный на всякие научные предприятия. Как он умел и собрать всех, и зажечь настоящим интересом к делу. Когда я писала биографию Вл.Н., то по понятной причине должна была несколько сдерживать тон, чтобы лиризм воспоминаний не был воспринят как сугубо личный элемент. Но как бы хорошо было собрать воспоминания немногих еще живых его учеников, которые уж могут дать себе волю в личных оценках. Подумаем, где и как это можно было бы сделать".

В ответном письме Михаила Николаевича конца 1957 г. читаем: "Ваше письмо заставило меня вспомнить о многом. Все, что нужно будет сделать для того, чтобы отметить память любимого и незабвенного Владимира Николаевича, готов сделать. В жизни меня очень мало баловали вниманием, и из всех учителей я только о Владимире Николаевиче помню, что, если и не одним хлебом жив человек, то без этого хлеба он все-таки умрет. И я в своей работе с моими учениками, теперь уже довольно многочисленными, забочусь и об их трудоустройстве и помогаю напечатать их работы. А именно этим в первую очередь меня поражал покойный Владимир Николаевич, в особенности среди моря равнодушия наших московских профессоров. А ведь не у каждого найдется силы справиться с препятствиями, так легко оттолкнуть молодежь. Кроме того, меня поражает та громадная интеллектуальная сила, которая жила в таком слабом и болезненном теле. Свое знакомство с Владимиром Николаевичем я начал задолго до личного знакомства с ним, прочитав его статью о житиях Никона. Помню, что я читал ее (я тогда был студентом) как своего рода откровение. Все это было настолько интересно. Теперь прошло много лет, и пора вспомнить о покойном со словами древнерусских памятников: «праведники во веки живут и строение им от Вышнего». И хотя слово «праведник» употребляется очень узко, я вспоминаю эти слова всякий раз,

когда думаю о людях, заботившихся о других потому, что в этом и есть, вероятно, праведность". Вспомнил и слова Перетца, "которые знакомы и всем моим ученикам, работавшим у меня по палеографии. «Какой это полустав?» Отвечаю: «XVI века». Владимир Николаевич: «А подумавши?» А подумавши оказывается начала XVII века"⁵.

Эти высказывания о В.Н.Перетце нашли затем почти текстовое отражение в публикуемых воспоминаниях. А рассуждения об учителе в вузе близки к тому, о чем писал академик Тихомиров в 1956 г. в статьях о подготовке молодых ученых и отношении к ним их научных руководителей. И мы – ученики М.Н.Тихомирова по Московскому университету – на себе могли убедиться, сколь благоприятным оказывался для нас опыт, усвоенный в Самаре у В.Н.Перетца нашим учителем.

Многое из упомянутого в воспоминаниях М.Н.Тихомирова о его самарской жизни подтверждается и документальными свидетельствами – о спасении семейного архива Аксаковых и рукописей Иргизских монастырей⁶, об описании этих документальных материалов, о преподавательской деятельности⁷, даже о бедственном материальном положении молодого ученого⁸.

Выяснилось, что начинающему преподавателю было доверено не только ведение практических занятий по палеографии на литературно-художественном отделении Самарского университета, но и чтение лекционных курсов "Древнерусские акты XV-XVII вв." на социально-экономическом отделении того же университета и "Древнерусские грамоты XV-XVII вв." на Высших Археологических курсах. В графе "Специальность" анкеты, заполненной М.Н.Тихомировым, читаем: "Русская история и палеография". Таким образом, тогда уже определилось характерное и для его практических занятий и спецкурсов в московских вузах 1930-1950-х гг. Тогда же академик В.Н.Перетц счел возможным написать, рекомендуя зачислить М.Н.Тихомирова в штат Самарского университета: "Знаю М.Н.Тихомирова второй год. Под моим руководством он занимался славянской палеографией и русской археологией. Очень начитан. Имеет большую любовь к русским древностям. Получил хорошую школу в Московском университете и обещает быть хорошим академическим работником"⁹. М.Н.Тихомиров

опубликовал статью "Из истории колонизации Самарского края" в Известиях Самарского государственного университета (1923. Вып.5, отд.2, с.1-12), а по возвращении в Москву статью "Самара в половине XVII века" в книге "Материалы по изучению Самарского края" (Вып.5. Самара, 1928)¹⁰. Дошел до нас и современный описываемым событиям эпистолярный памятник декабря 1922 г., письмо, отправленное в Москву супругам Земским – методисту преподавания русского языка Андрею Михайловичу (он и М.Н.Тихомиров говорили друг другу "ты") и Надежде Афанасьевне: там сведения и о научной работе, и о материальном положении, и о душевном состоянии. Очевидно, что с отъездом из Самары некоторых особенно близких людей (Перетцы уже в 1921 г., после первого выпуска студентов Самарского университета, переехали в Петроград¹¹, Земские оказались в Москве) он стал чувствовать себя в Самаре хуже чем прежде, общественно-интеллектуальная жизнь казалась ему менее насыщенной. М.Н.Тихомиров пишет, что "последние два месяца работал как шалый и закончил половину описания иргизских рукописей листов на 10 печатных, впрочем без всякой надежды на возможность в близком будущем что-либо напечатать. Живу в материальном отношении хорошо, в душевном средне, потому что болезнь, которую следовало бы назвать *libris stultitiae Samaritnsis*, т.е. страдание от самарской глупости (ранее было написано и исправлено: самарских дураков. – С.Ш.) возобновляется регулярно каждую зиму. Сообщает о том, что "скоро должна появиться в свет моя маленькая статейка (в Университетских Известиях), посвященная знакомым вам местам – Zubovke, Bogdanovke и Alekseevke. Как только выйдет, пришлю вам оттиск". Узнав, что Н.А.Земская болела, в доверительно-доверчивом тоне упрекает обоих Земских: "Конечно, ругнулся по вашему общему адресу, потому что это старая история. Не жалеете вы себя и не цените своих способностей, растрачивая их на сердитых учительниц и ласковых кубариков". Уведомляет и о том, что весной думает "опять приехать в Москву", а затем к братьям в Калужскую губернию¹². Оба брата жили в Мосальске и были на партийной работе – старший, Николай, вскоре скончался от тифа, а младший, Борис, стал известным историком и был позднее расстрелян в годы террора¹³.

Самарские годы стали для М.Н.Тихомирова школой и житейского опыта и профессиональной выучки. Воспоминания его о Самаре содержат интересные данные о Самаре и Самарском крае времени гражданской войны и последующих лет, о Чапаевской дивизии, и особенно о жизни интеллигенции, и прежде всего той ее части, которая, по словам автора, стремилась занять себя интересной для нее исторической работой. Здесь имена, важные для истории Самары и российской науки тех лет. Они, употребляя выражение М.Н.Тихомирова-источниковеда, "вводят нас в круг общественной жизни быта" Самары того времени.

Цитаты из этих глав воспоминаний приводились уже в некоторых работах, посвященных М.Н.Тихомирову. Но полностью эти разделы воспоминаний публикуются впервые – по машинописи их третьей редакции (лл. 185-267). Рукопись находится в Архиве Российской Академии наук, ф.693 (М.Н.Тихомирова), оп.2, д.41. В книге "Рукописное наследие академика М.Н.Тихомирова" описана под № 475.

Примечания

¹ Основная литература указана в статье: Шмидт, С.О. К столетию со дня рождения М.Н.Тихомирова / С.О. Шмидт // Отечественные архивы. – 1993. – № 3. – С.36-47.

² Перепечатана в кн.: Тихомиров, М.Н. Классовая борьба в России XVII в. / М.Н.Тихомиров. – М., 1969. – С.352-396.

³ Эти разделы воспоминаний публикуются в первом выпуске историко-краеведческого альманаха "На семи холмах", издаваемого Мосгорархивом.

⁴ Фрагменты этих записей напечатаны в приложении к кн.: Тихомиров, М.Н. Русская культура X-XIII вв. / М.Н.Тихомиров. – М., 1968. – С.410-412.

⁵ Шмидт, С.О. Письма В.П.Адриановой-Пертец М.Н.Тихомирову / С.О. Шмидт // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т.48. – СПб., 1993. – С.473, 481, 482.

⁶ Крылов, В.В. Отчет М.Н.Тихомирова о сохранении архива и семейных реликвий Аксаковых / В.В.Крылов // Археографический ежегодник (далее – АЕ) за 1982 год. – М., 1983. – С.216-218. В.В.Крыловым подготовлена и полная публикация текста этой записи (Исторический архив. – 1994. – № 2. – С.205-214).

⁷ Крылов, В.В. Данные об археографической деятельности / В.В. Крылов, В.Г. Маркина // АЕ за 1986 год. – М., 1987. – С.214-215; Белявский, М.Т. Новые материалы о М.Н.Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области / М.Т. Белявский, А.Г. Сукаев // АЕ за 1976 год. – М., 1977. – С.129-134.

⁸ В докладе Е.Л.Храмковой на Тихомировских чтениях 1993 года.

⁹ Белявский, М.Т., Сукаев, А.Г. Указ. соч. – С.134.

¹⁰ Перепечатано в кн.: Тихомиров, М.Н. Российское государство XV-XVII вв. / М.Н.Тихомиров. – М., 1973. – С.285-288.

¹¹ Варвара Павловна Адрианова-Перетц // Материалы к библиографии ученых СССР. – Серия литературы и языка. – Вып.4. – М., 1963. – С.4.

¹² Архив РАН. – Ф.693 (М.Н.Тихомиров). – Оп.4. – Ед.хр.16. – Л.1-2.

¹³ О нем см.: Артизов, А.Н. Борис Николаевич Тихомиров (1898-1939): материалы о жизни и деятельности / А.Н.Артизов // АЕ за 1989 год. – М., 1990. – С.110-123.

М.Н.Тихомиров

Самара в моей жизни

Самара в то время только что была очищена от чехов, и следы их недавнего пребывания заметны были во всем. Приехал я в воскресенье, когда Уездный Отдел Народного Образования был закрыт, и переночевал в военной комендатуре, которая в те времена преспокойно пускала к себе ночевать и военных и невоенных и всякого рода делегатов, подобных мне. Помещалась она в нескольких просторных комнатах хорошего дома на Советской улице (раньше Дворянской) – главной улице тогдашней Самары¹.

На следующий день мне удалось найти моих друзей, которые меня и отвели к заведующей Отделом Народного Образования старой большевичке Шеиной² – даме очень интеллигентной и умной. Она сейчас же за меня ухватилась, так как людей с моим образованием, которые хотели бы служить Советской власти, в те времена в Самаре было не так уж много.

Временно я помещался на антресолях Отдела Народного Образования. Обычно там пил чай и закусывал по вечерам в сообществе со старым сторожем, так и ночевавшим в учреждении. Этот симпатичный старик особенно любил разговаривать про разного рода "мошенства". Тема эта была неисчерпаемой для наших вечерних бесед.

В Отделе Народного Образования я получил должность инспектора по библиотечным делам, а впоследствии стал заведующим библиотечной секцией. Главной задачей нашей было устройство и улучшение библиотечной сети Отдела Народного Образования в Самарском уезде.

Этим делом занимались я и мои друзья, Андрей Михайлович Земский и его жена Надежда Афанасьевна Земская, в девичестве Булгакова, родная сестра писателя Михаила Афанасьевича Булгакова.

Самара в то время представляла собой обычный губернский город. Она целиком размещалась на левом берегу Волги. На правом же берегу, напротив города, стояли леса, уходящие дальше в Са-

марскую луку. Здесь напротив Самары кончалась та гряда красивейших Жигулей, о которых столько было написано в старое время. Основная часть города располагалась как бы на полуострове, образованном рекой Волгой с впадающей в нее рекою Самаркой. За рекой Самаркой находилась Засамарская слобода – в те времена поселение небольшое, связанное деревянным мостом с остальным городом. В сторону степи, за железной дорогой, находилась Запанская слобода, прославленная пьянством и буйством своих жителей. Она считалась небезопасной для ночных путешествий. Наполнена она была небольшими домиками, и про нее пелась частушка: "В Запанском большие здания, давай ручку — до свиданья".

Самым дальним пригородом был Трубочный завод и слобода, его окружавшая³. Тогда этот завод был крупнейшим предприятием Самары. Еще севернее, вдоль Волги, на высоких ее берегах, располагались дачи местных самарских богачей. Здесь находилась Бабашина* поляна, вероятно получившая свое название от князя Бабашина, связанного с Самарой с XVIII века, как об этом я вычитал в одном документе⁴.

Главная самарская улица, называвшаяся в дореволюционное время Дворянской, а позже Советской, – тянулась поверх прибрежной горы, на которой стоит город, вдоль Волги. От нее шел крутой спуск вниз к приволжским пристаням. Улица начиналась от большой и красивой площади, где теперь стоит памятник Чапаеву, а раньше стоял памятник Александру II⁵. Конец Советской улицы близко подходит к городскому саду, носившему название Струковского сада, а проще говоря "Струкачей". Это был довольно красивый сад на берегу Волги, хотя и небольшого размера, в те времена главное увеселительное место в Самаре.

Другой сад носил название Соборного. Посреди него стоял громадный, но нескладный собор, построенный в XIX веке и впоследствии довольно бессмысленно разрушенный.

Для прогулок самарцы имели Волгу. Внизу у Струковского сада, а в других местах – у берега Волги стояли лодочные пристани. Прогулка по Волге была прекрасным развлечением, в особенности на ту сторону Волги, на остров, образованный из песка и отделен-

* Видимо описка, правильно Барбашина.

ный от берега Волги рукавом Воложки с сильным течением. Таким образом, место для отдыха и для купанья в летнее время было обширное. Но надо было хорошо плавать и хорошо грести, иначе Воложка безжалостно уносила своим страшным течением и неосторожного пловца и лодку. Я сам видел, как по Воложке метался в ужасе неосторожный пловец, которого течением уносило в Волгу. Правда, пловец этот был не из очень бывалых, иначе он не сопротивлялся бы течению, а только медленно подгрребал бы в сторону берега. Течение могло его унести за 2-3 километра, но он все-таки вылез бы на сушу.

С лодками было по-иному. Иногда обыкновенный человек не мог выгresti против течения. Одна моя приятельница каталась со своим ухажером, не умевшим ни грести, ни плавать, но пригласившим ее прогуляться по Волге. Пара возвращена была с позором на лодочную станцию при помощи буксира в виде другой лодки.

В Самаре того времени существовало два больших рынка: один помещался непосредственно у вокзала. Он представлял собою ряды деревянных ларьков или, как тогда называли, палаток. Продавали там почти исключительно готовую снедь, так как рынок был связан непосредственно с приезжим людом, устремлявшимся на рынок с вокзала. Здесь меня особенно поражало большое количество различного рода пирогов: пироги с мясом, с рыбой, с морковью, с зеленым луком и яйцами, с грибами, даже с картофелем (типичные самарские пироги), продавались они в изобилии и приготовлены были прекрасно. Делались они из великолепной крупчатой самарской муки, как и крупчатые хлеба или "каравай", как их здесь называли. Я знал одного человека, который ходил на рынок специально есть пироги и съедал значительное количество самых различных пирогов. Как помещалось это в его утробе — понять не могу, но человек он был молодой и подвижный.

Второй, Троицкий рынок помещался в центре города, недалеко от Советской улицы. В те же времена все пространство этого довольно обширного базара было наполнено деревянными палатками. Кроме того, там помещалось большое количество столов, около которых стояли бабы. Цены на все были недорогие, а впоследствии при нэпе, о котором у меня осталось много воспоминаний, и совсем дешевые, особенно на ягоды и фрукты.

Вишня стоила 5 копеек фунт, хорошая дыня – 5-7 копеек, большая – 10-12 копеек и все в таком духе.

Бабы стояли у своих столов и устанавливали цены. Делалось это весьма своеобразно, вероятно, древнерусским способом. Неожиданно одна из баб восклицала: "Бабы, бабы, вишона 5 копеек, вишона 5 копеек". И эта цена на вишню, как прификс, обходила все бабье собрание.

Иногда можно было наблюдать на базаре, особенно в зимнее время, любопытные сцены. Здесь стояли различного рода мелкие лавчонки с 1-2 столиками, тут же сидели и торговки, не имевшие места оседлости. В этом случае они преспокойно восседали на чугуне, прикрытом дощечкой, оберегая тепло щей своим платьем. Когда желающий покупатель подходил к подобной коммерсантке и спрашивал: "Ну, ну, тарелку щей", баба ничтоже сумняшеся вставала и осторожно обнажала чугун, отходила несколько в сторону, снимала дощечку и наливала желающему хороших щей, которые она хранила в тепле своим собственным термосом. К чести покупателя надо сказать, что никаких эмоции при этом они не испытывали и ели щи так же охотно, как если бы их подавали в столовой на тарелках.

Иногда на базаре продавались вкусные пирожки. Я охотно едал эти пирожки и тогда, когда денег было мало, и тогда, когда денег хватало. В голодные годы, имея в виду 1920-1921 годы, как рассказывают, для этих пирожков употребляли в виде мяса человечину. Были какие-то "прыгунки", которые якобы ловили людей и мясо их пускали в продажу. Я в своей жизни, таким образом, может быть, тоже полакомился человечиной.

Жизнь в Самаре была тихой и в достаточной мере приятной. Развлечений было немного, но в Самаре существовало три театра: один драматический, поблизости от Струковского сада, другой – оперный, где в это время подвизался сделавшийся уже безголосым бывший солист его величества Южин⁶. Третий театр был временный и самый лучший. В нем играли приезжие артисты, кажется, из Ленинграда, причем играли очень хорошо.

Кроме того, существовали библиотеки, правда, не очень богатые, но в которых все-таки можно было найти книги. В нашем Уездном Отделе образования существовала центральная библио-

тека, в которой тоже можно было найти хорошую и интересную для чтения литературу.

В Самаре того времени еще ощущалось недавнее присутствие белогвардейцев. Особенно памятен был красивый дом, выложенный голубыми изразцами, который представлял собою не что иное, как дом белогвардейской разведки, где производились страшные пытки (Дом Курлиной).

В городе действовали гражданские власти. Во время моего пребывания секретарем губернской партийной организации был Сокольский⁷. Однако в городе чувствовались и распоряжения военных властей, так как фронт то уходил далеко, то приближался к Самаре. В целом же режим был, надо прямо сказать, мягким, по крайней мере о каких-нибудь тяжелых эксцессах в то время не слышал.

Мое пребывание в Самаре продолжалось несколько лет, начиная с 1919 по 1923 год с небольшим перерывом, примерно в полтора-два месяца, но перерывом, очень памятным для меня.

Самарская жизнь в годы моего пребывания носила еще патриархальный характер. Революция властно врывается в жизнь, но рядом с ней оставались еще остатки давнего прошлого. Особенно они чувствовались на базарах, где торговали всякой снедью. В городе даже существовал свой юродивый, некий Гриша, как рассказывали, бывший солдат времен первой империалистической войны.

Гриша был всегда чисто одет, но отличался чудачествами: иногда он ходил по улицам и за собой на веревке тащил какую-нибудь звонко стукавшуюся по мостовой консервную банку. Его встречали на базаре радостным криком: "Гриша, Гриша". Торговки верили в то, что Гриша оказывает благодетное влияние. Если он возьмет что-нибудь, точнее примет что-нибудь из снеди и других продуктов, то все будет распродано.

Гриша и на самом деле не интересовался ничем для себя лично. Он иногда брал хлеб, яблоко или что-либо другое, даже деньги, и тут же все раздавал нищим. В театры ходил он бесплатно, я видел его в оперном театре на галерее.

Самарский театр того времени тоже сохранял некоторые своеобразные черты. Любимцем публики был баритон Рознатовский,

впрочем хромой, чем, однако, никто не смущался. Ведь и Евгений Онегин мог сломать себе ногу. Особенно хорош Рознатовский при исполнении ролей Демона и Тореадора. Хромой Тореадор, однако, пел достаточно воинственно и хорошо, во всяком случае для нашего тогдашнего провинциального театра.

Искусство вообще процветало в Самаре; особенно запомнилась мне праздничная карусель на одной из площадей. Карусель была замечательна тем, что ее звуковое оформление выполнялось по всем правилам старинной техники: толстая баба играла на бутылках и, надо сказать, играла звучно. Но верхом совершенства были два персонажа. Наверху карусели два человека толкали бревно, к которому были прикреплены на канатах колесницы и кони. Один из этих важно раскатывал вместе с товарищами наверху карусели. Но самым достопримечательным артистом был дед с лицом "Рыжего", как тогда называли клоуна, смешившего публику, теперь "рыжие" получили более академическое название "У ковра".

Непередаваема была физиономия этого Рыжего. Он сыпал прибаутками и делал такие страшные рожи, которым позавидывал бы мой братец Сергей, дразнивший меня в юные годы. Целый час, несмотря на мороз, я не мог оторваться от этого артиста, которому следовало бы быть по меньшей мере в Художественном театре.

На одной из площадей помещалось здешнее ЛИТО (литературное общество), в котором выступали с некоторыми произведениями местные поэты и писатели.

Мой молодой друг Ваня Ананьин упросил как-то пойти на заседание ЛИТО, куда он, как начинающий литератор и поэт, любил ходить. На заседании рассматривались стихи двух поэтов, писавших о каких-то домнах, выплавлявших чугуны.

Выступавшие критики неодобрительно отзывались о стихах одного из поэтов за то, что он писал о небесах, которые склонялись к домнам, ведь домны должны возвышаться в небеса, покоряя тем самым стихию, а вовсе не небеса.

Зато стихи другого Горация восхитили присутствовавших. В них, как и полагалось, домны бросали свой красный отсвет на небеса, угрожая им мстью.

В другой раз в ЛИТО выступал крестьянский поэт, стихи которого состояли примерно из таких поэтических рифм!

*Я сказал ему чужак
Ты ужаснейший кулак.
Ты не делай больше так,
Я ведь не простой простак и проч.*

Стихи были соответствующим образом оценены, правда только на тройку, хотя и отмечено было их общественное звучание.

Однако на той же площади мне довелось видеть совсем интересное зрелище: по площади проходил некий человек в шинели и широкополой шляпе. Он подходил к центру площади, поворачивал обратно и грозил кулаком в сторону ЛИТО. От него довольно явственно разило самогоном. На вопрос моего спутника, чем он так разъярен, взволнованный писатель ответил, что возмущает ЛИТО. Несколько пошатываясь, он показал пальцем в сторону здания и горько сказал: "Они не признали, таланту нет". Это обидело нашего самарского поэта.

Любопытные и странные песни распевались в тогдашней Самаре. Здесь соблюдался старинный и отвратительный обычай – вести молодых по городу в сопровождении гармониста, распеваящего похабные песни. Однажды такую процессию мне довелось видеть даже на главной улице. Шел красивый молодой паренек 16-ти лет, игравший на гармонии и распевавший такие песенки, которые не поддаются письменности, а за ним важно шествовали под ручку новобрачные.

Распевались здесь и другие песни, в особенности любили петь "Шарабан" с припевом:

*Ах, шарабан мой, американка.
А ты девчонка и шарлатанка. Или по-иному:
Ах шарабан мой, мой шарабанчик.
Не будет денег, продам наганчик.*

Распевались здесь и известные в печати песенки о погоне английском, французском и т.д., но конец их варьировался по-разному. Бывшая "контра" заканчивала словами: "*Мундир сошьется, погон пришьется, правитель новый нам не найдется*". Но сама "контра" все чаще уже припевала: "*Мундир сошьется, погон пришьется, ска-*

зал нам Ленин, а сам смеется". Как мы знаем, задорная песенка в таком варианте оправдалась.

Вообще неполитические круги явно думали о своих заботах больше, чем о политике, и бойко пели: *"Ах, яблочко, куды котишься, ах маменька, замуж хочется. Не за Ленина, не за Троцкого, за матросика мово, за флотского"*.

В Красной Армии

Примерно в марте 1919 года по Самаре стали распространяться зловещие слухи о том, что приближается белая армия под командованием Колчака. В это время я уже жил на квартире, получив довольно большую, но пустую комнату в одном доме. Хозяин дома при Советской власти был таким же, в сущности, квартирантом, каким являлся и я⁸. В прошлом же он был жандармским офицером не совсем малого калибра. Жил он в двух больших комнатах, а я жил в пристройке, продолженной в сторону кухни.

Хозяин имел, как он говорил, взрослую "воспитанницу", хорошо ли или плохо она воспитывалась, я не знаю, но только в результате воспитания забеременела (это случилось во время моего пребывания в квартире). Она родила мальчика, в результате мой хозяин, или "старик", фамилию я его теперь не помню, на ней женился. Впоследствии моего хозяина выселили из его дома, возможно, он сам переехал куда-то к Трубочному заводу, но он появился у меня в качестве своего рода бедствия, потому что съедал весь мой пайковый хлеб.

Когда на город начал наступать Колчак, "старик" заметно оживился и ясно показывал, что меня ожидает не очень хорошая участь, если он опять окажется в жандармском управлении.

Полчища Колчака подступали все ближе и ближе и, наконец, стали подходить к станции Кинель, от которого расходится дорога из Самары на Оренбург и на Златоуст. В Самаре увидели, что дело грозит не шуткой, и призвали всех годных к оружию в войска. Я считался негодным по своей близорукости, но был членом профсоюза, а профсоюзы постановили мобилизовать всех своих членов, за исключением тех, кто не в состоянии был носить оружие.

Отдел Народного Образования стал хлопотать, чтобы меня оставили в Самаре, главным образом напирая на мою негодность для военной службы. Они имели основания для этого, потому что в моем распоряжении имелись только одни очки, другие же достать было невозможно, а без очков из меня получался весьма приблизительный воин, так как моя близорукость по очкам равнялась -6,5, а на самом деле доходила до -9. Впоследствии, когда я уже пришел из Красной Армии, моим дежурным страшным сном в течение нескольких лет был сон, согласно которому я терял или разбивал свои очки. Это был в действительности очень страшный сон.

Хлопоты по моему освобождению от военной службы затянулись, и я должен был явиться на сборный пункт. Мне советовали подождать несколько дней, но это меня никак не устраивало по двум причинам: во-первых, мне хотелось послужить в войсках и попасть в действующую армию, чтобы посмотреть, как сражаются люди, и самому посражаться, во-вторых, не хотелось эвакуироваться вместе с остальным населением, как бы убегая из Самары, а оставаться в Самаре при белых совершенно не улыбалось. Это не соответствовало и моим взглядам, не говоря уже о жандармском полковнике.

Я явился на сборный пункт, где немедленно был занесен в списки и отправлен во временную казарму, находившуюся тогда в деревянном домике, далеко от центра. В казарме меня тотчас же обмундировали в шинель. Шинелей было мало, и мне досталась длинная шинель, которую я впоследствии обрезал. Но она все-таки осталась для такого небольшого по росту, а главным образом тощего человека, как я, достаточно длинной и нескладной. Она (видимо, форма – сост.) состояла из гимнастерки цвета хаки с кожаным поясом, такого же цвета штанов, тяжелых, но прочных красноармейских штиблетов типа спортивных буг. Брюки внизу обматывались обмотками цвета хаки.

Люди, попавшие вместе со мной в казарму, по преимуществу были самарскими рабочими. Они не верили мне, что я имею высшее образование и что обо мне могли бы хлопотать, как о нужном человеке. Один из них так и сказал: "Врешь ты, Тихомиров, никто о тебе не хлопочет, кому ты нужен?".

Военное обучение новобранцев было совсем нехитрым. Нас научили только, как надо выкладывать патроны и стрелять. Никакого внимания не обращалось на устав. Тем не менее меня вскоре послали в караул для охранения какого-то склада. Я отстоял свои часы, как полагалось, было в достаточной мере тепло, никаких историй не случилось.

После пребывания во временной казарме нас отослали в большую каменную казарму, неудобную царскую казарму с нарами. Здесь мы простояли опять несколько дней. Однажды мне пришлось даже выполнять должность дежурного по полку, хотя я толком даже и не представлял себе, в чем заключаются мои обязанности.

Народ, выбранный в Самарский рабочий полк, как я говорил, по преимуществу принадлежал к числу рабочих, но были здесь и молодые интеллигенты, были и люди, совершенно своеобразные. В особенности запомнился молодой еврей Яша, которому едва ли было больше 18 лет. Яша оказался моим соседом по нарам и долго и трогательно рассказывал, как папаша отдал ему последние папиросы, сказав: "Кури, Яша, кури, уж не знаю, когда мы с тобою увидимся". В казарме рядом со мной лежали и два двоюродные брата, почти глухие.

Самарский рабочий полк представлял собою, насколько я помню, в те времена запасный полк. Нас выстроили во дворе казармы в одну шеренгу. Командир скомандовал: "выходите вперед строевые". Из 200-300 человек вышло не больше 20-ти. Все остальные являлись такими же нестроевыми уродами, каким был я. В тогдашней войне количество играло значительную роль, тем более, что понятие о том, кто является годным для военной службы, было уже в те времена неясным.

Через несколько дней после первого смотра нам объявили, что мы в качестве третьего батальона вливаемся в 220-й стрелковый Иваново-Вознесенский полк, состоявший из молодых иваново-вознесенских рабочих. Полк только что прибыл в Самару для отпора Колчаку. 220-й полк вошел в состав 25 дивизии, которой командовал Чапаев.

Вскоре на площади у собора состоялся военный парад при участии Троцкого. Но я Троцкого не видел, так как стоял далеко

от собора на боковой улице, спускавшейся к Волге. Тут меня и нашел мой друг Андрей Михайлович Земский, сам артиллерийский офицер, получивший выучку еще в царское время. В целом он одобрил мой военный вид солдата с винтовкой, рассказав, что искал меня долго. Нравы были простые, и гражданский человек спокойно ходил по фронту, всматриваясь в красноармейские лица. Еще через несколько дней после этого нас повели садиться в вагоны для отправки на фронт. Для этого был поставлен большой товарный состав, нельзя сказать, что отправляемые бойцы отличались особенной организованностью. Некоторые даже стреляли по дороге в воздух, что, конечно, запрещалось, но на это командиры обращали мало внимания. Зато при отъезде возникла демонстрация в поддержку Советской власти. О ней я и сейчас вспоминаю с некоторым волнением. Когда поезд тронулся, во всех вагонах разом запели "Интернационал". Пели воодушевленно с полной уверенностью в том, что мы "наш, новый мир построим". Высадили нас на станции Толкай, перед Бугурусланом. Отсюда шли пешком в полном вооружении с шинелями в скатку, с заплочными мешками, с патронами, с небольшими лопатками на боку. Эти лопатки тогда давались красноармейцам для окапывания в земле. Двигались непрерывно и отдыхали мало. По дороге приходилось сталкиваться с другими полками нашей же 25-й дивизии.

Насколько я помню, в ней тогда насчитывалось 3 бригады. В нашу бригаду входили такие полки, как 220 Иваново-Вознесенский стрелковый полк, 221 Краснокутский полк, 22 Интернациональный полк. Три других полка составляли иную бригаду, в том числе 2 Пугачевских полка. Наполнял их народ смелый до безумия, но бесшабашный. Многие из них ходили даже не в красноармейской форме, а носили какие-то странные одеяния, даже бархатные куртки. С Интернациональным полком нам пришлось столкнуться непосредственно во время сражения после взятия Бугуруслана. Это была, кстати говоря, первая битва, в которой я участвовал. Показалась она мне достаточно грозной, хотя для привычного солдата, вероятно, должна была представляться небольшой стычкой. Впрочем, и пушки действовали, и пулеметы действовали, и пули свистели над головой.

Интересно, что во время этого небольшого сражения наиболее героически, впрочем по глупости, вел себя санитар Кобыляр, высокий еврей с бабьим лицом. Как и другие санитары, он отличался от бойцов тем, что таскал большой шест. Две жерди, на которые накладывались и привязывались шинели или брезент, составляли носилки. Положение санитаров было особенно тяжелым, потому что они должны были выносить раненых во время боя, подвергаясь большей опасности, а сами не имели возможности хоть сколько-нибудь укрыться или хотя бы стрелять из ружья. Так вот, Кобыляр стоял во весь рост с палкой, пока наконец вся наша 8-я рота не стала ему кричать: "Ложись-ка наконец, убьют тебя". Тогда только он сообразил и лег, до этого же мужественно и нелепо наблюдал за сражением.

Интернациональный полк состоял из людей различных национальностей. Красноармейцы этого полка носили железные каски, наподобие тех, какие в те времена имели германские солдаты. Эти каски вызывали некоторую зависть у других бойцов, так как наиболее трусливые солдаты думали, что каски могут спасти от ранения в голову, если пуля ударит рикошетом.

Среди красноармейцев интернационального полка выделялись маленькие китайцы и высокие сильные венгры. Были там и представители других национальностей. Сражались они мужественно и крепко, впрочем, этого нельзя было отнять и у нашего 3-го батальона, составленного из людей, не выдавших, даже не слышавших о войне, за исключением немногих.

Наиболее сильные бои произошли под Бугульмой. Белые пользовались здесь в достаточной мере орудиями и пулеметами. В наших цепях (тогда наступали цепями) оказались раненые и убитые. Иногда цепи залегали, и тогда по рядам ходил новый молодой командир полка Мухин, сменивший Горбачева. Боязни я в то время, скажу откровенно, не испытывал, а когда мы с криками "ура" пошли в наступление, исчезло уже и всякое представление об опасности, хотя я отнюдь себя не считал храбрецом, а всегда называл и называю только "храбрым портняжкой".

Почему-то во время этого сражения я особенно боялся за одного из своих товарищей, красноармейца Адрианова, громадного и нескладного детину, отличавшегося большим добродушием.

В цепи он был моим непосредственным соседом справа, бежавшим рядом со мной в атаку.

В этот день мы одержали победу и, измученные, заснули где-то в деревне в нетопленных и пустых хатах.

Утром белые пошли в наступление, продолжавшееся недолго. Мы лежали окопавшись. Впрочем, окоп у каждого бойца состоял из маленького бугорка, который был насыпан перед головой при помощи лопатки. Спать хотелось смертельно, и только непрерывные окрики "не спать", "не спать" – удерживали от сна. Пеший поход был страшно утомительным, а дисциплина невысокой. Об этом дает понятие такой эпизод. Наша рота послана была в сторожевое охранение, засевшее на высоких холмах. Сон одолевал нас совершенно, и на этот раз не спал только, к моему удивлению, я один. Я пытался уговаривать моих товарищей не спать, но один мой старый солдат, хороший и добрый человек, замахнулся на меня винтовкой и сказал: "Молчи, а то я тебя застрелю". Это случилось после долгого похода.

В своей книжке Фурманов рассказывает о том, как бойцы Красной Армии (рассказ относится к моей части) сидели на холмах в сторожевом охранении. Незадолго до этого Чапаев проезжал внизу по деревне, после чего мы заняли позиции на холмах. Однако ни штаб дивизии, ни сам знаменитый начальник не знали, что сторожевое охранение на холмах заснуло, за исключением одного очкастого человека, да и человек бодрствовал потому, что ему спать не хотелось. Не знало оно и о том, что голодные красноармейцы доедали в это время остатки хлеба, заедая его диким чесноком, его молодыми, зелеными побегам.

Таким образом, мы шли в безудержном наступлении, в непрерывном походе, но это наступление велось умными командирами. Ротный был из числа военных царского времени, ему помогал так называемый "полуротный", необыкновенно веселый и подвижный человек, иногда приезжал и баталионный, имени которого я теперь уже не помню.

Останавливались на ночлег обычно в деревнях, потому что никакие обозы за нами не поспевали; ели то, что можно было найти; тогдашние самарские деревни изобиловали едой, и на еду никто не

жаловался. Однажды, впрочем, один красноармеец стал плакать на плохой хлеб. Это так меня возмутило, что я бросил в него хлебной коркой, попавшей в козырек старому служаке, тотчас превратившем ссору в шутку. Иногда ночью происходила суматоха. Однажды, например, по деревне, где мы ночевали, карьером на телеге проскакал какой-то ошалелый человек. Ему кричали, требовали остановиться, но он летел во всю прыть; в него стреляли, но он проскочил через деревню невредимо и умчался. Крестьяне держались в целом благожелательно, но бабы разводили свою дипломатию, смысл которой заключался в следующем: "Мы-те ничего не знаем, нас-те красные не трогают, да и белые-те не трогали".

Во время пути устраивались короткие передышки, потому что идти большие расстояния в полном снаряжении было трудно.

Запомнился мне один случай, хорошо говорящий о наших умных командирах, в отличие от тех, может быть и нужных (не спорю), но едва ли очень полезных для солдат трудностей, какими впоследствии военные иногда злоупотребляли. Необходимо было переправиться через небольшую речку, дело было в мае, когда речка разлилась, а вода оставалась ледяной. Командир батальона велел задержаться на полчаса, пока не привезли доски, из которых построили нечто вроде моста, по нему переправился весь батальон в полном порядке и в сухости. Отношения мои с моими товарищами были самыми наилучшими. Я их всегда вспоминаю с чувством благодарности.

Последнее сражение, в котором я участвовал, была переправа через реку Ик. Тут, собственно, и закончилась моя военная карьера, продолжавшаяся в действующей армии полтора месяца.

После переправы через реку Ик наш полк стоял несколько дней в одном селе, однако каждую ночь приходилось выходить в сторожевое охранение, продолжавшееся несколько часов.

Из происшествий во время похода запомнилось одно. Как-то мимо нашей роты везли трупы двух красноармейцев, обезображенных до неузнаваемости белыми. Мимо погибших проходил весь наш третий батальон. Это был своего рода наглядный урок для тех красноармейцев, кто сохранял еще иллюзии о том, что их ожидает, если они попадут в руки белых.

Конец моей военной карьеры был следующим. Я вызван был к адъютанту полка Бенедеку, который вручил мне телеграмму за подписью командующего войсками южной группы фронта Фрунзе. В телеграмме предписывалось меня освободить от службы в Красной Армии, как взятого на службу неправильно, и вернуть в отдел народного образования.

Через несколько дней я выехал вместе с ранеными на родину и благополучно прибыл в Самару, получил там удостоверение об отсрочке от военной службы и водворился на свое старое место. Когда-то я хорошо помнил все события моего короткого пребывания в армии, теперь они уже стерлись и от них в памяти осталось лишь немного, но это время я считаю до сих пор, может быть, самым интересным в моей жизни. Красноармейцем, конечно, я был "липовым" по своей непригодности к военной службе. Застрелить кого-либо из винтовки я едва ли был в состоянии, но меня застрелить могли и однажды чуть было не застрелили по случайности. Наши молодые красноармейцы любили чистить винтовки, забывая иногда о том, что надо тщательно проследить, не остался ли патрон в дуле винтовки. Как-то ночью наша рота расположилась в лесу. Сидели у костра, а я спокойно лежал на шинели. Вдруг раздался выстрел. Я вскочил, как и другие, а тот самый солдат, который когда-то меня хотел застрелить за беспокойство, весело сказал: "Лежи, лежи, теперь уже живым остался". Пуля вошла в землю примерно на ладонь от моей головы. Ошалелые парни из нашей роты и отделения смотрели на меня столь же ошалелыми глазами. Через минуту все успокоилось. Впоследствии один из членов уездного Исполкома Асанин таким же способом застрелил из револьвера своего лучшего друга Тихонова, молодого красавца и любимца всего уездного исполкома. Асанин чистил револьвер, не посмотрел, что он заряжен, и убил своего друга. Как же этот мужественный и храбрый человек плакал на похоронах убитого.

Добрая память осталась у меня на всю жизнь о моих товарищах по роте. Из них я был один с университетским образованием. Подавляющее число красноармейцев нашего батальона вышли из рабочих. Наша третья рота (я служил во втором отделении) состояла из разных лиц, но я ничем не выделялся, ничем, кроме очков,

что вызывало удивление начальства. Оное удивление я видел на лице командира полка Горбачева, как-то проезжавшего мимо в тарантасе. У меня оказались и свои красноармейские таланты. Мне поручалось резать хлеб, что требовало и глазомера и честности. С некоторыми красноармейцами я дружил (Немов, Адрианов, Рожков). Мы и останавливались целой компанией, и ели, если что-либо варили, сообща из одной посуды. Моих товарищей умиляла слишком небольшая ложка, которую я взял из дому, и то, что я мало ем. Шли мы по Башкирии, и я научился нескольким башкирским фразам, после чего прослыл великим знатоком башкирского языка. Как-то раз мои товарищи сварили пшенную кашу в большом тазу, выпросив его у хозяина. Я отговаривал их варить в таком тазу, объяснив, что у башкир, как у мусульман, употребляли тазы для омовения некоторых частей тела. Но товарищам так хотелось есть, что они сварили и съели кашу, я же от нее отказался. Наелись и стали приставать к хозяину с вопросом: подмывался ли он из этого таза или нет. Хозяин ("бабай") тщетно отнекивался, но потом признался, что он "немножко подмывал". Мой авторитет после этого еще более возвысился.

В дни, предшествовавшие моему освобождению из армии, наш полк несколько дней занимал одни и те же позиции. Ночью наше отделение стояло в сторожевом охранении, точнее лежало за маленькими окопчиками, которые каждый красноармеец набрасывал лопаткой для прикрытия головы от пули. В последнюю ночь меня уже не послали на охранение, и я преспокойно проспал на нарах в хате. На следующий день я выехал вместе с небольшой командой больных и увечных. Ехали мы на обывательских подводах, раньше мобилизованных в деревнях, а теперь возвращавшихся домой. Таких подвод было всего три. На последней неподвижно лежал красноармеец с простреленным задом, бесстыдно обращенным кверху, потому что он не мог лежать на спине. Голое тело прикрывала марля, но над ней вились тучи мух. Страдал он неимоверно от тряской телеги, от жажды и пыли. Кто он был, безвестный герой или презренный дезертир, об этом никто не знал. На третий день мы его похоронили на высоком холме и поставили деревянный крест на его могиле.

Ехали мы по тем чудесным местам, которые описаны Сергеем Тимофеевичем Аксаковым. Это были "благословенные берега Ика и Демы". Красные холмы, дубовые леса, цветущие поля медленно проходили перед нами.

Подводчиком на нашей телеге (со мной ехал еще один отставленный красноармеец) был мальчик лет 12-13, маленький человек с умным личиком. Он привязался ко мне и в дороге был нашим кормильцем. "Хочешь молока", – спрашивал он, брал солдатский котелок и в деревне подбегал к окну, у которого сидела старушка: "Бабушка, дай молочка" – слышался жалобный голосок. Бабушка тотчас же наливала котелок молоком, прибавляла вареных яичек, хлеба или просто вареной картошки, и Петька кормил всю нашу подводу.

Гурий Семеныч

Наиболее памятным из всех моих самарских знакомых остался для меня Гурий Семеныч Круглов.

После возвращения из армии мне дана была новая комната, которую отыскал тогдашний квартальный надзиратель по распределению квартир Василий Иванович Куликов, о котором будет идти соответствующая речь в дальнейшем.

Круглов владел небольшим двухэтажным домом на Самарской улице. Еще в недавнее время (1963 год) этот дом оставался в прежнем виде.

В начале революции Самарская улица, находившаяся поблизости от собора и упиравшаяся в небольшой рынок, представляла собою типичную провинциальную улицу, кстати говоря, довольно чистую, застроенную одноэтажными и двухэтажными деревянными домиками. Заборы шли от домика к домику, скрывая садики и огороды, впрочем небольшие по размерам, так как в этой части города земля оценивалась дорого.

Дом Гурия Семеныча был двухэтажный, и каждый этаж составлял квартиру из 4 комнат. Внизу жил сам Гурий Семеныч, наверху жильцы, Соколовские. Когда дом был обобществлен, Гурий Семеныч остался жить в нижней квартире в качестве ответственного

съемщика, а верхние квартиранты платили деньги за жилье уже в казенное учреждение.

К домику примыкал небольшой дворик с деревянными сараями, а сбоку, между соседними домами и домом Гурия Семеныча, находился небольшой садик, скрытый высоким забором и такими же высокими плотно-закрытыми воротами.

Каждая квартира состояла из 4-х комнат с небольшой внутренней прихожей и довольно длинным коридором в виде сеней, с теплой уборной, водопроводом, с хорошими голландскими печами и неизменной русской печкой в большой кухне.

Семья Гурия Семеныча была небольшая: он, его жена Александра Михайловна и дочь Людмила, или, как ее обычно называли хозяйева, "Милочка", симпатичная девушка лет 30-ти, служившая в каком-то учреждении.

Все в доме Гурия Семеныча было ладно, крепко, во всем чувствовалась домовитость, уют и в то же время какая-то особая замкнутость, узость мещанского быта. Эту замкнутость нарушали новые жильцы. К их числу принадлежал и я, занявший боковую комнату, имевшую за стеной холодный коридор, нарушал ее и другой жилец, военный из латышей, непрерывно ругавшийся с хозяином. Впоследствии на место латыша приехал незаметный служащий, с женою Анной Ивановной.

Гурий Семеныч представлял собою своеобразный тип человека, целиком ушедшего в свои личные дела, в первую очередь в накопление и устройство домовитой жизни. Выглядел он маленьким старичком, в манерах которого выражалась уверенность и благочиние, начиная от небольшой седоватой и всегда подстриженной бородки.

Основной чертой его внешности было благообразие и благолепие в полном смысле этого слова. И в жизни своей Гурий Семеныч проповедовал благообразие и благолепие, чему и сам следовал. Он не был жадным для себя и для своей семьи; семья его жила зажиточно, удобно, с большими запасами продовольствия. Здесь пекли хорошие пироги, готовили сытные кушанья, делали все сытно, вкусно, и в то же время с определенным расчетом.

Гурий Семеныч был человеком весьма религиозным и во время церковной службы в соборе ходил вместе с другими по церкви с та-

релочкой в руках для сбора среди православных соответствующих подаяний. Как известно, в наших церквах собирание пожертвований на тарелочки и в кружки производится в наиболее торжественные моменты богослужения, когда умиленные души готовы раскрыть свои тугие или тощие кошельки для церковного устройства. Бывало, хор заливается "Хвалите имя господне", а в это время уже выплывает вереница сборщиков, человека 4-5, несущих кто оловянное блюдо, кто запечатанную кружку, с соответствующими надписями. Впереди выступает староста, а примерно на втором или третьем месте движется Гурий Семеныч. Благовение, восхищение церковным пением написано на его лице, но в то же время он ведет себя настороженно. Ведь надо тщательно следить, чтобы какой-то богомолец не положил на блюдо три копейки и не взял взамен в виде сдачи 10. Это бывает в наших церквах не так уже редко. В этом случае возникал вежливый спор и провинившийся оставлял на тарелочке 3 копейки, не получив обратно в виде сдачи серебряный гривенник.

Философия Гурия Семеныча была очень простой, и он нередко развивал ее передо мною во время споров о церкви. Бывало, он говорил (обычно Гурий Семеныч не заикался, но как-то любил повторять одни и те же слова): "Я, я, я, Михаил Николаевич, думаю так: только веруй в бога, и тогда все тебе прибавится". "Нет, – отвечаю я, – Гурий Семеныч, так не выйдет. Апостол Павел сказал: вера без дел мертва есть. Не будете добрых дел делать и не спасетесь". Но Гурий Семеныч никак не хотел делать добрые дела, и его учение о необходимости только верить вполне соответствовало его жизни, жизни упрямого мещанина, не признававшего ничего, кроме своего личного блага.

Гурий Семеныч любил рассказывать о своей службе в какой-то датской фирме, не то Асмуссен, не то Расмуссен, которая существовала до революции в Самаре и торговала водопроводными и прочими принадлежностями.

"Я, – говорил Гурий Семеныч, – служил в этой фирме очень хорошо и хозяин мне платил 125 рублей в месяц, а кроме того, каждый месяц добавлял от себя так, чтобы другие не знали, 25 рублей". При этих словах я всегда дополнял его слова про себя: "за шпионство".

На эти-то деньги, на 150 рублей в месяц, и сумел Гурий Семеныч воздвигнуть свой домик, который и по тому времени, несмотря на самарскую дешевизну, стоил довольно дорого. Главной достопримечательностью этого домика являлось произведение этой датской фирмы, не то Асмуссен, не то Расмуссен, сосредоточенное в уборной, которую Гурий Семеныч представлял себе как особое святилище. Каждого нового жильца он знакомил с этим местом, на двери которого с внутренней стороны была наклеена каллиграфически написанная инструкция из 15-ти пунктов о том, как надо пользоваться водопроводными и прочими принадлежностями Асмуссена или Расмуссена.

Удивительно блаженная улыбка плавала на лице Гурия Семеныча, когда он демонстрировал новому человеку этот прибор, являвшийся, по его мнению, чудом техники, хотя этот прибор был сделан скверно и очень часто засорялся из-за слишком узких труб. Подобное явление вызвало страшное возмущение Гурия Семеныча. Я не был в этом повинен, так как боялся в данном случае Гурия Семеныча как огня, но латыш постоянно ошибался, после чего начиналась ругань между хозяином и жильцом.

Но наибольшее недовольство Гурия Семеныча вызывали действия верхних жильцов. Когда прибор засорялся в квартире и потолок немного промокал, внизу начинался настоящий корабельный аврал. Гурий Семеныч обходил все комнаты, стучался и ко мне, и раздавался голос: "Михаил Николаевич, идите сюда". За этим следовало появление Александры Михайловны, Милочки и Анны Ивановны, сменившей латыша.

Гурий Семеныч предводительствовал всеми, широко отворял двери в святилище и возмущенно показывал на потолок, восклицая: "Вот, вот, вот, они, Соколовские". Тут происходила деловая дискуссия о страшных последствиях преступления Соколовских, после которой Александра Михайловна жалобно обращалась ко мне с просьбой пойти и усовестить негодных верхних жильцов. Я шел вверх, где встречался с хозяйским сыном, молодым человеком, работавшим где-то на заводе. Тот встречал меня обычно словами: "Опять эта старая сволочь прислала". После разговоров и совместной ругани нашего хозяина я возвращался обратно, успокаивая Гурия Семеныча, и все расходились по местам, верхние

же жильцы принимали свои меры, потому что портить потолок не входило и в их интересы.

Гурий Семеныч жил чрезвычайно замкнуто. Никогда у него я не видел никаких гостей, приезжал только иногда какой-то мужчина средних лет, ухаживавший за Милочкой. Его угощали, после чего Милочка играла на пианино, а он пел чаще всего одну и ту же арию "колеса также не стоят". Однако ухаживание его окончилось ничем, и Милочка так и осталась незамужней. Видимо, чрезвычайно уж пугал Гурий Семеныч со своими установками.

За несколько лет, которые я прожил у Гурия Семеныча, я только один раз видел, как он сделал "доброе дело". У него в кухне на полу переночевал крестьянин с женой. Откровенно говоря, я был восхищен, что даже Гурий Семеныч сделал наконец хоть один добрый поступок. Но каково же было мое разочарование, когда я узнал, что за это "доброе дело" крестьянин отдал целый каравай хлеба, стоивший довольно дорого. Так благолепие и благочестие сочеталось у Гурия Семеныча с устройством собственного благополучия.

Гурий Семеныч искренне считал меня большевиком и всегда говорил: "Вы, Михаил Николаевич, не отказывайтесь, вы настоящий большевик". Основанием для этого являлась моя поистине студенческая жизнь. На пребывание в Самаре я смотрел как на временное, ничего себе не заводил и одно время жил совсем плохо. Одежда, привезенная из Москвы, изнашивалась, а купить новую в те времена на жалованье, которого не хватало и для пищи, не было возможности. К тому же вопрос об одежде вообще мало интересовал самарских жителей. Я долгое время продолжал ходить в гимнастерке и в старом пиджаке. Кроме того, я работал в советских учреждениях, а в те времена в Самаре существовало еще много людей, убежденных в непродолжительности советской власти. Гурий Семеныч, что называется, только отсиживался, полагая, что когда-нибудь придет и его время, советская власть будет свергнута и домик вернется к нему обратно, для чего нужно было этот дом всячески сохранять.

Гурий Семеныч, впрочем, имел и некоторые другие основания считать меня большевиком: во-первых, я вернулся из Красной Армии, во-вторых, не скрывал своих симпатий ко многим меропри-

ятиям советской власти, да и работал я в советском учреждении, довольно часто уезжал в командировки на лошадях.

Однажды Гурий Семеныч столкнулся и с таким случаем, окончательно убедившим его в моем большевизме. Дело происходило 1-го мая, когда был назначен сбор для демонстрации рано утром. Я встал в 5 часов утра, надел длинные сапоги, и вдруг с ужасом увидел, что каблук от одного сапога отскочил. Что было делать? Взяв большое полено, я надел на него сапог и стал гвоздями прибавать каблук, так как первого мая нечего было и надеяться починить обувь, все было закрыто и рынки в этот день не открывались. На стук молотка послышалось какое-то движение в коридоре и раздался стук в дверь, затем появился Гурий Семеныч в одном исподнем платье. Войдя в комнату и осмотревшись, он сказал: "Да, да, каблук набиваете". Я сказал: "Да". "Михаил Николаевич, его надо надеть так". Здесь Гурий Семеныч показал мне, что сапог удобнее насаживается на полено другим способом. Постояв некоторое время, он продолжал: "А, а, а, Михаил Николаевич, сегодня праздник, а сейчас пять часов утра, Александра Михайловна спит. Милочка спит, а Вы стучите".

Заявление его было правильное, за исключением одного, что деваться-то мне было некуда. Но я сказал ему не грубо, но веско: "Гурий Семеныч, сегодня праздник всех трудящихся и все трудящиеся встают рано и готовятся к своему празднику". Заявление это произвело на Гурия Семеныча подавляющее впечатление. Он вылетел из комнаты как пуля, окончательно убедившись в крайней революционности своего жильца.

Гурий Семеныч в целом был человеком нудным, все у него зависело от денег. Вначале, когда я получал много и все стоило дешево, я был "нужным", позже стало хуже. Постепенно мебель из комнаты выбиралась без всякой замены. В этом, конечно, я виноват был сам, так как всю эту мебелировку, по крайней мере постель, надо было купить. Гурий Семеныч и раздражал и забавлял. Со смехом вспоминается один случай, когда я, можно сказать, вылез из неприятности путем небольшого обмана. Как-то служащие Самарского уездного исполкома, где я работал, получили вместо дров по 11 больших бревен, выгруженных на самарской пристани. Удалось найти возчиков, которые за определенные деньги долж-

ны были развезти бревна по домам для того, чтобы их потом распилить на дрова. Бревна были изготовлены из строевого леса от 11 до 13 вершков ширины, а некоторые вывезли настоящие лесные гиганты по 15 вершков в диаметре. Я выпросил у Гурия Семеныча небольшой железный лом, который он мне выдал с нравоучением о необходимости его тщательно оберегать. Только что я отдал лом возчику, как тот положил его под громадное бревно и согнул. Меня охватил буквально ужас, но возчик спокойно постучал ломом о то же бревно, ломик выпрямился, хотя и осталась маленькая, еле заметная извилина. Из дров кое-что досталось Гурию Семенычу, и это вызвало снисхождение ко мне, к тому же ломик возвращался уже тогда, когда смеркалось. Гурий Семеныч убрал ломик в сарай, не обратив внимания на извилину.

Работа в Самарском уезде

В Самаре я работал в Уездном Отделе Народного Образования. Он помещался вначале в красивом двухэтажном особняке, принадлежавшем когда-то крупному самарскому купцу.

Первое время этот особняк сохранял еще свою внешность, и после приезда в Самару я жил до приискания мне комнаты на антресолях этого особняка.

Позже Уездный Отдел Народного Образования переехал в другое место и стал помещаться напротив Самарского университета, поблизости от соборных садов. По возвращению из армии мне подыскивали комнату на Самарской улице, у Гурия Семеныча Круглова. В ней я и жил довольно долго, пока, наконец, не переселился в здание, где находилось архивное управление и Самарское общество археологии, истории, этнографии при Самарском университете.

Здание напротив университета, куда переместился наш отдел, представляло собою длинный деревянный особняк в 2 этажа, с прилегающим к нему обширным двором. Во дворе находилась ямская станция, так как в уезд можно было проехать только на лошадях. В здании нашем размещался Самарский уездный исполнительный комитет (исполком) и его учреждения, в том числе библиотечный отдел.

Во главе уездного Самарского исполкома стоял Иван Лычев, тот самый Лычев, который прославился в качестве одного из участников восстания на броненосце "Потемкин"⁹. Человек это был добрый и мягкий. Отделом народного образования заведывала старая большевичка Шеина, умная и хорошая женщина. Вообще говоря, порядки в Самарском Отделе Народного Образования того времени были вольными. К беспартийным, работавшим вместе с советской властью, наше начальство относилось хорошо, причем не просто формально хорошо, но и сердечно.

В моем ведении состояли все библиотеки уезда, как инструктора по библиотекам. Ближайшим моим начальником был Сергей Иванович Гадимачук, с которым вскоре меня связала большая дружба, продолжавшаяся до самой его смерти и отчасти продолжающаяся у меня с его сыном Юрою, теперь конструктором на одном из подмосковных заводов. Сергей Иванович умер как-то внезапно, вскоре после моего отъезда из Самары. Рассказывали, что у него в сердце образовалась какая-то внутренняя бородавка, которая заткнула артерию, отчего и произошла мгновенная и безболезненная смерть.

Сергей Иванович был беспартийным, но такого типа беспартийным, которых правильно называют "беспартийными большевиками". Сергей Иванович страстно любил свое дело, причем любил от души, видел в библиотечном деле и в политпросветительной работе действительное средство для просвещения народа.

Основная моя работа проводилась в уезде. Надо представить себе, что это был за уезд. На севере он кончался у Зубовки, к северу от станции Кошки, лежащей на железной дороге из Симбирска (Ульяновска) в Уфу. На юге Самарский уезд тянулся вдоль Волги до Обшаровки и доходил до Самарина на Волге. Общее расстояние между северным и юго-западным концом Самарского уезда равнялось примерно 200 километрам.

Вот по этому пространству работники уездного исполкома (уисполкома) и разъезжали на ямских лошадях.

Ямщина осталась от царского времени, постепенно деформируясь в первые годы советской власти. Мне, как и другим сотрудникам Самарского уездного исполкома, ведавшим теми или ины-

ми вопросами в уезде, выдавался "открытый лист" на получение ямских и обывательских лошадей без оплаты прогонных денег. Такой же "лист", но уже с выплатой прогонных денег, выдавался в тех случаях, когда надо было ехать по губернии.

Ямская подвода состояла из коляски или шарабана в летнее время, из саней-розвальней — в зимнее. В шарабане помещалось два человека на заднем сиденье. В него первоначально впрягались две лошади. Объявленная их скорость равнялась 10 верстам в час (11 километров). В шарабаны обычно клали солому или сено. В зимние поездки отправлялись в путь одетыми по сезону, в валенках и в длинном тулупе. В тулупе тепло было даже в 20-ти градусный мороз. Лежишь в розвальнях, смотришь на снежные степные поля, на серое или голубое небо, на необозримые просторы, на дороги, где только пучки хвороста обозначали путь. "Степь, да степь кругом..."

Лошадей меняли на ямских станциях; иногда приходилось брать вместо ямских лошадей обывательские. Лошади запрягались обычно в шарабан. В Самарщине такие шарабаны имели почти все зажиточные хозяева. Лошадь проворно мчала экипаж до следующего места, где меняли лошадей, или до места назначения. Обывательские лошади давались в волисполкоме (волостной исполком) или в сельском совете.

Подводная повинность отягощала сельские советы, но выполнялась по необходимости. Иной раз приходилось ожидать в здании Сельсовета, довольно грязной комнате. Здесь шли различные разговоры на местные темы. Старики крестьяне спрашивали, кого надо везти и куда. Сельсоветчики, указывая на меня, на вопрос, что я за персона, односложно отвечали: "член". Это означало, что меня принимали за должностное лицо: по-старому, "членом" в деревне называли члена Земской управы.

В здании сельских советов иногда происходили неприятные, а иногда и смешные сцены. Мне запомнился такой эпизод. В одном Сельсовете жила сторожиха, куда она меня пригласила посидеть, как в единственную теплую комнату. Там играли двое детей: девочка лет шести и мальчик лет восьми. Играли они в выдачу карточек и в распределение мануфактуры. Мальчик строгим голосом называл фамилию (Акулина Петровна, Дарья Семеновна и т.д.) и спра-

шивал девочку: "Сколько у тебя едоков?". Она говорила: "Трое" (тогда распределяли по едокам). Мальчик возмущенно кричал: "Врешь, врешь, врешь, у тебя всего двое, ты да твоя мамонька". Завязывался спор. Одним словом, ярко воспроизводилось все то, что происходило в сельсовете в обычное время.

На ночевку приезжих ставили на постой, и здесь все зависело от того, к кому попадешь. Бывали ночевки приятные, а бывало и другое. Как-то меня поместили в хороший сельский дом, где жила жена одного из наших исполкомовских начальников. Она хорошо угостила меня и уложила спать в чистой комнате. С большим аппетитом я ел ее вкусные соленые арбузы.

В другой раз произошло обратное: меня поместили в избу, где лежал больной сыпным тифом. Пришлось в ней остановиться, но все обошлось благополучно. Сыпной тиф свирепствовал тогда по всей Самарской губернии. Разносители сыпного тифа, вши, не брезговали и моим тулупом. Иногда, впрочем, чтобы избавиться от постояльца, хозяева с самого начала возвещали о том, что в доме есть сыпнотифозные. Но деваться было некуда, и я почему-то не боялся этой страшной болезни и остался целым.

Время было тяжелым, во многих самарских селах не было даже керосина для коптилки. Короткий зимний день начинался с рассветом и кончался с заходом солнца. Как-то несколько ночей мне пришлось провести в Иващенкове. Это место носило также и другое название (Троцк, Новая Москва)¹⁰. Здесь я спал по 12 часов в сутки, а в остальное время лежал на тулупе и размышлял о разных делах. В другой раз мне пришлось ночевать в большом селеении Черная Грязь. Хозяин дома был настоящим кулаком, владевшим большим пятистенным домом. Его безрукий сын только что вернулся из армии и женился. Кормили здесь хорошо, в особенности запомнилась картофельная запеканка на хорошем коровьем молоке, да еще с добавкой сметаны, но жить было неприятно. Хозяин терпел меня поневоле, но показал свое кулацкое нутро при отъезде. В Самарской губернии зима устанавливается быстро. Весна и осень проходят почти мимолетные. Выехал я в Черную Грязь в середине ноября, когда было 10 градусов тепла, а в последний день моего пребывания в этом селе грянул десятиградусный мороз. Ехать километров 50 на лошадях в шинелишке на рыбь-

ем меху было бы очень холодно. Тут хозяин сжалился надо мной, правда, по настоянию ямщиков и по некоторой боязни. Ведь он был убежден, что я все-таки являюсь каким-то чином, и дал мне на поддержание тулуп. Но со мной должен был ехать и местный агроном, одетый совсем легко в черный плащ из легкой материи.

Помню, я сказал хозяину: "Ну дали бы вы ему тоже во что одеться". Ответ прозвучал такой: "Ничего, он горячий, и так доедет". Сжалились опять ямщики и довезли "горячего" агронома до Самары в полушубке. Примерно через год мой хозяин отправился в Сибирь согреть свою чересчур горячую кровь в тамошних местах. За ночлег я обычно предлагал деньги, но никто не брал их, так как изобилие продуктов в Самарской губернии было большим и никто деньги за щи или за молоко не брал и не хотел брать.

Пожалуй, самой неприятной из ночевок была для меня наиболее шикарная ночевка в Александротале. Ехал я тогда быстро на перекладных в село Зубовку, находившееся на самом севере уезда. По дороге пришлось заночевать в селе Александроталь, где жили немцы-колонисты. Тут стояли прекрасные каменные дома, покрытые красной черепицей. Немцы плохо говорили по-русски, но часто знали татарский язык, так как у них дворниками и рабочими обычно служили татары. Они меня хорошо накормили, в том числе и ветчиной, сделавшейся к тому времени уже редкостью и в самой Самаре, но мне как-то обидно было видеть это изобилие среди общего начинавшегося уже голода 1921 года. Тогдашние самарцы усиленно рассуждали об особых хозяйственных достоинствах немцев-меннонитов, живших в Александротале, забыли они только о том, что эти немцы были освобождены царской властью от всех податей, от военной службы, да еще получали большие наделы земли, тогда как всего этого лишены были наши крестьяне.

Высокое представление о достоинствах меннонитов, вернее об особых достоинствах немцев как хозяев, было у меня подорвано, когда я познакомился с немцами-колонистами в районе Саратова, где тогда существовала особая область немцев Поволжья. Села там были бедными и в достаточной мере грязноватыми. Значит, было дело не в особых достоинствах немцев, а в положении крестьян.

Тогдашний Самарский уезд представлял собою любопытное явление по составу своего населения. Основную массу населения

составляли русские, но к ним в значительной мере примешивались украинцы, жившие в центральной части уезда около Кандабулака.

Северная часть уезда являла собою настоящее смешение языков. Здесь жили немцы-меннониты, эстонцы-колонисты, татары, чуваши, мордва. Представители разных национальностей перемешивались между собою. Хуже всех жили чуваши – народ совершенно забитый. Когда для сокращения расходов в отделе народного образования хотели соединить русские библиотеки с чувашскими, ко мне пришла чувашская делегация. Старики чуваши убедительно говорили, что делать этого не нужно, потому что русские будут обижать чувашей.

Работа моя была интересной, во всяком случае для молодого человека, отдавался я ей охотно, тем более, что эта работа связывалась с постоянными путешествиями. Люди, никогда не ездившие на лошадях по провинции, разве только воображением могут представить всю поэтичность таких поездок. Недаром так много сложилось песен об ямщиках и о тех переживаниях, которые испытывают люди во время своих дальних поездок по нашей родине. Чистая, свежая природа разворачивается перед нами. Дорога вьется по полям, то поднимаясь на холмы, то опускаясь в глубокие овраги, кругом луга и поля, покрытые зеленью или пожелтевшими уже хлебами. Иногда въезжаешь в глухой лес. Здесь слезешь с шарабана и рви малину или землянику в таких местах, куда не заходила для сбора ягод ни одна человеческая нога, пьешь воду из чистых источников, из ручейков, из зеркальных озер, ешь простую пищу, иногда просто черный хлеб с луком или чесноком.

В те времена я обладал железным желудком и здоровьем, несмотря на свой хрупкий вид. Поэтому для меня не возникало никаких вопросов, связанных с питанием. Я охотно ел черный хлеб, просто посыпанный солью. Единственное, чего я не ел, это испортившихся продуктов. Как бы я ни был голоден, но заставить меня съесть самое аппетитное на вид мясо с душиком – было невозможно, я предпочитал остаться голодным или съесть черную сухую корку хлеба.

Основной нашей целью было насаждение библиотек, над чем упорно трудился мой друг Сергей Иванович. Время было такое,

когда партийные и беспартийные одинаково работали с подъемом. В глухих местах открывались новые библиотеки, а таких было в уезде не менее 20-30. Причем библиотекарям обязательно давалось помещение.

Конечно, с книгами было трудно, тем более, что в это время уже начался тот книжный перебор, в котором и я принимал участие уже в Ильинском погосте. Книг становилось все меньше, а потребность росла.

Деревня была в то время отсталой, хорошо, если где-либо находился граммофон, под который танцевала молодежь, главным образом учащиеся старших классов. Тогда модным считался давно уже устаревший танец, носивший название "ту-степ", что означает два шага. Часто при въезде в село приходилось слышать этот ту-степ, на мотив которого распевалась такая песенка:

Карапет мой бедный.

Почему ты бледный?

Оттого я бледный.

Потому что бедный,

Чего тебе надо?

Ничего не надо.

Чего тебе нужно?

Ничего не нужно.

Звуки "Карапета" потом долго меня преследовали.

В библиотекарю приходилось брать из среды людей, хоть сколько-нибудь умевших читать и писать, настолько Самарский уезд был небогат грамотными людьми. Сельские грамотеи того времени состояли из двух категорий: во-первых, это были учителя и библиотекари, во-вторых, священники и дьяконы. Тогда еще не было настоящей сельской интеллигенции, а церкви в селах по преимуществу действовали. У священников мы покупали много книг, в том числе приложения к "Ниве" и прочим журналам.

Большие заботы вызывала неграмотность. Ликвидация неграмотности тогда стояла перед обществом как одна из необходимых задач. Теперь это уже в прошлом, но только недавно я прочитал, что на земном шаре и в настоящее время (1962 год) имеется 700 миллионов неграмотных людей, а тогда неграмотность в России была потрясающая.

Мы занимались устройством курсов для ликвидации неграмотности, но не хватало бумаги и перьев. Иногда доходило дело до курьезов: в одной квартире с Гадамачуком жил помощник заведующего отдела народного образования Васильев, ведавший ликвидацией неграмотности. Однажды он председательствовал на собрании, один из участников которого предложил в порядке новой меры учить грамотности таким образом: писать палочкой буквы на мокром песке. По этому поводу даже терпеливый Васильев заметил, что остается только предложить писать вилами по воде.

Но, конечно, в поле моего зрения, главным образом, находились библиотеки. Надо было найти библиотекарей, хотя бы совмещающих их работу с учительской. Для этой цели устроены были переездные курсы, под моим начальством.

Для курсов выбрали пять селений: Zubovka – на севере уезда, "Красная Горка" – в центре, Сколково – недалеко от Самары, Екатериновка – на Волге, Самарино – тоже на Волге, ниже Сызрани. Первые курсы состоялись в Zubovke, в большом селе с красивой церковью начала XIX века. Село принадлежало когда-то знаменитым Zubovым, из рода которых вышел Платон Zubov, фаворит Екатерины II.

В Zubovke находился красивый и хороший парк, кругом нее тянулись леса. Для курсов и общежития отвели местную школу.

Курсанты пользовались бесплатным питанием, а занятия велись по утрам. Здесь со мной произошел несколько комический случай, о котором я все-таки хочу рассказать, потому что он характеризует и наших студентов, и тот подъем, который испытывали в то время провинциальные интеллигенты (1920 год).

Я поехал из Москвы, захватив с собою только немного пожитков, и с моими брюками произошел конфуз, они стали просвечивать в самом интересном месте. Мне поставили заплаты, но местный предком, ведавший также и раздачей мануфактуры, по тайному ходатайству курсантов, решил меня облагодетельствовать и выдать материю на брюки. Но я был в таком возвышенном настроении, что отказался от этого кажущегося теперь смешным, но в то время далеко не смешного предложения. Зато уж каким почетом я был окружен, когда внезапно на моей ноге появился какой-то нарыв. Для того, чтобы разрезать нарыв на ноге, вызвали

фельдшера, меня посадили на табуретку, проделали нехитрую операцию, от которой, впрочем, у меня закружилась голова. Особенно старался старый учитель, следивший за операцией.

Разные были люди в Зубовке, но по преимуществу хорошие. Среди них запомнился один татарин, плохо говоривший по-русски, но ведавший татарской библиотекой. Ничего не понимая, он сидел на парте со страдальческим лицом. Наконец выбрал время и пришел ко мне, бормоча какие-то мало понятные слова. В конце концов удалось разобрать, что речь идет об "уразе" – мусульманском посте (рамадан – ураза), когда днем запрещалось есть. Впрочем, ураза была тут только отчасти виновата, ведь шел июль и жатва была в самом разгаре.

Чудные дела творились в это время в нашем Заволжье. Татары работали на полях как прославленные и неутомимые жнецы, лучшие во всей тогдашней России, но не хватало самых необходимых вещей, в том числе дегтя. Бывало идешь в поле и слышишь какой-то невероятный скрежет и визг. Вдруг на горизонте появляется телега, запряженная лошадью, а в ней сидит татарин, несмазанные же колеса и оси скрипят и вопиют к небесам, безуспешно вопиют о колесной мази.

Вторые курсы состоялись в "Красной Горке". На этот раз продком оказался несимпатичным и стал проверять, откуда мы получаем деньги для дополнительного питания, где покупаем молоко и пр., на что я ответил решительным отказом сообщить, отослав его в уездный исполком, к моему начальству. Продком хотел выяснить, где мы берем молоко, чтобы наложить на хозяев соответствующее взыскание. Но молока было много, и все слушатели курсов оставались вполне довольными, выпивая большое количество молока, которое им ставилось без всякой нормы на стол.

К этому времени относится любопытный случай. Среди людей, хорошо относившихся к курсам, был местный учитель по фамилии Рогов, мужчина средних лет. Он отличался своего рода деревенской дипломатией. Как-то мы шли и разговаривали о различного рода напастях, угрожавших крестьянам. Рогов в душе был уверен, что я являюсь самым что ни на есть ярым большевиком, и поэтому подлаживался под разговор.

"Ну, – говорил он, – как же с мужика не брать, ведь он все прячет, ничего советской власти не хочет давать". В это время навстречу нам шли два степенных крестьянина. Сняв картузы, они поклонились Рогову, назвав его по имени и отчеству, и прошли мимо. Мой собеседник тут же востропел и нарочито громким голосом сказал: "Дааа, все нашего мужичка обижают". А через минуту тихим голосом добавил: "Да и как же его, мерзавца, не обижать!" и пр.

Третьим местом для курсов явилось Сколково – бывшее имение невдалеке от Самары. Здесь стоял деревянный барский дом. Стоял он в парке, ограниченном большим прудом. В глубине парка стоял грот, а в нем лил родник чистой и холодной ключевой воды, удивительно вкусной.

Это место мне запомнилось по ряду причин. После Зубовского подъема, я испытывал в Сколкове своего рода падение. Здесь жила моя знакомая, местная библиотечка Софья Павловна Яценко, с которой я был дружен и раньше¹¹. У нее оказалась сестра, заведывавшая местным случайным пунктом – агроном. Впрочем, теперь я сомневаюсь, чтобы это была ее сестра, по крайней мере, ее мне называли.

Моим спутником в поездках к сестрам оказался завхоз Василий Иванович Куликов. В наших поездках ничего зазорного не было, но мы часто в телеге разъезжали на тех самых подопечных лошадях, которые находились в ведении агрономши. Поездки в поле, лес запомнились мне на долгое время, но отвлекали тогда от забот по курсам, которые шли вообще неплохо. Нашлись недовольные. Одной из них была некая Незнакомова, дама лет 35, из разряда "коломбин". Так я называл тогда подобных дам по их наряду. Она носила какие-то цветистые платья из материи, покрытой звездами по синему полю, носила головной убор в виде белой панамки. Глядя на него, я почему-то вспоминал чьи-то стихи:

*Я под маской Коломбины,
Ты под маскою Пьеро.*

"Коломбина" на одном из собраний здорово распушила меня за непорядки, скорее воображаемые, чем действительные.

Четвертым местом библиотечных курсов стала Екатериновка, большое село поблизости от Волги. Здесь в те времена находилась пароходная пристань, расположенная в 2-3 километрах от села.

В селе стояли хорошие дома, окруженные плодовыми садами. К Екатериновке примыкали волжские рукава, образовавшие острова, заросшие кустарником и деревьями. Особенно выдавались гигантские осокори – вид серебристых тополей, с их красивыми вырезанными листьями, точно подбитыми белой подкладкой.

В Екатериновку меня сопровождала в качестве помощницы жена Андрея Михайловича – Надежда Афанасьевна. Никаких особых событий в Екатериновке не произошло. Впрочем, здесь произошел любопытный случай, показывающий, как, в сущности, легко надуть бюрократическую компанию.

В это время (1920 год) придирки продкомов делались все более строгими, а наши курсанты получали больше продовольствия по сравнению с тем, что полагалось по почти голодной норме, но и эта большая порция едва-едва в состоянии была накормить нормального человека. Количество же денег, отпускаемых на покупку молока или других продуктов у частных лиц, в это время было сильно сокращено.

Приехав в Самару, я спросил у Сергея Ивановича: "Как же ты получил такое количество продуктов для наших курсантов?" Сергей Иванович засмеялся и сказал: "Смотри этот список". Смотрю и спрашиваю: "Кто такой Никифоров?" Он отвечает: "Я и сам не знаю". "Так как же ты его написал?" "А если бы я не написал, – ответил Сергей Иванович, – то твой Иванов сидел бы голодным и курсы не состоялись бы".

Оказывается, Сергей Иванович, попросту говоря, написал вымышленные фамилии и тем спас всю нашу затею.

Однако для пятых курсов проделать новую операцию с чужими фамилиями было трудно. В это время вышло постановление строго проверять списки тех людей, на которых выписывается продовольствие. Это делалось совершенно правильно, потому что таких людей, как Сергей Иванович, было маловато. Мы-то не воровали продовольствие, а многие из окружающих нас расхищали и продавали продукты. Но что было делать?

Я прибегнул к следующей хитрости. Спрашиваю, например, заведующую отделом народного образования: "Приедете ли к нам на курсы?" "Да не знаю". "А может быть, все-таки приедете?" "Может быть," – отвечает она. Тогда я вписываю ее фамилию в список. То

же самое я делал со всеми властями уездного исполкома. Результат ясен. Как же можно было выбросить все начальство из списка? А за счет начальства прокормились простые люди. Жульничество? Согласен, но жульничество это делалось с благими целями.

В Самарине, пятом месте нашего пребывания, мы помещались в большом доме, принадлежавшем известному помещику и публицисту Самарину. Дом его был построен в виде громадного средневекового замка, стоявшего над Волгой в большом парке. Через овраг в парк вел мост, насколько я помню, готического вида, да и сам дом был построен по типу готических замков.

В этом здании мы и разместились. Тогда вышло постановление о создании школ-интернатов во всех уездах РСФСР на средства уездных исполкомов, но в местном продкоме нашлись люди, решившие, что можно занять это великолепное здание под канцелярию.

По обыкновению плохих администраторов, продкомиссар с сопровождающими его лицами явился в наше здание и не говоря ни слова, зачем и для чего они явились, продкомиссаровцы осмотрели Самаринский дом, бормоча под нос непонятные слова.

Прошло два дня, и вот они появились уже во всеоружии. Впереди в шарабане ехал продкомиссар, за ним двигалось три воза, нагруженных бумагами и канцелярскими столами. Дальше шла уже продкомиссаровская канцелярская братия, сопровождаемая солдатами с ружьями из числа продкомиссаровского отряда.

Продкомиссар явился ко мне в комнату, а я помещался в маленькой комнатухе вроде фонаря, и строго сказал мне: "Очистите это помещение". Я ответил: "Я не могу очистить". "Тогда мы выкинем ваши вещи". "Пожалуйста". В комнате находилась единственная моя вещь, фанерный чемодан с грязным бельем.

Продкомиссаровцы побрели по дому, но никто не поднялся со своего места. Тогда они явились ко мне и заявили опять свое требование. Я сказал, что уехать не могу, потому, что это здание уездного исполкома и я здесь по постановлению исполкома. На их вопрос, куда же надо обратиться, я ответил: "В Самару". Но в Самару нужно было ехать на пароходе около суток, а пароходы ходили с очень большими промежутками.

Кончилось дело тем, что воинственные комиссары поехали обратно со всеми своими пожитками. С готического моста один из возов свалился в овраг. Пришедшие ко мне, мои курсанты сказали со смехом, что продкомиссаровцы двинулись обратно. Я вышел на большой балкон и смотрел на отступающего врага, вероятно, с тем же чувством, с каким Авраамий Палицын глядел с башни Троицкого монастыря на убегающих поляков.

Вскоре после этого у нас состоялся выпускной бал. На нем присутствовал и продкомиссар, понявший неудобство своего поступка. На этом балу особенно выдавался маленький еврейчик сапожник, по-тогдашнему "мастер трудовых процессов". Тогда на курсах часто изучались трудовые процессы при помощи мастеров-сапожников, делавших заготовки из кожи, главным образом для себя. Для меня, впрочем, маленький сапожник сделал какие-то странные заготовки с красивым хлястиком. На мой вопрос, что означает такой замысловатый хлястик, он ответил, что это сделано "для красота".

На балу маленький сапожник выступал деятельно. Этот человечек раньше носил громадную бороду и казался стариком, но его уговорили сбрить бороду, и теперь перед нами скакал молодой симпатичный еврей, радостно кричавший своим гортанным голосом имена тех, кому посылали большую почту. Особенно запомнился невероятный прононс, с которым он выговаривал цифру четыре, звучавшую не то как "торты", или "творты".

Иргизские монастыри

Когда-то в середине XVIII века на реке Иргиз, впадающей слева в Волгу, возникали старообрядческие монастыри. В то время теперешний Пугачевск (Николаевск) был крайне слабо населенным. Нередко на него нападали кочевые башкиры и казахи, которых тогда называли киргизами.

Однако в глухой степи, где, казалось, негде было скрыться, там и здесь находились укромные местечки в глубине оврагов и по берегам небольших степных рек. Самой значительной из таких речек, впадавших в Волгу с левой или восточной стороны, и был Иргиз.

Река окружена по берегам большой лесной поймой, непроходимыми зарослями ольхи, осокоря и других прибрежных деревьев и кустов. Здесь-то в укромных местах на островах или полуостровах, образуемых извилистым Иргизом, возникли старообрядческие монастыри.

При Екатерине II это были укромные места, куда спасались старообрядцы от преследований царского правительства. Жизнь здесь была тревожной от возможных набегов степных хищников, но и по-своему удобной, по крайней мере безопасной от царских властей, различного рода исправников и т.д. От них откупались деньгами, да и сами исправники не любили залезать в дела старообрядческих монастырей, которые поддерживались крупными купцами в Москве и в других русских городах. Монастыри эти впоследствии сделались единоверческими, но сохраняли еще некоторый распорядок прежних времен. Такими они и содержались до революции.

После отхода войск Колчака весной 1919 года монастыри были закрыты, и возник вопрос, что делать с теми богатствами, которые были накоплены старообрядцами. В Самару приехал член Пугачевского уездного исполкома Сухоносенко и обратился с просьбой прислать знающих дело людей для того, чтобы принять старопечатные книги и рукописи, хранившиеся в монастырях. Губернский отдел народного образования обратился в уездный, где тотчас же назвали меня. В это время я только что вернулся из Красной Армии и, конечно, охотно согласился поехать на Иргиз.

Знания мои по палеографии в то время были очень небольшие, но все-таки я был чуть ли не единственным лицом, которое могло разобраться в древних рукописях, если не считать академика Владимира Николаевича Перетца, но он по своему здоровью никак не годился для поездки в Пугачевск, только что освобожденный от белых. Ведь до Пугачевска надо было ехать на лошадях по степи, далеко еще в те времена не безопасной, примерно 100 километров, или ехать на пароходе до Хвалынска, перебраться на другую сторону Волги в село Духовницкое, а оттуда на лошадях или пешком добраться до Пугачевска (около 80 километров).

Главным лицом экспедиции был не я, а заведующий Самарским музеем, незабываемый Федор Тимофеевич Яковлев¹².

В своем прошлом Федор Тимофеевич был начальником какой-то железнодорожной станции. Одновременно он занимался, в порядке развлечения, археологическими и прочими делами. Человек это был не очень образованный, а в истории, попросту говоря, ничего не понимавший. Но в начале революции такие люди нередко попадали на разные должности, в числе их оказался и Федор Тимофеевич, которого по крайней мере нельзя было заподозрить в каких-нибудь контрреволюционных деяниях.

Любопытен был даже внешний облик Федора Тимофеевича. Худой человек небольшого роста, он одевался в какой-то странный сюртук с развевающимися фалдами. На голове его торчал старомодный котелок, в целом он являл собою портрет провинциально-го франта нашего века с обязательными тенденциями нравиться дамам.

Считался он в свое время в Самарском отделе народного образования великим знатоком истории и археологии.

Третьим лицом в делегации являлся препаратор Самарского музея Бороздин.

Федор Тимофеевич ходил важно, а за ним обычно семенял препаратор Бороздин, человек средних лет, одетый в сюртук, но более затрапезного вида. Они ходили обычно не рядом, а гуськом: впереди Федор Тимофеевич, а за ним Бороздин.

Такая-то компания и отправилась в Пугачевск. Ехали мы окружным путем, так как Сухоносенко побаивался ехать через степь, где еще ходили шальные люди, да и дорога была долгой. На пароходе мы доехали до Хвалынска. При посадке на пароход нам с трудом удалось получить каюту второго класса на четверых. Туда мы положили наш нехитрый скарб, в том числе и те "редкости", которые Федор Тимофеевич выделил для вновь организованного музея. Я в жизни никогда больше не видывал столь пакостных картин, какие Федор Тимофеевич вез в Пугачевск. Однако и эти картины сослужили хорошую службу. Капитан парохода, узнав, что мы везем дорогие полотна "Шишкина и Репина", которые нельзя оставлять на палубе, дал нам каюту.

В Хвалынске мы должны были осматривать музей, в те времена очень интересный, ходили по городу. В то время Хвалынск представлял собою маленький красивый уголок с громадным коли-

чеством фруктовых садов и многими яблонями и грушами, великолепными хвалынскими яблоками и грушами, а также гибридами яблос и груш, которые носили местное название бергамот.

Город был очень красивый. На горизонте белели меловые горы. Там тогда еще стояли старообрядческие скиты.

Переехав широкую Волгу, мы оказались в Духовницком. Это село принадлежало уже Пугачевскому уезду, и Сухоносенко чувствовал себя здесь как на родной земле. Из Духовницкого мы выехали часа в два дня и ехали с двумя роздыхами по дороге: один раз обедали, другой раз – пили чай, всякий раз встречаемые очень хорошо. В это время Пугачевск представлял собою зрелище необыкновенного обилия – мясо, сало, птица, молоко, масло, различного рода хлеб, испеченный из прекрасной пшеничной муки, носившей название белотурки. Она напоминала немного по цвету и строению хорошую манную крупу – все это продавалось в большом изобилии.

Последний участок пути между нашей остановкой и Пугачевском запомнился мне особо. Нам подали по 2 хороших шарабана: в одном ехал я с Сухоносенко, в другом – Яковлев с Бороздиным. Каждый шарабан везла тройка. И в таких тройках мы мчались в Пугачевск уже поздней ночью по каким-то буеракам, оврагам, по мостам, перекинутым через речки. Парень, который вел тройку, только гикал в этой обширной степи.

С шумом и треском мы вкатились уже после 12 часов ночи в Пугачевск и здесь заночевали. Позже нам отведены были комнаты в какой-то большой школе, где поставлены были кровати и созданы более определенные удобства для нас. Об этом очень хорошо заботились.

Вслед за этим пошли и наши поездки в окрестности, во время которых во всей яркости показал себя и Федор Тимофеевич Яковлев.

Первая наша поездка была совершена в Спасо-Преображенский монастырь, стоявший в нескольких верстах от Пугачевска на реке Иргизе, там, где он расширяется и где берега его покрыты лесом. За этими прибрежными лесами начинались уже степи.

Спасо-Преображенский Иргизский монастырь, как и другие монастыри, возник в XVIII веке. Тогда это были старообрядческие

скиты, кстати очень быстро разросшиеся и получившие при Екатерине II даже некоторые льготы.

Во время моего пребывания Спасо-Преображенский монастырь был уже отчасти разорен. Ризница, тем не менее, заключала большое количество рукописей и ценных предметов. Я больше всего и занялся описанием рукописей, насколько тогда сумел это сделать.

В ризнице я также интересовался и некоторыми другими предметами. Что касается Федора Тимофеевича Яковлева, то он занялся иными делами: во-первых, служебными и, во-вторых, личными. Служебные его дела заключались в раскопках, которые он произвел в самом монастыре, выбрав для этой цели один небольшой холмик.

Помню как сейчас, с каким азартом я, раньше чем пойти работать в ризницу, рубил кусты на небольшом холмике, предназначенном для раскопок. Вечером я спросил Федора Тимофеевича, что же нашли в кургане. Он ответил – ничего. Курган оказался омшанником, где, как известно, на зиму помещали пчел. Значит, Федор Тимофеевич прекрасно понимал археологию!

Личным его делом явилось ухаживание за какой-то девицей, гораздо более молодой, чем сам ухажер. Ухаживание окончилось несчастливо – у Федора Тимофеевича, попросту говоря, пропал бумажник с деньгами. Он заподозрил девицу, но доказательств никаких не было, да и нельзя было ничего делать. У меня осталось впечатление, что к бумажнику приложила руку не девица, а Бороздин, так как он очень подозрительно пытался навести тень на плетень на кого угодно. В результате Федору Тимофеевичу пришлось у меня занять небольшую сумму денег.

День вообще закончился такой же тревожной ночью. Федор Тимофеевич долгое время сидел у открытого окна, в которое влетало множество комаров. Тщетно я уговаривал Бороздина и Федора Тимофеевича закрыть окно, они продолжали наслаждаться чудесной ночью, но зато как раскаивался Федор Тимофеевич, когда комары его буквально заели, а я то ли по молодости лет, а может быть потому, что сумел хорошо закрыться шинелью – страдал от этих комаров значительно меньше.

Второй нашей поездкой была поездка в Успенский женский монастырь, гораздо менее интересный, чем монастырь Спасо-Преображенский. В Успенском монастыре Федор Тимофеевич зато получил некоторое удовлетворение. Игуменья оказалась сравнительно молодой и отнеслась не только вежливо, но и внимательно к нашему самарскому ученому с дон-жуанскими навыками.

Мне лично запомнился удивительно обед, который дали в монастыре, в особенности какая-то совершенно невероятная картошка, запечатанная со всех сторон, каким способом – сказать не могу. Федор Тимофеевич это отведал, после чего мы с ним поехали в село Криволучье. В этом селе находился третий монастырь – Криволукский. Стоял он на острове и будет описан мною несколько позже. Тогда этот монастырь еще действовал и в нем жило несколько монахов. Они нас угощали своим обедом, надо сказать, очень хорошо приготовленным и состоявшим из нескольких постных блюд, впрочем с молоком и творогом.

В Криволучье Федор Тимофеевич решил опять раскопать курганы. Это сопровождалось очень любопытным сборищем всей деревни. Поглаживая большие окладистые бороды, мужики обсуждали между собой, зачем они будут копать курганы. Общее мнение было таково, что приезжие из Пугачевска явились "клады копать". Молодежь была настроена более критически. Один из них даже всунул лом в курган, вытащил лом и нагнулся к образовавшейся в земле дырке, прокричав при общем хохоте: "Ибрагим, ты здесь?".

Тут я уехал осматривать и вывозить в Пугачевск местный волостной архив, представлявший значительную ценность. Когда я вернулся обратно в Пугачевск и когда туда вернулся Федор Тимофеевич, я спросил, что же он нашел? Федор Тимофеевич важно ответил: "Ничего. Курган оказался сурковым (курган нанесли сурки)".

Однако Федор Тимофеевич не смущался своими археологическими неполадками и даже прочел лекцию об археологии, которая, впрочем, продолжалась всего 10 минут. На лекцию собралось народу видимо-невидимо, и этот народ сидел в нашей школе, ожидая выступления "профессора". "Профессор", однако, начал свою лекцию примерно такими словами: "Курганы бывают шлемообраз-

ные и круглообразные. Курганы надо раскапывать следующим образом". Рассказав свои скудные сведения об археологии в течение пяти минут, "профессор" закончил свою лекцию словами: "Призываю ко всеместной раскопке курганов". Водворилось тягостное молчание.

Эти слова "призываю ко всеместной раскопке курганов" впоследствии вызвали страшнейшее возмущение археолога А.В.Арциховского, который обычно в этих случаях добавлял "скотина". Арциховский прекрасно понимал, что такое представляет "совместная раскопка курганов".

В те годы я был человеком молодым и никак не предполагал, как и все молодые люди, что впоследствии мне будет самому очень тяжело ездить на лошадях, но тогда все казалось очень простым. Обратное мы возвращались опять-таки через Балаково. Обратный путь оказался тяжелым для Федора Тимофеевича и для Бороздина, потому что они по глупости согласились ехать в арбе, а арбой называется высокая телега для сена. В эту телегу положили несколько клочков сена, и арба буквально избила путников. Впрочем, они виноваты сами, я предлагал ехать в обыкновенной телеге, где помещался сам, но они гордо отказались.

Результатом этой поездки явился привоз в Самару значительного количества рукописей Иргизских монастырей. Часть их осталась на месте в Пугачевске, а часть позже была перевезена в Самару и частично в Саратов.

Второй раз я посетил Иргизские монастыри при особых обстоятельствах. Шел голодный 1922 год. Необходимо было еще раз посетить Пугачевск, в котором хранились еще некоторые рукописи.

На этот раз я ехал вместе с моим товарищем по работе Маткиным, которого мы все называли Мишей.

Миша Маткин был немного старше меня. Это был очень кроткий и добрый человек, хорошо к тому же рисовавший. Отношения с ним были самые дружественные.

На этот раз путь мы держали опять через Хвалынский, но только уже не с такими удобствами, как прежде. Приехав в Духовицкое, о котором говорил раньше, мы отправились в Пугачевск пешком, так как в то голодное время нельзя было нанять лошадей, да и денег на это не было.

Путешествие продолжалось полтора дня. По неосторожным расчетам на свои силы мы почти целый день провели в Хвалынске и выступили в путь к Пугачевску только примерно часа в два. Для Миши Маткина все эти места были хорошо знакомы. Этот кроткий человек, оказывается, был в свое время в армии белых. Как это было и почему он туда попал – я, откровенно говоря, точно не знаю, но таких прежних "беляков" немало жило в тогдашней Самарщине.

Шли мы по полям, где уже созрела сурепка, пожелтевшие поля были выжжены, а идти приходилось долго.

В первый день я устал чрезвычайно и сказал Мише, что заночую просто в степи где попало, хотя бы в канаве. Он стал уговаривать дойти до какого-нибудь села. Наконец, около 12 часов ночи подошли к большому селу, давно уже спавшему, не услышим ли где разговора. И мы действительно услышали разговор. Подошли к дому, постучались в ворота и спросили, нельзя ли здесь переночевать. В ответ мы получили любезное приглашение, что можно переночевать под навесом во дворе. Было темно, звезд почти не было. Да и навес все скрадывал. Видно было, вернее слышно было, что под навесом где-то стоят коровы.

Я сбросил с себя вещевой мешок, расстелил свою незаменимую шинель и лег спать, и заснул мертвым сном. Ночью, видимо, пошел дождь, потому что на меня из отверстия в крыше полилась вода, почему-то очень теплая. Я отодвинулся в сторону и опять заснул. Каково же было мое удивление, когда проснувшись утром я увидел, что рядом со мной стоит теленок, а он и являлся виновником ночного дождя.

Второй день мы шли уже непрерывно по степи по одной и той же дороге и на этот раз я устал чрезвычайно, а Миша шел без устали вперед и уговаривал меня, что надо спать не просто в степи, а забраться в какой-нибудь стог. Мы нашли стог скошенной сурепки. Как сейчас помню, с какой радостью я залез в сено, снял с себя вещевой мешок и тотчас же заснул. Помню только, что видел в небе одну яркую звезду, и память об этой звезде осталась как воспоминание о последнем этапе нашего путешествия.

Утром наконец мы прибыли в Пугачевск, на этот раз без всяких приветствий и сопровождений, так как нас практически никто не ожидал.

В городе была тяжелая обстановка, люди голодали, но у нас были с собою сухари и некоторые продукты. Мы отобрали нужные рукописи, так как в первый раз привезено было сравнительно немного. Теперь необходимо было их доставить в Самару.

На этот раз нам помогла американская экспедиция помощи голодавшим – "АРА". Не помню, каким образом, но удалось устроиться на их грузовике, отправлявшемся в Самару, и туда благополучно доставить наши рукописи.

На этот раз никаких особых воспоминаний об этой поездке у меня не осталось, за исключением двух: вероятно, от большой усталости и недостатка питания, хотя мы и не голодали, я заболел малярией при очень странных обстоятельствах, которые чрезвычайно хорошо рисуют, в целом благожелательно, человеческие нравы.

Миша Маткин отправился вместе со мной по реке Ирғиз отыскивать различного рода археологические предметы и нашел остатки каких-то каменных орудий и т.д. Я остался в стороне, потому что чувствовал себя плохо. Тут меня схватила малярия, и я лег под соседний стог, стараясь хоть немного согреться. Ко мне подошла женщина из числа каких-то переселенцев. Палатка их стояла тут же. Она заботливо меня укрыла своим пальто.

Миша Маткин долго отыскивал меня и не мог найти, пока не спросил наконец женщину, не видела ли она такого человека. Она указала на меня, лежащего под этим прикрытием.

Я до сих пор с каким-то чувством благодарности и радости вспоминаю этого совершенно незнакомого мне человека, не побывшего покрыть своей одеждой чужого человека.

В третий раз я был в Ирғизских монастырях в последний год моего пребывания в Самаре в 1923 году. На этот раз меня сопровождал один из молодых студентов наших археологических курсов Ваня Ананьев, впоследствии сделавшийся моряком. Он дослужился до капитана второго или третьего ранга. Ваня был необыкновенно живой юноша с различного рода выдумками, иногда даже забавного характера.

В Пугачевск ехали через Балоково*, на Волге. От Балокова шла прямая дорога, соединявшая Пугачевск с Вольском. В Балокове я побывал в отделе народного образования, в уездном исполкоме, предъявив там соответствующие бумаги, полученные в Самаре. Из Балокова на обывательских подводах, которые мы получили по открытому листу, мы приехали в Криволучский монастырь, стоявший на Иргизе.

Была ранняя весна, и Иргиз чрезвычайно широко разлился. Трудно поверить, что эта маленькая река могла составить большой водоем, в некоторых случаях шириною до километра. Среди этих разлитых вод, как бы на острове, стоял монастырь.

Сообщение с берегом происходило на обыкновенной лодке, обычной плоскодонке, сбитой из досок и цибигов от чая с надписью Губкин-Кузнецов. Надо было грести на этой плоскодонке, причем если греб один, то он сидел на передних веслах, но обычно, когда ехали двое, то второй помогал на руле лопатой поворачивать лодку в нужном направлении.

Но Ваня придумал для этой лодки "Губкин-Кузнецов" неожиданное приспособление. Взяли большую лопату, пристроили к ней своего рода мачту и на мачту укрепили подобие паруса из моего старого тканьевого одеяла. Парус был прямой, и предполагалось, что он будет ходить только при попутном ветре, но ветер, как известно, своеволен и не всегда бывает попутным. Тем не менее мы ухитрились идти и против ветра, соответственным образом поворачивая парус и направление лодки при помощи рулевой лопатки.

Ехать на лодке было довольно далеко, до самого села Криволучья, а сидеть на острове тоже иногда надоедало. Поэтому мы порой совершали путешествия, главным образом с тем, чтобы купить, например, каких-нибудь леденцов или пряников.

Однажды мы чуть было не погибли при управлении парусом. Хватил сильный ветер, вырвал мачту из-под ног. Мачту сбросило с лодки, причем она чуть не унесла с собою довольно хрупкого Ваню, а я в это время чуть не вывалился со своей рулевой лопатой за борт лодки, прокричав перед этим порывом ветра слова "поворачивай налево".

* Балоково.

На острове было совершенно пустынно, жил только один сторож, церкви стояли закрытыми, причем в них царил полный беспорядок, лежали вещи исключительные по своей ценности, большое количество различного рода рукописей и старопечатных книг. Из всего богатства можно было взять только немного, так как на лошади, а тем более на лодке "Губкин-Кузнецов" увезти было трудно большое количество предметов.

В монастыре нам отвели комнату довольно просторную в полуразрушенном здании монастырских келий. Ваня очень сильно огорчился одним обстоятельством – никаких запоров в нашей комнате не было. Можно было взять что угодно, а при желании укокошить спавших там людей.

Но он придумал, на его взгляд, интересный выход из положения. Где-то он нашел шнур вместе с маленькой дубинкой, привязанной к нему, вкладывал в карман, как в те времена полагалось делать настоящему милиционеру работнику. Этим он хотел показать, что мы люди вооруженные. Впоследствии оказалось, что предосторожность эта была не лишней. Сторож действительно через несколько месяцев убил и ограбил последнего монаха, жившего в монастыре.

Как сейчас помню зверскую физиономию нашего сторожа, какую-то обросшую и в полном смысле этого слова звериную.

В Криволуцком монастыре я разобрал всю ризницу и отобрал наиболее интересные книги. К сожалению, взять печатных книг много не пришлось, да особо редких книг там не было.

В полуразрушенной церкви лежали интересные иконы, но я в те времена не понимал, что за замечательные вещи могли там находиться, и как следует не разбирался в иконах.

Затем мы нашли там великолепную плащаницу XVI века, вышитую женою Владимира Андреевича Старицкого. Эту плащаницу мы привезли в Самару, а позже она была отдана в Исторический музей, где она сохраняется и в настоящее время.

В обратный путь мы выезжали по-своему анекдотически. К нам приехал председатель сельсовета – моряк и вместе с ним приехал местный священник для того, чтобы засвидетельствовать, что именно мы взяли из монастыря. Умилительно было смотреть, как председатель сельсовета и священник ругались друг с другом

по поводу одного обстоятельства – оказывается, они прошляпили какую-то женитьбу, за что оба получили выговор. Ругань их происходила в лодке, когда батя, засучив свои рукава, греб, а моряк важно восседал на корме с лопатой.

Самарское общество истории, археологии и этнографии

Из уездного отдела народного образования я перешел на службу в Общество истории, археологии и этнографии при Самарском Государственном Университете¹³.

Молодой Самарский университет, недавно только основанный, создавался по типу соседнего старого Казанского университета. При последнем с давних лет существовало Общество истории, археологии и этнографии, в котором работали многие видные ученые.

Казанское общество выпустило большое количество различного рода изданий, в том числе "Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете".

Таким образом, Самарский университет в гуманитарных факультетах повторял программу своего соседа.

В это время стала спешно создаваться и библиотека Самарского общества истории.

Для того времени характерно, что это предприятие сразу же приняло большие размеры не только по количеству штатных единиц, как это принято было делать в Академии Наук и в университетах в сталинские годы, сколько именно по размаху работы и необходимому помещению.

Общество занимало второй этаж большого дома, стоявшего на углу Троицкой улицы. Внизу помещался архив, а также некоторые жилые квартиры. В залах Общества первое время находилась большая картинная галерея, впоследствии переданная в местный Самарский музей.

Многие комнаты пустовали, а в одной из них, самой большой, должна была размещаться библиотека.

Библиотекарем Общества истории, археологии и этнографии сделался я и ревностно собирал со всех сторон книги. Правда, книжный фонд библиотеки общества составлялся крайне нерав-

номерно, но уже вмещал кое-какие интересные книги, а также и некоторые рукописи. Впоследствии этот фонд обогатился рукописями Иргизских монастырей. Получены были и некоторые другие старопечатные и рукописные книги, казавшиеся мне в то время исключительно дорогими и ценными. Например, 12 книг миней, напечатанные при Василии Шуйском, и т.д.

В особой комнате помещались аксаковские вещи, вывезенные из имения Сергея Тимофеевича Аксакова. Вместе с его письмами и другими рукописными материалами, здесь стоял диван, на котором, по рассказам, спал иногда Николай Васильевич Гоголь, старинный письменный стол со множеством мелких ящиков, набитых письмами С.Т.Аксакова и его родных, и близких ему корреспондентов. Впоследствии все это богатство, после моего отъезда из Самары, было отдано Пушкинскому дому, где оно хранится и в настоящее время.

Работа в библиотеке Общества истории, археологии и этнографии была несложной, но довольно кропотливой, так как наше Общество постепенно обрастало подсобными учреждениями. К их числу принадлежали и археологические курсы, неизвестно для кого и зачем в то время созданные. Однако археология была в большей чести во многих городах Российской Республики, так как являлась своего рода выходом для интеллигенции, стремившейся занять себя интересной для нее исторической работой.

Вспоминая об этом времени, я невольно думаю, насколько недальновидными были последующие поколения, которые с такой яростью преследовали, а иногда и преследуют гуманитарные науки, как якобы никому не нужные (1962 год). На курсах я преподавал историю – читал лекции с некоторым успехом, впрочем значительно меньшим, чем мой товарищ по Обществу, петербургский ученый Николай Федорович Лавров, впоследствии погибший во время блокады Ленинграда.

Состав слушателей археологических курсов был самый разнообразный. Были здесь совсем молодые люди, почти мальчики, лет 17-18, из которых потом некоторые сделались довольно видными археологами (например, Тереношкин, В.П.Мизинова и другие).

Были здесь и совсем старые люди. Трогательную триаду составляли три слушателя, сидевшие всегда на одной парте. Эту

триаду составляли: местный раввин, протоиерей Рождественский из соседней Троицкой церкви, стоявшей на базаре, и "самарский мулла". Так, по крайней мере, глава мусульманского духовенства в Самаре называл себя сам – "Самарский мулла".

Мне пришлось им преподавать русскую палеографию XVI-XVII веков. Рождественский курс сдал, естественно, хорошо, так как для него древнерусский язык не представлял особенной трудности. Раввин также достаточно прилежно изучал древнерусский язык и сдал его также прилично.

Труднее всех было "Самарскому мулле", который и по-русски говорил очень скверно и с большим акцентом. После всякого рода ухищрений и натяжек я поставил ему тройку и отпустил его душу на покаяние.

Впоследствии я с ним иногда встречался в городе. Как-то на базаре он торжественно шел с молодой второй женой, держа в руках зонтик – прикрытие от капающего дождя.

Были здесь и другие персонажи такого же свойства, которые, однако, прилежно изучали и археологию, и палеографию, и все прочие премудрости. Один из них совершенно серьезно уверял, что первым датированным памятником на Руси было Тихомирово евангелие. Бедняга перепутал посадника Остромира* XI века со мною.

Наиболее интересна была молодежь. Среди них выдавались люди действительно интересовавшиеся историей. Основное, что привлекало слушателей на курсы, был простой материальный расчет. Записавшиеся на курсы получали право на карточки для учащихся, а это, что называется, в 1921-1922 годах было "не фунт изюма".

В Самарском обществе истории, археологии и этнографии делались различного рода доклады, довольно интересные. Делал и я доклады, но как-то очень неразумно. С собой я привез рукопись Псковского мятежа 1650 года, не зная о том, что тотчас после моего отъезда из Москвы, в начале 1919 года была опубликована моя первая печатная работа под названием "Псковский мятеж 1650 года".

* Ошибка, правильно Остромир.

Вероятно, я бы сразу выдвинулся среди других молодых ученых со своей темой. У меня лежали большие материалы, которые я как драгоценность привез из Москвы, лежали черновики работы, но я почему-то это не обработал, а почему – не знаю сам.

В Самаре была опубликована вторая моя печатная работа в "Известиях Самарского Общества Самарского Государственного университета", однако ничем не примечательная, кроме рисунка, изображавшего прекрасную церковь начала XIX века в селе Богдановке. Этот рисунок был мною самим и сделан.

Гораздо успешнее были экспедиционные работы.

Сергей Александрович Хованский, заведующий Самарским архивом, о котором я говорил выше, имел знакомство среди наследников Аксаковых.

Хованские давно уже осели в самарщине и прославились своим буянством. Алексей Николаевич Толстой в своих рассказах упоминает о буянствах неких Туданских, которые и были не кем иными, как ближайшими родственниками Сергея Александровича Хованского.

Вообще говоря, в рассказах А.Н.Толстого ярко выступает перед нами бесшабашное самарское дворянство, обладавшее большим земельным имуществом. К их числу принадлежал и сам Сергей Александрович Хованский, впрочем отличавшийся некоторой большей скромностью, скромностью, однако, относительной.

В Самарском Обществе истории, археологии и этнографии работал профессор Алексей Степанович Башкиров, к сожалению, недавно умерший. Был он еще молодым человеком, а в те годы казался совсем юным. Это был мужчина высокого роста с довольно свежим и румяным цветом лица. Ученостью он большой не отличался, но отличался зато некоторыми организаторскими талантами.

Он жил некоторое время во Франции в командировке, но из Франции вернулся со столь же плохим знанием французского языка, с каким туда поехал. Во всяком случае, когда французская делегация приехала в Самару и Башкирову поручили сопровождать эту делегацию по Самарскому университету, основным словом, при помощи которого профессор изъяснялся, было слово "vouala " (вот).

Однажды Сергей Александрович Хованский о чем-то заспорил с председателем Общества Башкировым. Что дальше произошло – не вполне ясно, но досужая песенка, тут же сочиненная слушателями, гласит следующее:

*Башкиров протестовал,
Князя дурно обозвал,
В ответ Хованский,
Размахнувшись во всю ширь,
Что называется здорово заушил Башкирова¹⁴.*

Скандал получился страшный, но на этом он и закончился, потому что время дворянской чести давным-давно прошло.

Сергей Александрович Хованский организовал новую экспедицию за аксаковским наследством в село Надеждино, где сохранялся архив Ивана Сергеевича Аксакова, одного из сыновей Сергея Тимофеевича, прославленного славянофила.

Семейство Аксаковых состояло из нескольких сыновей. Старшим был хорошо известный славянофил Константин Сергеевич Аксаков, оставивший заметный след в истории русского просвещения. Всю жизнь он оставался холостым и даже, как говорит семейное предание, девственником. Умер он рано от какой-то тяжелой болезни на острове Корфу.

Второй был Иван Сергеевич Аксаков. Жизнь мотала Ивана Сергеевича по разным специальностям. В молодости он служил чиновником, впоследствии сделался директором купеческого банка в Москве. Женат он был на известной фрейлине Анне Федоровне Тютчевой – дочери поэта Тютчева.

Третьим был Григорий Сергеевич Аксаков, впоследствии самарский губернатор.

Дочь Григория Сергеевича сделалась наследницей архива Аксакова, главным образом бумаг Ивана Сергеевича. Когда она умерла, к Хованскому явилась женщина, служившая у последней Аксаковой, и заявила о том, что в Надеждине, в том доме, где жила ее хозяйка, сохраняется большой архив.

Для спасения этого архива и вывоза его в Самару был послан я. К сожалению, мне в это время очень не повезло. До этого времени я считал себя настолько закаленным, что не боялся никакой простуды. Здесь я впервые заболел тяжелой самарской болезнью –

малярией. Надо сказать, что малярия в Самаре очень опасна. Я получил ее в дороге, когда промокнул под дождем и после этого едва высохнулся в ближайшем селе у одного учителя.

Малярия, которую я схватил, была страшной силы. Каждое утро я просыпался как будто бы здоровым, но разбитым, а часов около 11 начинался озноб, переходивший потом в сильнейший жар. Я лежал несколько часов в забытии, почти лишенный возможности встать и, как сейчас помню, в полусне спорил с членами своего тела. Если надо было мне повернуться на правый бок, то я полемизировал со своей правой рукой: можно ли ее повернуть, или нельзя, потому что мне казалось, что члены моего тела распались совершенно.

К счастью, я привез с собой пуд муки, по тому времени драгоценной, и на этом основании меня кормили и давали мне молоко, что, вероятно, было причиной дальнейшего продолжения малярии.

Наконец, дело дошло до того, что я стал совершенно серьезно готовиться к смерти, причем как и в других случаях, когда я чувствовал себя плохо, я готовился к этому совершенно спокойно, точно мне было не 28 лет, а я был уже глубоким стариком.

Пытались как-то спасти и помочь, давали отвар из сиреневых листьев, который я усердно пил, но без всякой пользы. Наконец, у какого-то солдата, вернувшегося из Франции, выпросили два порошка хинина. После первого порошка мне стало еще хуже, после второго – болезнь меня оставила, ее как рукой сняло. К этому времени я уже начал сам ходить с палочкой, как настоящий инвалид.

Спас меня присланный из Самары молодой моряк, который организовал вывоз архива, впрочем не очень большого. Архив был доставлен в Самару. Здесь в Самаре его поместили в аксаковской комнате, после чего вездесущий Сергей Александрович Хованский выхлопотал деньги для его описания. Здесь я и составил краткое и не очень нужное описание, которое и поступило вместе с аксаковскими вещами в Пушкинский дом.

Архив Аксакова остался полностью не разобранным. Здесь опять сказалось мое неумение устроиваться. В те времена достаточно было написать две-три статьи об аксаковском архиве, воспользоваться имеющимися там документами, чтобы выдвинуться среди историков. Ничего из этого не было мною сделано.

Сергей Александрович был инициатором и другой моей экспедиции в Иргизские монастыри, о которых я сказал несколько выше.

Пребывание в составе служащих Общества истории, археологии и этнографии было для меня не только интересным, но и по-своему необходимым. На прежних курсах в то время преподавали не только малоизвестные и молодые ученые, подобно мне, но и старые ученые силы, из числа преподавателей Самарского государственного университета. Тогда я впервые познакомился с академиком Владимиром Николаевичем Перетцем и его женой Варварой Павловной Адриановой-Перетц.

В.Н.Перетц объявил семинар по палеографии. На этот семинар записалось двое: я и мой друг А.М.Земский, но Земский после двух-трех занятий перестал заниматься палеографией, его влекла главным образом практическая сторона дела, и он всю свою жизнь посвятил созданию учебника по русскому языку, который он впоследствии с большим успехом издал совместно со своим приятелем С.Е.Крючковым, в настоящее время профессором, крупнейшим методистом в преподавании истории русского языка.

Таким образом, семинар В.Н.Перетца состоял всего из одного человека. В.Н.Перетц принадлежал к числу тех редких людей, вокруг которых всегда группировались ученики. Это был не просто крупный ученый, а преподаватель "божьей милостью".

Не все знают, что такое воспитывать студенческие и вообще научные кадры. Большинству кажется это явление довольно простым и легким. На самом деле для этого надо обладать и своего рода способностями и, в первую очередь, определенной сердечностью к людям для того, чтобы видеть ростки их новых знаний, вовремя помочь. Ведь без помощи очень трудно бывает для всякого начинающего ученого. Тут и вопросы чисто бытового характера, и вопросы о том, где поместить ту или иную статью, к кому обратиться за помощью и т.д., и т.д.

В.Н.Перетц был очень строгим преподавателем и в то же время довольно любящим учителем. Для меня он на всю жизнь остался незабвенным учителем и другом.

О характере его преподавания, о его строгости дает представление то слово, которое я у него заимствовал и потом повторял своим ученикам.

Однажды как-то я принес рукопись, а рукописи для просмотра он давал из своей библиотеки, и на вопрос Владимира Николаевича, к какому времени относится эта книга, сказал: "Начало XVII века".

Владимир Николаевич сжал свои губы и спросил: "А подумавши?". А подумавши оказалось, что рукопись конца XVI века. Нечего и говорить, что никакой обиды на это я к нему не питал, а наоборот, почувствовал еще большую любовь и уважение. Преподавателем древнерусского языка для меня в это время сделалась его жена Варвара Павловна Адрианова-Перетц, тогда еще человек молодой. С нею дело было еще проще. Раз в неделю она меня спрашивала по прочитанному мною материалу. Она сама на каждую неделю давала три-четыре книги. Зато уже изводы и другие различного рода сведения, относящиеся к палеографии, я усвоил в достаточной мере блестяще.

Так, в сущности, началась моя деятельность по палеографии, если не считать прежнюю работу в архиве студенческого времени.

Варвара Павловна Адрианова-Перетц была второй женой Владимира Николаевича. От первой жены он имел сына, человека довольно не симпатичного. С ним не ладил.

Первоначально Владимир Николаевич Перетц жил с Варварой Павловной без венчания, так как была жива еще его первая жена. Варвара была его же ученицей; вместе с ними жила также и другая ученица Владимира Николаевича, подруга Варвары Павловны – Софья Алексеевна Щеглова.

Только в Самаре после известия о смерти жены Владимир Николаевич и Варвара Павловна повенчались в соборе, причем Башкиров, как он сам рассказывал, прочитал для него известное место из Апостола: "Жена же да убоится своего мужа".

Владимир Николаевич Перетц успел как-то привязаться ко мне как учитель и предложил мне быть его ассистентом по палеографии в Самарском университете. Предложение это я охотно принял, о чем расскажу в дальнейшем.

В конечном итоге я даже переселился в здание Самарского Общества, где первоначально помещался в большой комнате – биб-

лиотеке. Позже получил особую комнату в нижнем этаже. Эта комната имела отдельный выход на улицу через коридорчик, но главное ее неудобство заключалось в отсутствии уборной. Сама же комната представляла собою довольно большое помещение, но мебелирована она была чрезвычайно скудно, и хотя в библиотеке было много мебели, я ее не попросил для себя даже во временное личное пользование, потому что к этому времени пылал страстным желанием покинуть Самару и переселиться в Москву.

Странные люди наполняли наше Общество истории, археологии и этнографии. Наиболее примечательной фигурой был Валериан Иванович Златорунский – высокий красивый человек с громадной черной бородой ассирийского типа. Про него рассказывали, что он был преподавателем латинского и греческого языков в Чембарской гимназии. Как говорили, он требовал, чтобы при его появлении в классе ученики вставали, протягивали вперед руку и приветствовали его словами:

"*Ave*" (здравствуй).

Почему он попал в Самару из Чембарской гимназии, осталось неизвестным. Но известно только, что он записался слушателем на наши археологические курсы и на этом основании получил место в маленьком обществе при Обществе, помещавшемся в том же здании. Жил он вместе с конюхом, работавшим в Обществе – человеком малоопрятным, но по-своему симпатичным.

Златорунский и конюх враждовали между собой и постоянно ругались. Конюх называл Валериана Ивановича каким-то странным именем "Сорломон". Златорунский награждал его презрением и ходил жаловаться к ученому секретарю Общества Петру Николаевичу Ефимову.

Последний жил в большой квартире, имел большую семью, он был вдовцом. Вот к нему и повадился ходить Валериан Иванович с жалобами на конюха.

Однажды он пришел к Ефимову, был им хорошо принят и пожаловался на то, что конюх ругается неподобными словами. Любезный Петр Николаевич предложил Валериану неосторожный вопрос: "Какими же словами ругается конюх?". В ответ на это предложение достал записную книжку и стал при всем обществе перечитывать слова, которые я не смею повторить.

Тут даже любезный Петр Николаевич заметил: "Валериан Иванович! Вы могли бы об этом не читать!".

Среди слушателей Валериан Иванович пользовался необыкновенной известностью, вызывая восхищение своей невозмутимостью и чудачествами.

Вот, например, я цитирую его ответ о том, что представляет собою новгородская архитектура, который ему задал Александр Степанович Башкиров. Немного задумавшись, Валериан Иванович промолвил следующие глубокомысленные слова: "Шейность, колонадность, толстые стены, узкие окна". Вместе с тем Валериан Иванович пользовался успехом среди самарских дам, точнее базарных баб. Я видел даже его поклонниц, которые приносили ему различного рода подношения или ублажали его, когда он лежал в саду на лавке, восклицая громким голосом: "Пелагея Ивановна – чаю".

Соответствующая Пелагея Ивановна мчалась как угорелая и подавала чай на подносе, тогда как Валериан Иванович лежал на лавке, поглаживая свою ассирийскую бороду и глядя в голубые небеса.

Любопытным персонажем среди слушателей была так называемая "курсистка Леля". Такое она получила прозвище от своих сотоварищей слушателей. Это была дама лет 50-ти, целиком увлеченная своей бесполезной работой. Об ее встрече с Валерианом Ивановичем Златорунским рассказывали анекдотические подробности.

Оба они встретились на одном из самарских дворов, причем "курсистка Леля" подняла руку и показала пальцем на громадную сосульку, сказав "Видите?".

Валериан Иванович покачал головой и заявил, что видит. Тут раздался страшнейший грохот, и сосулька упала вниз, не задев ни одного из собеседников.

Молодежь, группировавшаяся вокруг Общества истории, археологии и этнографии и его курсов, была по-своему любопытной. Во-первых, она здесь получала некоторую поддержку. Поддержку эту оказывал иногда и я, так как мне приходилось получать как преподавателю университета некоторые пайки, а также я получал за уроки, которые давал в то время.

Наиболее доходными оказались два студента, учившиеся русскому языку. Они были агентами при шведском посольстве, которое во время знаменитого самарского голода 1922 года содержало здесь особую благотворительную миссию.

За уроки я получил два пуда муки и целую бочку хороших шведских сельдей. Мука была не столько съедена мною, сколько роздана различного рода нуждающимся вместе с картошкой, полученной с одного огорода. Селедки же по две-три штуки выдавались хорошим ученикам по курсам и составляли предмет некоторого рода вожделения.

Но к чести своей могу сказать, что я никогда ничего из продовольствия не продавал за всю свою жизнь, как бы иной раз ни приходилось тяжело. А тяжело приходилось потому, что московская одежда вся изнасилась и надо было покупать новые вещи. Вот я и ходил в каком-то полушубке и в черной гимнастерке, хотя, конечно, мог бы купить себе и за муку и за селедки соответствующий наряд.

Голод в Самаре был страшнейший. На улицах и на базаре, в особенности на базаре, лежали голодные дети, старики. Цены были невероятные, да и на них было купить что-нибудь трудно. Только об одном я жалею, что в это время я не взял к себе на воспитание двух детишек. Их я мог бы спасти от мучений и от гибели вместо того, чтобы раздавать имеющееся продовольствие. Вероятно, это было бы значительно лучше. Но молодость брала свое, и остаются только бесполезные сожаления.

В это время произошел и такой эпизод. Меня рекомендовали для преподавания русского языка в американскую миссию АРА, как человека, говорившего с прекрасным московским произношением. Но продолжалось это очень недолго, так как начальник миссии – не помню его фамилии, а звали его Аллен, занимался русским языком спорадически.

Я был доволен, что авантюра окончилась, так как служить за хлеб, право, не стоило. В конечном итоге хватало и того, что мы получали.

Несменяемым членом Самарского Общества была Вера Владимировна Гольмстен – ученый секретарь. Вокруг нее больше всего и группировались археологи.

Меня тоже готовы были привлечь к археологической ереси. Я даже одно время пытался изучать археологию, но вскоре ее покинул для другой специальности – палеографии.

Самарский университет

В те времена университет в Самаре, основанный в совсем недавнее время, в достаточной мере процветал. Причины этому были чисто случайные – относительное благополучие, временное, к сожалению, с продовольствием на Волге.

Как говорилось выше, в Самарском университете работали тогда некоторые видные профессора, среди которых особенно выделялся академик Владимир Николаевич Перетц с его супругой Варварой Павловной Адриановой, теперь членом-корреспондентом Академии Наук с двойной фамилией – Адрианова-Перетц.

Моя нагрузка в университете была небольшая, и мне она давала возможность занимать известное положение, тем более, что тогда никакого закона о совместительствах не было и каждый из нас мог иметь столько должностей, сколько он захочет. Правда, оплата за эти должности тоже была весьма невысокой. Зато какое же количество совместительств можно было иметь на знаменитые "лимоны". И все-таки я оказался самым скромным совместителем, имея 7 мест. К числу таких совместительских мест принадлежал и Самарский музей, кассир которого неукоснительно призывал нас получать какие-то грошевые деньги два раза в месяц. Я ничего не делал в музее, и все-таки оказался самым деятельным из его сотрудников. Перечисление всех мест, где я состоял совместителем, сделать трудно, но в целом это был примерно такой лист: ассистент в Самарском университете; заведующий библиотекой Самарского общества археологии, истории и этнографии, член совета Самарского губернского музея, сотрудник Губархива. Остальные совместительства, "един господи, ты веши", как говорил в свое время Иван Грозный.

Через короткое время я, вообще говоря, оказался человеком нужным для Университета. Не знаю по чьей инициативе, но меня стали выбирать постоянным секретарем на университетских соб-

рениях. В силу этого я восседал в Президиуме вместе с ректором, что, конечно, являлось почетным.

Профессор Башкиров, о котором я упоминал выше, читал археологию, но кустарно. Общее "восхищение" вызывала его супруга (первая). Она обычно сидела в своей комнате, выходявшей на Советскую улицу, глядя в окошко, и щелкала молотком орехи.

Наиболее шумным успехом пользовался преподаватель античной истории Петр Федорович Преображенский, который потом выделялся блестящими своими лекциями и в Московском университете.

Ректором был профессор Фридолин, живший в каком-то странном помещении, которое мне хорошо запомнилось. Представьте себе большую квартиру в виде какого-то громадного разгороженного коридора.

Примечания

¹ Ул. Советская, ранее называлась Казачьей, затем Дворянской, ныне В.В.Куйбышева.

² Шеина (Полдушкина) Пелагея Федоровна (1885-1869) в 1918-1919 гг. была председателем Самарского уездного комитета РКП(б), заведующей отделом народного образования; затем зав. партшколой. В 1921-1929 гг. на партийной работе в Ленинграде.

³ Трубочный завод – ныне Акционерное общество завод им. А.А.Масленникова.

⁴ Барбашина поляна – Барбошина поляна (получила название по имени одного из волжских казачьих предводителей конца XVI в. – атамана Барбоши), ныне поляна им. М.В.Фрунзе.

⁵ Памятник Александру II находится на площади Алексеевской – ныне пл. Революции. На постаменте памятника установлена скульптура В.И.Ленина.

⁶ Южин Д.Х. в 1922 г. был антрепренером Самарского театра. Организовывал гастроли в Самаре лучших певцов Петрограда и Москвы. В 1923 г. умер в Москве.

⁷ Сокольский Леонид Дмитриевич родился в 1890 г. В 1919 г. возглавлял Самарский губисполком, один из лидеров Самарской организации РКП(б). В 1919 г. руководил подавлением крестьянских восстаний в Ставропольском, Мелекесском, Сызранском, Самарском и др. уездах.

⁸ В Самаре М.Н.Тихомиров жил на ул. Самарской, д.176, кв. 1.

⁹ Лычев Иван Акимович (1882-1972) – в 1919 г. председатель Самарского уездного исполкома, один из руководителей Самарской организации РКП(б). В 1929-1931 гг. на дипломатической работе, затем находился в аппарате ЦК ВКП(б).

¹⁰ Ивашенково – Троцк (назван в честь одного из большевистских вождей Л.Д.Троцкого), Новая Москва, ныне город Чапаевск.

¹¹ Яценко Софья Павловна – сотрудник Самарской публичной библиотеки.

¹² Яковлев Федор Тимофеевич – до Октябрьского переворота член Самарской губернской ученой архивной комиссии, председатель Самарского отдела всероссийского общества филателистов.

¹³ Самарское общество истории, археологии и этнографии находилось на углу Ленинградской и Садовой, д. 73.

¹⁴ Как сообщил сын Хованского Г.С.Хованский, конфликт с Башкировым произошел из-за того, что последний предложил князю разделить между собой вещи, представляющие музейную ценность.

*Впервые опубликовано в книге:
Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни. Самара, 1994. С. 15-69.*

Публикация подготовлена к печати П.С.Кабытовым

1.2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.Н.ТИХОМИРОВА ПО СПАСЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Доклад о поездке в Иргизские монастыри М.Н.Тихомирова с 31 мая по 17 июня 1919 г.

Предисловие

Одним из самых значимых событий самарского периода жизни (1919-1923 гг.) выдающегося российского ученого Михаила Николаевича Тихомирова была его деятельность по изучению и спасению историко-культурных ценностей Иргизских монастырей. Всего состоялось три поездки Тихомирова на Иргиз в 1919, 1922 и 1923 гг. Итогом работы с монастырскими коллекциями книг явились две неопубликованные рукописи – "Описание рукописей Криволуцкого Воскресенского монастыря"¹ и "Описание рукописей Иргизских монастырей"² (Верхне-Спасо-Преображенского³ и Средне-Никольского).

Краткое повествовательное описание иргизских экспедиций содержится в воспоминаниях Михаила Николаевича⁴. Но этих сведений совершенно недостаточно для реконструкции де-

тельности в них самого историка, его работы с монастырскими коллекциями.

Прояснить обстоятельства первой экспедиции позволяют документы, отложившиеся в Научном архиве Самарского областного историко-краеведческого музея имени П.В.Алабина, и, прежде всего, делопроизводство Комитета по заведованию Самарским губернским музеем (протоколы заседаний, отчеты, доклады и т.д.)⁵. Среди них наиболее информативным является "Доклад о поездке в Иргизские монастыри М.Н.Тихомирова с 31 мая по 17 июня 1919 г."⁶ В фонде музея сохранился только первый черновой вариант доклада, напечатанный на машинке, видимо, по рукописному тексту, подготовленному Михаилом Николаевичем. Текст отпечатан с обеих сторон листа на бумаге достаточно хорошего для того времени качества, форматом 210 на 350 мм и занимает всего 12 страниц (6 листов). Лента на пишущей машинке была синего цвета, долго использовалась и не давала хорошего отпечатка. Кроме того, от времени текст на отдельных страницах утратил яркость и крайне плохо читается, отдельные его участки едва различимы. При недавней подшивке документов в папку начало ряда строк текста по правой кромке оказалось практически вне поля чтения, нередко первые буквы приходится угадывать.

Характерно, что Тихомиров, проверяя работу машинистки, не просто сам выправил отпечатанный текст, но и в значительной степени его дополнил. Кроме того, качество самой печати вынудило его вписывать поверх набранного текста отдельные буквы, слова и даже фразы. Правки были внесены сначала черными, а затем красными чернилами. К сожалению, последнего чистового варианта доклада не выявлено⁷. Черновик же с правкой попал в подшивку документов, озаглавленную "Материалы о работе комитета по заведыванию городским музеем (протоколы, годовые отчеты, доклады, списки членов комитета, объяснительные записки) т. 2 и последний. 1921-1922 гг."

В "Докладе..." Тихомиров наряду с четкими и профессиональными характеристиками уникальных предметов из Иргизских монастырей не однажды дает красочные живописные описания увиденного, а в заключительной части обращается к слушателям и читателям с убедительным и эмоциональным изложением своего

видения судьбы монастырских ценностей. В отличие от воспоминаний историка, написанных на закате его жизни, содержание доклада позволяет выявить ход экспедиционных работ, конкретную деятельность самого Тихомирова по обследованию отложившихся в монастырях рукописей, старопечатных книг и других ценностей.

Предваряя публикацию этого уникального документа, хотелось бы на основе имеющихся в нашем распоряжении материалов реконструировать обстоятельства организации первой экспедиции на Иргиз и действия, предпринятые Комитетом по заведению Самарским губернским музеем, по ее результатам.

Поводом для организации экспедиции стал приезд в Самару заведующего Отделом охраны культурных ценностей Пугачевского уезда В.А.Сухоносенко. Последний выступил на заседании Комитета по заведению Самарским губернским музеем (25 мая 1919 г.), где сообщил о плачевном состоянии Иргизских монастырей: расхищении их библиотек, архивов, иконостасов и т. д.; о том, что в с. Духовницком, бывшем имении Протопопова, были разграблены ценная библиотека и семейный архив; а в с. Каменке при волостном исполкоме хранится "редкий архив", которому также угрожает опасность быть уничтоженным. Кроме того, Сухоносенко информировал собравшихся об археологических памятниках Пугачевского уезда и обратился с просьбой командировать специалистов для изучения монастырских древностей и производства археологических раскопок. Основные положения доклада можно восстановить по протоколу заседания Комитета, сам же его текст не сохранился.

В состав Комитета входили специалисты (академик В.Н.Перетц и другие), хорошо осознававшие всю важность сделанного сообщения и необходимость принятия экстренных мер. В прениях по докладу и.о. председателя Комитета П.А.Преображенский рекомендовал обратиться к населению Пугачевского уезда с просьбой сдавать в музей церковные ценности. Те же, что еще не были расхищены, было предложено передать на временное хранение в одно из помещений Никольской церкви иргизского Спасо-Преображенского монастыря, а древние же рукописи и старинные книги немедленно перевезти из монастырей в Пугачевский уездный музей. Академик В.Н.Перетц заявил о необходимости сдать все

монастырские архивы, документы и иконы в Самарский губернский музей, а в Пугачевском оставить лишь "показательные" предметы. Наконец, профессор А.С.Башкиров предложил направить специальную экспедицию для исследования и описания сохранившихся историко-культурных ценностей.

Итогом обсуждения стало решение о командировании в Пугачевский уезд заведующего Самарским губернским музеем Ф.Т.Яковлева⁸. Под руководством его находились препаратор этого же музея Бороздин и только что вернувшийся из Красной Армии М.Н.Тихомиров. Последний к этому времени работал в Уездном Отделе Народного Образования инспектором по библиотечным делам, был человеком молодым, новым для Самары и явно не входил в состав сравнительно узкого круга верхушки научной и культурной общественности города. В поле зрения организаторов экспедиции он попал, скорее всего, по рекомендации В.Н.Перетца, бывшего единственным в Самаре специалистом по древним рукописям и старопечатным книгам. Позднее, в декабре 1920 г., рекомендуя М.Н.Тихомирова к зачислению в штат Самарского университета по кафедре палеографии, тот писал: "Знаю М.Н.Тихомирова второй год. Под моим руководством он занимался славянской палеографией и русской археографией. Очень начитан. Имеет большую любовь к русским древностям. Получил хорошую школу в Московском университете и обещает быть хорошим академическим работником. Акад. Перетц"⁹. Но сам академик, хотя и просил командировать его на Иргиз, не мог совершить такой поездки по состоянию здоровья¹⁰. Потому-то он, видимо, и посоветовал пригласить М.Н.Тихомирова, как человека, который мог скольконибудь профессионально оценить и охарактеризовать старинные рукописи и книги. По собственному же признанию Михаила Николаевича, "знания мои по палеографии в то время были очень небольшие..."¹¹.

Написанный сразу же по завершению поездки на Иргиз, доклад М.Н.Тихомирова был включен в повестку заседания Комитета по заведованию Самарским губернским музеем, которое должно было состояться 8 июля 1919 г. Однако в протоколе заседания о слушании доклада не упоминалось, скорее всего, он был перенесен¹².

Видимо, какие-то конкретные решения по результатам первой экспедиции на Иргиз были приняты уже летом 1919 г., но в сохранившихся документах упоминания о них отсутствуют. Только в протоколе состоявшегося 28 августа заседания Комитета имеются сведения об обсуждении доклада Яковлева о выделении для Пугачевского музея дубликатов "разного рода музейных предметов" в обмен на вещи, поступившие из Иргизских монастырей. Выступивший на этом же заседании В.Н.Перетц высказался за то, что в уездном музее должны остаться только "показательные" предметы, не требующие особого исследования; книги же необходимо передать университету или Самарскому губернскому музею, в последний также поместить иконы и церковную утварь¹³.

В своих воспоминаниях Тихомиров писал, что "результатом этой поездки явился привоз в Самару значительного количества рукописей Иргизских монастырей. Часть их осталась на месте в Пугачевске, а часть позже была перевезена в Самару и частично в Саратов"¹⁴. Как следует из Предисловия к рукописи "Описание рукописей Иргизских монастырей", "...в Пугачевском музее родного края составилось большое и ценное собрание старопечатных книг и рукописей. К сожалению, до весны 1922 года это собрание хранилось в самых неподходящих условиях, без всякой описи, которую, за неимением специалистов в Пугачеве, некому было составить". Именно этими обстоятельствами и была вызвана вторая поездка Тихомирова на Иргиз, в результате которой была составлена опись всех книг и рукописей музея, а некоторые из рукописей вывезли в Самару и передали в Общество Археологии, Истории и Этнографии¹⁵. Однако часть ценностей, в том числе и книг, осталась в монастырях, и, вспоминая о третьей, последней своей экспедиции на Иргиз, Тихомиров сообщал, что "в Криволуцком монастыре я разобрал всю ризницу и отобрал наиболее интересные книги. К сожалению, взять печатных книг много не пришлось, да и особо редких книг там не было. В полуразрушенной церкви лежали интересные иконы, но я в те времена не понимал, что за замечательные вещи могли там находиться, и как следует не разбирался в иконах"¹⁶.

Вполне очевидно, что молодому историку, взвалившему на свои плечи всю работу по описанию и атрибуции ценностей, хра-

нивших на Иргизе, не хватило ни времени, ни опыта, чтобы выполнить ее на академическом уровне. Но Тихомиров сразу понял, что судьба свела его с уникальным историко-культурным наследием, представленным, прежде всего, рукописями и старопечатными книгами. Потому-то он в течение двух последующих поездок на Иргиз, работая с уже вывезенными памятниками в Самару, параллельно подготовил два описания монастырских рукописных и книжных коллекций. Первое из них, посвященное рукописям и старопечатным книгам Верхне-Спасо-Преображенского и Средне-Никольского монастырей, является вполне законченным и готовым для публикации. Второе, по аналогичным собраниям Кривоуцкого монастыря, оказалось не совсем законченным¹⁷. Нами была проведена сверка характеристик рукописных и печатных памятников в "Докладе..." и в "Описаниях". Создается впечатление, что уже во время первой экспедиции Тихомиров показал себя вполне квалифицированным специалистом, допустив при характеристике рукописей и книг лишь отдельные ошибки и неточности, которые во многом можно объяснить походными условиями и нехваткой времени.

Э.Л. Дубман

31-го мая экспедиция в составе меня, Яковлева, Бороздина, Сухоносенко выехала в город Пугачев. До Хвалынска мы ехали на пароходе, оттуда лошадьми и вечером 1-го июня были в Пугачеве. Первые два дня мы посвятили осмотру Пугачевского музея родного края. Музей занимает четыре комнаты в каменном доме, принадлежавшем Волковоинову, где помещается также и Пугачевская Центральная Библиотека. Пугачевский музей находится еще в периоде роста. К нашему приезду в музей были только небольшие естественно-исторические коллекции, несколько планов, чертежей, икон и проч. Зато сразу же поразило обилие драгоценных старопечатных и рукописных книг, привезенных из Средне-Никольского монастыря, обозрению которых мы и посвятили первые два дня нашего пребывания в Пугачеве. Краткая двухдневная работа позволила мне составить только беглое знакомство с книгами

и рукописями Средне-Никольского монастыря. Тем не менее, для лучшего представления о богатствах нового музея, я все-таки хотел бы отметить несколько наиболее ценных памятников. Среди рукописей я укажу:

1. Лествица Иоанна Синайского, с послесловием в конце книги: "О Господи, свершихом. В лето 6032 марта 15, в святей горе царьсте обители Ватопеди. С ленивыи Евсевие, непотребны Ефрем. А с сего списка переписах аз многогрешный презвитер Аттана-сие, в лето 6996 /1457/ индикта месяца декамврия 25, на Рождество Христово"¹⁸.

2. Сборник, различными почерками, заключающий в себе, кроме других статей: Описание Софоние Рязанца /о Мамаевом побоище/, рассказ о митрополите Исидоре и Флорентийском соборе, отрывок слова Даниила Заточника, чудо святого Георгия о змии, житие Никиты Переяславского чудотворца, повесть о Вавилоне, послание святого апостола Фомы во страну Индескую.

3. Служебник с записью 7114 /1606/ года, о продаже книги попом Иваном Зиновьевым с Рабзуга священноиноку Кирьяку Архангельского м-ря.

4. Лествица Василия Великого и житие Василие Нового с записями 7151 и 7152 /1643, 1644/ года, о написании книги снисканием Севастиана Митрофанова сына Каверина Кузнецова.

5. Пролог, с записями 7179 /1671/ года:

"В лето 7179 марта 24 пришла вода из реки на двор игуменской и влилась в погреб при игумене ... Ант..."¹⁹.

6. Торжественник, заключающий в себе статьи с 9 марта по 29 августа, среди других статей: 1. – чудо св. Николы в Киеве, июля 15. – 2. – О законе Мусиом даном и о благодати и истине Иусе Христом бывшем, како закон от благодать же и истинна иде всю землю исполни и вера во всяк языке простреся и до нашего языка русииского и похвала благоверному князю Владимиру, его же повелением крещени быхом²⁰. 3. – Житие муч. Романа и Давида /Бориса и Глеба/.

7. Стоглав, почерком конца XVIII века.

8. Сборник, заключающий в себе кроме других статей: Жития Ануфрия Великого, Марка Афиньского, пр. Еупраксии, слово Ипполита папы римского.

9. Сборник различного содержания: О царице и о львице. "Выписано из книги избобличника священномученика Аввакума протопопа": "стих о патриархе Никоне отступнице". "Сие писано в книге Стоглава царя Иоанна Василиевича /о крестном знамении, о животворящем кресте/".

10. Иконописный подлинник нач. XIX века вольского иконописца Николая Максимыча Самойлова.

11. Торжественник, на 1056 листах, писан в 1806 году.

В музее находится также и сто старопечатных книг начала XVII века, времен патриарха Филарета, Иоасафа и Иосифа. Из них необходимо отметить:

1. Четвероевангелие в бархатном переплете с записью 7112 /1604/ года о сооружении переплетов.

2. Октай напеч. в Москве в 7102 /1594/ году при патриархе Иове и царе Федоре Ивановиче, мастером Андроником Тимофеевым.

3. Поучения Кирилла Транквиллиона, предисловие обращено "благочестии сияющей ясневелможной еи милости молдавской, а княжне Вышневецкой Михайловой Корибутовой, старостиной овруцкой". По листам запись о принадлежности книги Стефану Яворскому.

4. Маргарит напеч. в 7150 году при патр. Иоасафе.

Кроме того, в музее сохраняется архив Средне-Никольского монастыря, заключающий в себе акты 30-х и 40-х годов прошлого века. Окончив некоторые необходимые формальности, 4-го июня мы выехали в Спасо-Преображенский монастырь. Надо указать, что в настоящее время этот монастырь уже упразднен и здания его приспособлены под детский дом.

Но еще раньше этого он подвергся настоящему разгрому, виновники которого во главе с неким Баиным в настоящее время отданы под суд. Не желая быть голословным, я постараюсь описать более подробно картину, увиденную нами в монастыре. Еще подъезжая к нему, невольно обращаешь внимание на главы ворот и башен, на которых поднимаются обломки крестов – это следы деятельности Баина. Эти же следы заметны и на воротах, где священные изображения старательно замазаны краской. Внутри монастыря два больших каменных корпуса стоят, точно после

бомбардировки и систематического разрушения, с выломанными рамами, пробитыми потолками и полами. Обе главные и старинные церкви пр. Сергия и Преображения Спаса совершенно разгромлены. Внутренность Сергиевской церкви представляет собой театр, причем содея и алтарь заняты сценой с суфлерской будкой и прочими атрибутами. Единственным воспоминанием остается белый камень, валяющийся на полу в алтаре с датой освящения храма. Несколько менее пострадала главная Спасо-Преображенская церковь, но и здесь почти все иконы, кроме иконостасных и стоящих у клиросов, сброшены и стоят в беспорядке у стен. В церкви валяются стружки – это остатки прежней столярной мастерской, под которую был приспособлен Спасо-Преображенский храм. Теперь этот храм опечатан пугачевской комиссией по отделению церкви от государства, но по-прежнему не обеспечен от расхищения. В разбитые окна, защищенные широкими решетками, легко пролезают мальчишки, питомцы детского дома, охотно проделав эту операцию перед нашими глазами. Необходимо еще указать, что сам "детский дом" производит крайне тягостное впечатление. Дети ведут себя прямо неприлично, напропалую ругаясь "хорошими" словами. По своему облику весь этот "детский дом" напоминает собой не дом детей питомцев советской республики, а колонию молодых преступников недавнего царского времени.

Беглый обзор монастыря сразу заставил нас заподозреть, что здесь мы найдем только остатки прежних сокровищ. Только одна ризница не подверглась полному разгрому, запечатанная комиссией по отделению церкви от государства. В сущности, вся моя дальнейшая работа и велась почти исключительно в ризнице. В ризнице в настоящее время хранится несколько десятков (около 70) рукописей и старопечатных книг (ок. 100), из которых многие относятся к дониконовским временам. Из рукописей особенного внимания заслуживают:

1. Апостол, полууставом, без начала. На последнем листу запись скорописью: "лета 7120 /1611/ году, октября первый день, преставися Предтечинский поп /села/ Ключищ инок Арсеней, а положился во граде Казани у Флора и /Лавра/ при священнике Федоре Козмине сыне Секерине"²¹.

2. Постнические слова Василия Великого. На обороте последнего листа тем же полууставом, каким написана и вся книга, следующая запись: "о отце и сыне и душе святым упование по вере имея коснулся трудолюбне книги сея, иже есть око церковное за...си....не....лету сущи ... ц... (текст не читается. – Сост.) марта 28 в княжествующем граде великом Москве при державе великого князя Василиею Дмитриева сына, при архиепископе всеиа Руси митрополите Кипряне в пречестней обители великого Спаса Образа Нерукотворенаго в монастыре Андроникове и при игуменьстве Савине в час 9 рече, грешный Василий малеиши в единообразных Отци святии и братиа о Христе, прочитающе книгу сию не порецете Бога ради на душу мою, аще и не удобрении зрити писма или погрешениен/ь/е обрящете. Господь со всеми вами и милость его с духомъ вашим. Аминь"²².

3. Евангелие напребстольное, полууставное, древнее.

4. Вопросы и ответы (старообрядческое сочинение), скорописью XVIII века.

5. Сборник старообрядческий первой четверти XIX века /о догматах веры, копии с указов о старообрядцах, прошения московских старообрядцев/.

6. Апостол. На обороте 12 листа внизу: "в лето 7091 /1593/ оглавлен бысть апостол от Исаия мниха и открыты быша суботы и недели и понеделок и второк и среда и четверток и пятки, дабы разумно было наскоро изобретенье, тако же и по месяцем апостолы святым и послания откуду писана и ким написаны быша"²³.

7. Минея-четья. По листам выпись: "Сию книгу Минею-четь сентября, дал в монастырь Великаго Предтечи Ивана и великого Богослова Иоанна и святого пророка Ильи и святых страстотерпец Бориса и Глеба и всех святых, Ермоген митрополит Казанский и Азтороханский, по своих родителех и по себе и по своих детех, при первом игумене Епифании Ярославце, лета 7109 /1601/, сентября 1 день"²⁴.

7. Книга "Старчество" старца Варлама Голчина, а "благословил его сею книгою Троецкого Сергиева монастыря бывшей келар старец Симон Азарьин, в лето от создания мира 7169 /1661/ году, апреля в 23 день"²⁵.

8. Житие Александра Свирского с чудесами XVII века, без начала.

Среди старопечатных книг необходимо отметить:

1. Иоанникий Голятовский. Мессия праведный. Напечатан при царе Алексее Михайловиче.

2. Житие святых, март-май, напеч. в Печерской Лавре при патриархе Адриане.

3. Иннокентий Гизель. Жития святых печерских, напеч. в Киеве в 1661 г.

4. Григорий Назианзин, напеч. в Москве в 1666 г.

5. Слова Иоанна Златоуста, напеч. в Киеве при Елисее Плетенецком в 1623 г.

6. Беседы Иоанна Златоуста, напеч. в Киево-Печерской Лавре в 1623 г.

7. Служебник, напеч. при патр. Филарете.

8. Служебник, напеч. в Москве при царе Борисе Годунове и патр. Иове в 7110 /1602/ г.

9. Служба Николаю чудотворцу, напеч. при Михаиле Фед.

10. Книга о вере единой и истинной православной и о святей церкви восточной, напеч. при патр. Иосифе.

11. Бароний. Деяния церковныя и гражданския, напеч. в Москве в 1719 г.

12. Минея-август, напеч. при патр. Филарете в 7138 /1630/ году.

13. Книга Степенная, 2 тома, напеч. в Москве в 1775 г.

14. Потребник, напеч. в Москве в 7150 /1642/ г.

15. Евангелие напрестольное в лист, напеч. при патр. Иосифе в 7152 /1644/. В красном бархатном переплете.

16. Евангелие напрестольное в лист, напеч. в Москве при патр. Иоасафе в 7144 /1636/ г., в серебряном чеканом окладе.

17. Евангелие напрестольное в лист, напеч. в Москве в 7152 /1644/ г. В серебряном позолоченном окладе.

Кроме рукописных книг в ризнице сохранилось несколько десятков икон разного письма. Многие из этих икон покрыты интересными серебряными ризами XVII века и бисерными окладами, украшены венцами и цатами. Из них для пугачевского музея мною было отобрано 25 особо интересных икон, среди которых я укажу:

1. Преподобный Сергей чудотворец с житием, 14 на 11 вершк.: древнего хорошего письма, но сильно попорченный олифой. Икона с полями.

2. Николай чудотворец, 12 на 10, очень интересный образ: Николай изображен с большой белой бородой, в зеленых ризах, на бледно-зеленом фоне, у головы "as Николае, чюдотворец". Икона с полями.

3. Богоматерь в темно-коричневой ризе и темно-зеленом хитоне, с молитвенно-обращенными руками. По-видимому, одна из икон композиции "Деисус".

4. Громадный образ Рождества Христова, 25 на 21 вв., состоит из двух частей. Вверху Христос на троне с предстоящими Богоматерью, Иоанном Предтечею и другими святыми /т. наз. "Деисус"/. Внизу Рождество Христово, волхвы на конях, и другие события Рождества. С полями.

5. Мария Дева и Мария Магдалина у гроба воскресшего Христа. На киноварном фоне горный пейзаж. К открытому гробу, в котором валяется белая пелена, подходят обе Марии с сосудами в руках; справа сидит ангел в белых ризах. С полями.

6. Распятие с предстоящими Богоматерью, Марией Магдалиной, Иоанном Богословом и Логином сотником. Распятие изображено на фоне города, под крестом – Адамова голова. 18 на 11 вв. С полями.

В ризнице мною были также отобраны меднолитные иконы, старые ризы и оклады с икон, венчики, цаты и проч. Особенно внимания заслуживают остатки священнических облачений и шитые воздухи, которыми были наполнены два больших сундука. Все наиболее ценное из этих вещей вместе с рукописями было мною отобрано и предназначено к вывозу из монастыря в Пугачевский музей. Среди других богослужебных предметов, хранящихся в ризнице, к сожалению особых ценностей не встречается. Впрочем, есть большое основание думать, что часть вещей была расхищена. Так, в ризнице сохраняется теперь всего 6 митр и все новые, тогда как по рассказам ранее их было 15. Сохранившиеся митры носят на себе печать грабительских рук: поддельные камушки выломаны во многих местах из гнезд, т.к. их приняли за брильянты. Вообще все предметы в ризнице свалены в кучи и разбросаны

в беспорядке. В ризнице мы нашли в относительно хорошем виде и архив Спасо-Преображенского монастыря. Дела начинаются с 20-х годов и доходят до 80-х. В настоящее время этот архив собран мною в порядок и в ближайшее время будет перевезен в Пугачев.

В других церквях сохранилось очень немногое. Так, в Спасо-Преображенской церкви нашлись старинные вещи и несколько икон, которые за их величиной временно пришлось оставить в храме. Здесь особенно замечательны две иконы: Господь Вседержитель и Казанская Божия Матерь на клиросах. Висели на стенах и стоят теперь на полу у стены: три иконы одной меры – арх. Гавриил, Богоматерь, Ив. Предтеча, два больших образа – Николая чудотворца с житием и св. Параскевы Пятницы с мучением. В этой церкви обращает на себя внимание 4-х ярусный иконостас: 1 ярус – местные иконы, 2 – тайная вечеря и праздники, 3-й – "предста царица" с апостолы, 4-й – Троица и пророки в два ряда. Среди икон первого яруса – образ Николая чуд. с записью – "написан сей святой образ по обещанию московского второй гильдии купца Григорья Леонтьева Рахманова и детей его – Григория, Иоанна и Василия Рахмановых на Иргис в Верхней монастырь Успения Пречистыя Богородицы, в лето 1802-го году месяца июля второго дня".

В бывшей архиерейской церкви, единственно сохранившейся в целости от "Батыева погрома", пронесшегося над монастырем, замечательна икона "Акафист пресвятой Богородице" и картина, по-видимому, итальянского художника, Христос с крестом на плечах, которую мы немедленно отправили в Пугачев.

В заключение я должен указать, что найденное в Спасо-Преображенском монастыре, по общему мнению, только жалкая часть того, что там хранилось прежде. Подтверждением этому является то, что сделанный в ближайшем селе Пузанихе обыск дал в результате более 100 книг и рукописей и большое количество икон, которые были разграблены окрестным населением из монастыря.

Следующую поездку мы посвятили Средне-Никольскому монастырю, к счастью сохранившемуся почти в целости. В недавнее время оттуда были вывезены старопечатные книги и рукописи, положившие начало собранию пугачевского музея. К сожалению, вывозка коснулась только рукописей и книг, меж тем, как некото-

рые иконы этого монастыря должны расцениваться, как редчайшие памятники старины. Начнем с зимней Покровской церкви.

На северной стене – образ явления богородицы преподобному Сергию, с записью 1809 г. Выше 6 икон, одной меры – Введение, Рождество, Крещение, Сретение, Благовещение, Вход во Иерусалим. На южной стене – большие иконы – Знамения, Федоровская, Тихвинская /24 на 22, 20 на 12, 25 на 20 вв./. В алтаре крест запрестольный расписанный красками с изображением страстей, иконы Воскресения и "Благое молчание".

В летней Никольской церкви обращают на себя внимание: у левого клироса громадный образ Тихвинской Богородицы в бирюзовом окладе, в алтаре Нерукотворный Спас, мерою 25 на 19 вв., Христос в хитоне зеленого цвета, с раздвоенной, словно мокрой бородой, под изображением подпись "святой убрис". С полями. На правом клиросе образ Николая чуд. с чудесами.

В часовне стоит интересная статуя Христа в терновом венце. Здесь же отметим образ Вседержителя на троне с записью 7316 /1808/ г., Воздвижение честного креста и образ Николая чуд. с житием.

Из других памятников Средне-Никольского мон. необходимо отметить: фелонь так наз. здесь "царская риза" золотой парчи с оплечием голубого бархата, по которому вышито "бог". Любопытно, что это слово сопровождавшие нас монашеньки тщетно старались прочесть как Екатерина, так как упорное предание утверждает, что эта риза была вышита и подарена на Иргиз самой Екатериной II. Не менее замечательна и другая парчовая риза. По осмотру ближнего Вознесенского монастыря, где мы не нашли ничего особо замечательного, мы предприняли поездку в соседнее село Каменка. Цель наша была двойная: во-первых, раскопка кургана, во-вторых, осмотр Каменского Волостного архива. Не останавливаясь на раскопках, я скажу лишь несколько слов об этом архиве. Каменка довольно старое село, где когда-то находился Каменский Приказ, заведывавший удельными селами. Архив этого приказа сохранился на чердаке волостного Исполкома и включает в себе бумаги с двадцатых и тридцатых годов прошлого века. Считая этот архив чрезвычайно важным для истории Пугачевского уезда, мы собрали наиболее ценные документы и вывезли их на двух возах в Пугачев, предполагая в дальнейшем отвезти туда и остальную часть архива.

Более или менее ознакомившись с ближайшими мон-рями, 15 июня мы выехали из Пугачева в Воскресенский Криволучский монастырь²⁶. Первое впечатление, которое производит Криволучский монастырь – это впечатление вымершего города.

К счастью это только первое впечатление, т.к. Криволучский м-рь сохранился почти в целости. Впрочем, по рассказам монахов, на мон-рь делали набег какие-то бандиты. В самом деле, в алтаре главной церкви престол раскурочен и стоит пустой. В остальном мон-рь почти не пострадал.

В середине м-ря стоит деревянная церковь Воскресения Господня. Церковь построена в конце XVIII века, со своими галереями и колокольной является ценным памятником деревянного зодчества. Особенно замечательна в ней стенная роспись всего храма, исполненная на полотне в древнем пошибе. На алтаре находится много икон старинного письма и запрестольные кресты с росписью. Над престолом стоит сень на четырех столбах, другая сень с изображением короны и самой церкви над плащаницей. В алтаре сохраняются древние рипиды, в виде досок, обитых с обеих сторон серебряным окладом с фигурным изображением золотого херувима, 25 вершков в окружности. Над царскими дверями с алтарной стороны монахи показывают девять икон, по преданию строгановского письма. К сожалению, необходимо отметить, что в теперешнем своем виде эти иконы едва ли относятся к строгановской школе. При возобновлении они были либо переписаны, либо совсем подменены другими. В алтаре по стенам висит большое количество келейных икон, среди которых необходимо указать: два образа Иоанна Предтечи с младенцем Иисусом в руках на южной стене и образ Казанской Божьей Матери – на северной, в окладе XVI века /19 на 14 вв./. На разоренном престоле валяется также несколько интересных икон – образ Максима Грека, овальный образ Покрова, образ Спаса Вседержителя с записью на обратной стороне: "1813-го месяца майа 23-го числа сия святая икона обещана подать в Нижней Воскресенский монастырь, что на Иргизе от Григорьева Рахманова за упокой преставльшийся супруге ево Варваре Федоровне по завещанию ея".

В новой церкви Рождества Богородицы особенно интересна шитая плащаница, которая изображает "Положение во гроб", кру-

гом вышита надпись, по краям праздники. Из надписи /за недостатком времени я разобрал только: "воздух положила Василева жена Андреевича ... в лето 7000 тридесять 9-го". То есть, если верно прочтено – 1531-го, как указывает и Дубакин ("Иргизские м-ри").

Очень богата Криволучская ризница, на обозрении которой мне придется несколько задержаться. Рукописей и книг в Криволучье осталось, может быть, более, чем в любом из остальных трех монастырей. Несколько рукописей носят определенные даты.

Среди рукописей я укажу:

1. Октоих с записью – "лета 7128-го году, сентября 16 день, положена бысть сия книга глаголемая Охтай из Болшова монастыря к Воскресению Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа при игумене Пафнотье в Матюшево, а положил сию книгу Охтай старец Леонид". /По описи – № 25/.

2. Певческий трезвон /№168/ с посвящением – "пречестнейшему другу моему и ученику Максиму Андреевичю"²⁷.

3. Треодь постная /14/95/, без конца, по листам запись – "лета 7174-го году марта в 4 день сия книга глаголемая Треодь Постная церкви Преображения Спаса да святого мученика Георгия страстотерпца мирская и приходских людей, а подписал..."²⁸.

4. Евангелие тетр., с акварельными заставками – по листам запись 7145 /1637/ г. По описи 49/18/.

4. Миняя январская /по описи 14/66/. На первом листу любопытная приписка – "попытаю пера и киноварю, будет добро ии аз пишу".

"помози Господи писати сию книгу ... Михалцу Гаврилову сыну".

5. Псалтирь рукописный с записью – "лета 7195 ... в день положил сию книгу глаголемую Псалтир к церкви Николе чудотворцу к ружной церкви, что на Унже в городе на площади ..." ²⁹ /по описи 49/30/.

6. Златоуст, на последнем листе запись – "лета 7080, августа в 15 день, на память Успенья святии Богородицы положил сию книгу глаголемую Златоуст в дом святому чудотворцу Николы Козма Семенов сын, вдовой поп на городе, а подписал своею рукою" /110 оп. – 51/17/.

7. Сборник XVII века, заключающий в себе:

1. – Слова Иоанна Златоуста; 2 – житие Петра и Февронии Муромских; житие Макария Желтоводского и Унженского /в конце жития запись – "лета 7197 /1688/, сентября в 25 день на память преподобного отца нашего Сергия Радонежского чудотворца"³⁰; 4 – повесть о иконе Богородице в Выдропуске...; 5 – убийство царевича Дмитрия; 6 – о явлении царевича Дмитрия старцу Тихону. По листам рукописи запись "лета 7145 /1637/, июля 25 в день".

8. Апостол /по оп. 49/31/, без конца.

9. Старообрядческий сборник различного содержания.

10. Лествица Иоанна Синайского, с двумя акварельными рисунками, на последнем листе запись – 7189 июня в 3 день" /по оп. 51/64/.

11. Вопросы Никодима /по оп. 53/28/.

12. Скитский патерик /по оп. 52/11/.

13. Сборник различного содержания, где между прочими статьями – списки с 2-х грамот Антония Римлянина /духовной и купчей/. По оп. 52/37/.

14. Ответы Пешехонова. /53/29/.

15. Новгородская летопись в списке начала XIX века. По-видимому, список, сходный с "Новгородским летописцем церквам Божиим". Здесь же помещен летописец владыкам новгородским и список всех святых Новгородской области.

16. Русский летописец, написанный красивой скорописью XVII века. Свод доведен до событий царствования Михаила Федоровича Романова.

Среди книг необходимо указать:

1. Миней март – июль, по листам каждой книги записи одного содержания "лета 7161 /1653/, генваря в 20 день дал сия книги месячные минеи Благовещенский протопоп, что у Государя на сенях Стефан Внѣфантьев по своим родителям и по странным в пустыню Флорищеву во церкву пречистыя Богородицы".

2 и 3. Две библии островской печати 1580 года /напечатаны "Иваном Федоровым сыном москвитинном в лето от создания миру 7088, а от воплощения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1580, месяца июля 12 день".

4. Евангелие тетр. напеч. при патр. Ермогене и царе Василии Ивановиче Шуйском, в 7114 /1606/ году, мастерством Анисима Михайлова сына Радишевскаго Волынца.

5. "Книга иже в святых отца нашего Василиа Великаго архиепископа Кесариа Капподокийския", напеч. в 7102 /1594/ г. в Острожской друкарне /типографии/.

В ризнице хранится также большое количество парчовых и тканых риз XVIII века и две старинные митры голубого и красного бархата. По стенам в беспорядке расставлено большое количество икон и меднолитных складней. Среди других предметов, как редкость необходимо отметить деревянную походную церковь. Она представляет собой маленькое подобие московского храма второй половины XVII века с кокошниками и семью главами над ними. Всю внутренность церкви заполняет небольшой престол, на котором сохранилось только небольшое рукописное евангелие. Доска с резными из кости изображениями святых заменяет иконостас. Когда появилась эта походная церковь в монастыре, мы определить не могли, но она уже значилась в описях монастыря первой половины XIX века.

Осмотром Криволучского монастыря я, собственно, и закончил свою миссию. Теперь хотелось бы несколько слов сказать о будущем сокровищ, до сих пор скрывавшихся в Иргизских монастырях. Будущее это весьма туманно и внушает большие опасения. Спасо-Преображенский монастырь почти уже погиб, как цельный памятник старины. Средне-Никольский и Воскресенский пока еще сохранились, но их ждет печальная участь, если не будут приняты какие-либо решительные меры по их охране, так как они стоят накануне упразднения. В самом опасном положении находится Криволучский монастырь, главную церковь которого, единственный в своем роде памятник старины, Криволучский Волостной Исполком в недавнее время предназначал к сломке. Дело осложняется еще тем обстоятельством, что Криволучье отошло к Балашовскому уезду и находится вне всякого воздействия со стороны Пугачевского подотдела охраны культурных ценностей, а Балаково со своей стороны, по-видимому, монастырем совершенно не интересуется. Поэтому совершенно необходимо срочно принять все меры к охране Криволучского монастыря

и в частности Воскресенского храма. Но меры охраны на месте, конечно, должны коснуться только предметов старины, неудобных для перевозки. Все же ценности в виде икон, книг, рукописей, риз, плащаниц, воздуха и прочего, необходимо немедленно перевезти в более безопасное место.

Таким местом предлагал бы сделать Пугачевский музей родного края, и вот на каких основаниях.

Жизнь иргизских монастырей не была разрозненной, а постоянно проходила в близких сношениях друг с другом. Более того, все иргизские собрания представляют собой нечто целое, совершенно своеобразный подбор рукописей и книг. Ризницы иргизских монастырей поражают обилием именно старых богослужебных книг и рукописей полемического содержания. Это не случайный подбор антикваров, а вполне обдуманное стремление ревнителей истинного благочестия заполучить в свои руки древние доказательства своей правоты, наконец, многие из этих рукописей прямо посвящены истории раскола и всеми своими приписками и записями подчас тесно связаны с Иргизом. Возьмем наудачу хотя бы одну из таких приписок. Вот перед нами книга "Церковный обиход" Спасо-Преображенского монастыря. На первом листе мы встречаем запись "Сия книга певчей демественной обиход церковной, то чтоб никто ево не изволил брать к себе в келью ни для писания, ни для науки, а кто паче чаяния возмет, то будет соборне наказан. Строитель Сергей". Так, маленькая приписка сразу нас вводит в быт одного из главных Иргизских монастырей. Посмотрите также, сколько в иргизских рукописях отведено места статьям "о траве табаце", о крестном знамении, о крещении – одним словом о всем, что с начала раскола и до наших дней волнует старообрядцев, где бы они ни жили, в Москве ли, в Австрии или на лесистых берегах Иргиза.

Конечно, в большом музее эти рукописи будут, может быть, в большем порядке и доступны большему числу лиц, чем в уездном Пугачеве, но зато расклассифицированные среди других рукописей, – они потеряют основное – перестанут быть собранием Иргизских монастырей. И даже, сохраненные, как целое собрание они потеряют всякую связь с местом, станут тем обезличным для историка матерьялом, какой он с равным успехом может изучать

и в Москве и в Киеве и каком угодно другом городе. Да, этот материал будет удобен для изучения присяжных историков сидней, с многотрудными усилиями пишущих у себя в кабинете истории стран, где они никогда не были и не побывают, но они погибнут для историков местного края, для тех, кто пишет не о далеком, а о близком, любимом и родном.

Конечно, скажут, что это моя фантазия, что такие местные историки еще не народились и неизвестно, когда они будут, что пока наука развивается только в больших центрах. Но разве это такая уже неоспоримая истина, и разве только культурным силам центра на роду написано создавать музеи. Думается, что нет, и за примером идти не так далеко. Возьмите два музея: "Исторический музей" в Москве и "Ростовский музей древностей" в Ростове Великом /Ярославском/. Первый был собран в центре и сосредоточил громадные богатства, но спросите москвичей, велико ли значение этого музея, спросите, отчего вечно пустуют его залы, когда у ворот "Музея изящных искусств" /Александра III/ и Румянцевки толпится народ. Конечно потому, что богатства Исторического музея недоступны для взоров простых смертных, запрятанные в подвалах и запасных комнатах. Сравните с этим музеем – Ростовский музей, и вы отдадите пальму первенства не центральному, а уездному музею. А ведь Ростовский музей собирался местными любителями, значит и в уездном городке нашлись созидательные силы. Посмотрите также, какое великое значение имеют такие местные музеи, как они развивают любовь к родной старине, приучают ее ценить, охранять и любить. И это первая ступень к исполнению моей фантазии – появлению местных историков, любящих и знающих родную старину и изучающих ее не только в тихих кабинетах, но и на драгоценных остатках этой старины. И не будет ли поэтому самым оправданным и разумным оставить богатства Иргизских монастырей на берегах Иргиза, куда они стекались со всех концов нашей родины.

Примечания

¹ Государственный архив Самарской области (далее ГАСО). – Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 256.

² Отдел редкой книги Самарской областной универсальной научной библиотеки (далее ОРК СОУНБ). – № 1972.

³ Как называет его сам М.Н.Тихомиров.

⁴ Тихомиров, М.Н. Самара в моей жизни / М.Н.Тихомиров. – Самара, 1994.

⁵ Научный архив Самарского областного историко-краеведческого архива имени П.В.Алабина (далее НА СОИМК). – Ф. IV. – Оп. 1. Составители благодарны сотруднику музея Д.А.Сташенкову, оказавшему неоценимую помощь в знакомстве с материалами архива.

⁶ НА СОИМК. – Ф. IV. – Оп. 1. – Д. 156. – Л. 112-117об.

⁷ Еще по одному экземпляру этого доклада хранится в фонде М.Н.Тихомирова в Архиве РАН (Ф.693. – Оп.3. – Д.3. См.: Староверова, И.П. Фонд М.Н.Тихомирова в архиве АН СССР / И.П. Староверова // Археографический ежегодник за 1968 г. – М., 1970. – С.309.) и в Научном фонде Пугачевского краеведческого музея, однако мы с ними не работали.

⁸ НА СОИМК. – Ф. IV. – Оп. 1. – Д. 156. – С. 41-41об.

⁹ Цит. по: Белявский, М.Т. Новые материалы о М.Н.Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области / М.Т. Белявский, А.Г. Сукаев // Археографический ежегодник за 1975 год. – М., 1976. – С. 134.

¹⁰ Мартиновская, А.И. В.Н.Перетц и Самара / А.И. Мартиновская // Краеведческие записки. – Вып. VIII. – Самара, 1996. – С. 109; Ученые записки Самарского университета. – Вып. 2. – Самара, 1919. – С. 9.

¹¹ Тихомиров, М.Н. Самара в моей жизни. – С. 49.

¹² НА СОИМК. – Ф. IV. – Оп. 1. – Д. 156. – Л. 42-43.

¹³ Там же. – Л. 50.

¹⁴ Тихомиров, М.Н. Самара в моей жизни. – С. 54.

¹⁵ ОРК СОУНБ. – №1972. Тихомиров, М.Н. Описание Иргизских монастырей. Рукопись. – Л. 3-4.

¹⁶ Тихомиров, М.Н. Самара в моей жизни. – С. 57.

¹⁷ Мы согласны с характеристикой, данной этому описанию М.Т. Белявским и А.Г. Сукаевым: "Тихомировское описание можно назвать первичным". См.: Белявский, М.Т., Сукаев, А.Г. Новые материалы о М.Н. Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области. – С. 130.

¹⁸ В Отделе редкой книги Самарской областной универсальной научной библиотеки хранится рукопись М.Н.Тихомирова "Описание рукописей Иргизских монастырей". В ней он дает научное описание рукописных книг двух иргизских монастырей – Верхне-Спасо-Никольского и Средне-Преображенского. Описание Тихомирова датировано 12 августа 1924 г. и, несомненно, является результатом кропотливой зрелой работы исследователя. Всего им было описано 134 рукописи, среди которых имеются и те, что подверглись краткому анализу в "Докладе..." 1919 г. На наш взгляд, интересно сопоставить описания, имеющие пред-

варительный характер, сделанные в сложных условиях, второпях, в ходе командировки на Иргиз в 1919 г., с более поздними и, несомненно, более точными и пространными. На л. 137 "Описания..." под №72 "В лето 6032 марта 15 в святей горе, царстей обители, Ватопеди: о ленивыи Евсевие непотребныи Ефрем. А с сего списка переписах аз многогрешный презвитер Аттанашие, в лето 6966 /1457/ индикта 6 месяца декавриа 25 на Рождество Христово".

¹⁹ Судя по "Описанию...", Тихомиров ошибся, показав "Пролог" как отдельно существующую рукопись. Это, видимо, часть "Торжественника", указанного в "Отчете..." следующим по порядку, в котором на л. 91 содержится аналогичный текст. См.: "Описание...". – Л. 91. – №34 "В лето 7079 марта 21 на 4 недели пришла вода из реки на двор игуменской и влилась в погреб при игумене Ант...".

²⁰ Этот фрагмент приведен на л. 193 "Торжественника". "Июля 15 о законе Мусиом даном и о благодати и истинне Исус Христом бывшем како закон отъиде благодать же и истинна всю землю исполни и вера в всяк язык прострес и до нашего языка русийскаго и похвала благоверному князю Владимиру, его же повелением крещени быхо...". См.: "Описание...". – Л. 98-99. – №34.

²¹ В "Описании..." этот фрагмент дан несколько иначе: "Лета 1616 году октября 1 день преставися предтечинской поп Ключищ иннок Арсеней, а положился во граде Казани у Флора и ... при священнике Федоре Козмине сыне Секерине". См.: Л. 12. – №3.

²² В "Описании..." – "О отце и сыне и душе святем упование по вере имея коснухся трудолюбне книги сея иже есть око церковное Василие лету сущи ...900... марта 28 в княжествующем граде великом Москве при державе великого князя Василия Дмитриева сына при архиепископе всея Руси митрополите Киприяне в пречестней обители великого Спаса образа нерукотворенаго в монастыре Андроникове и при игуменьстве Савине в час 9 дне грешныи Василии малейшии в единообразных отци святии и братья о Христе прочитающе книгу сию не порецете бога ради тягости на душу мою, аще и не удобрение зрите писма или погрешение обрящете. Господь со всеми вами и милость его и с духом вашим, аминь". См.: Л. 88. – №32.

²³ И в "Докладе..." и в "Описании..." не совсем понятно, как раскрыть сокращения пндл, вток, чек. На наш взгляд, здесь уместнее понеделок, второк, четверток. В "Описании...": "В лето 6091 оглавлен бысть апостол от Исая мниха и открыты быша суботы и недели и понеделок и второк и среда и четверток и пятки разумно было наскоро изобретенье

также и по месяцем апостолы святым и послания откуда писано и ким написаны быша". См.: Л. 14-15. – №4.

²⁴ В отчете Тихомирова скобка отсутствует. По "Описанию..." – "Сию книгу мнею четью сентюбрь дал в монастырь великаго предтечи Ивана и великого богослова Иоанна и святого пророка Ильи и святых страстотерпец Бориса и Глеба и всех святых Ермоген митрополит казанский и азороханский по своим родителям и по себе и по своим детех при первом игумене Епифании Ярославце лета 7109 года сентебря 1 дни". См.: Л. 19. – №8.

²⁵ В "Описании ..." – "Сия книга глаголемая старчество старца Варлама Голчина и благословил ево сею книгою Троецкого Сергиева монастыря бывшей келар старец Симон Азарын в лето от создания мира 7169-го году апреля в 23 день". См.: Л. 197. – №119.

²⁶ В более поздних своих записях Тихомиров называет этот монастырь Криволуцким.

²⁷ Позднее рукописи Криволуцкого монастыря были описаны Тихомировым в подготовленном им в Самаре "Описании рукописей Криволуцкого Воскресенского монастыря". В настоящее время "Описание..." хранится в Государственном архиве Самарской области (Ф. 558. – Оп.1. – Д. 56), а его фотокопия – в Отделе редких книг Самарской областной универсальной научной библиотеки. И в данном случае мы будем сопоставлять отдельные фрагменты из "Доклада..." с подобными из данного "Описания...". В "Описании..." – "... пречестнейшему другу моему и ученику Максиму Андреевичу. Благословляются сими книгами аще услышими мя умерша и ты помяни мя грешнаго". См.: Л. 72. – №67.

²⁸ В "Описании..." – "лето 7179 году марта в 4 день сея книга глаголемая треодь постная церкви Преображения Спасова до святого мученика Георгия страстотерпца мирская и приходских людей, а подписал...". См.: Л. 55. – №50.

²⁹ В отчете Тихомирова скобка отсутствует. По "Описанию..." – "лета 7195 году в 4 день положил сию книгу глаголемую псалтир к церкви Николе чудотворцу к ружной церкви, что на Унже в городе на площади... и из церкви не износит... Семен Игнатъев сын Дмитрева подписал по ево велению Прошка Тимофеев". См.: Л. 58. – №53.

³⁰ По "Описанию..." – "лета 1688 сентября в 25 день на память преподобного отца нашего Сергия Радонежского чудотворца". См.: Л. 25. – №19.

Тихомиров Мих.

Описание рукописей Иргизских монастырей¹

Предисловие

Рукописи, описанные в моей работе, принадлежат двум единоверческим монастырям на Иргизе – Верхне-Спасо-Преображенскому и Средне-Никольскому. Первый монастырь находится в 10 верстах от города Пугачева (Николаевска), на полуострове, между рекой Иргизом и озером Калач; второй – в 5 верстах ниже Пугачева, на Иргизе. Оба монастыря возводят свое начало еще ко второй половине XVIII века, точнее, к первым годам царствования Екатерины II, когда старообрядцы под прикрытием леса и степи основали здесь свои скиты, скоро достигшие высокой степени процветания. В XVIII и первой четверти XIX века Иргизские монастыри пользовались громадным авторитетом среди старообрядцев. История монастырей подробно рассказана в книге Н.С.Соколова "Раскол в Саратовском крае" (Саратов, 1888 год), что позволяет обойтись без пересказа уже известных исторических сведений. В 30-х годах монастыри были обращены в единоверие, после чего сразу потеряли свое прежнее исключительное положение. Гражданская война нанесла монастырям сильный урон. Спасо-Преображенский монастырь был почти разгромлен; особенно пострадал собор и трапезная церковь. Несомненные хищения были обнаружены в ризнице еще в 1919 году; так, из митр и риз во многих местах были вытащены драгоценные камни или принятые за них стекляшки. Тогда же часть предметов из ризницы была вывезена в Пугачев (в том числе, почти все книги и рукописи) и передана в местный музей родного края. Несколько счастливее был Средне-Никольский монастырь, где женская община упорно цеплялась за монастырскую старину. Здесь церкви до последнего времени оставались в целости, но книги и рукописи были также переданы в Пугачев. Таким образом, в Пугачевском музее родного края составилось большое и ценное собрание старопечатных книг и рукописей. К сожалению, до весны 1922 года это собрание хранилось в самых

неподходящих условиях, без всякой описи, которую, за неимением специалистов, в Пугачеве некому было составить. Желая привести в известность рукописные и книжные богатства Пугачевского музея, Общество Археологии, Истории и Этнографии при Самарском Гос. Университете на свои средства отправило в Пугачев небольшую экспедицию в составе преподавателя палеографии в Самар. Гос. Ун-те М.Н.Тихомирова и слушателя Высших Археологических курсов М.Гр. Маткина.

На месте было составлено подробное описание рукописей Пугачевского музея, а некоторые рукописи (всего ... номера*) были вывезены в Самару и переданы на хранение в Об-во Археологии. Рукописи, вывезенные в Самару, в описании отмечены звездочкой².

Начало библиотекам при Иргизских монастырях, несомненно, было положено еще в XVIII веке. Многие старообрядцы дарили в монастыри рукописи и старопечатные книги на помин души. В 1783 году костромской купец и содержатель полотняной фабрики Гр. Дм. Углечанинов подарил в Спасо-Преображенский монастырь громадный рукописный Торжественник (№38). Почерком этой же рукописи написаны Пандекты и Тактикон Никона Черногорца (№18). Праздники певчие (№23) были подарены экономическим крестьянином Аникию Никифоровым, по паспорту Запорожской волости Богородского уезда, следовательно, из Гуслицы, видного старообрядческого центра в подмосковных лесах.

Некоторые рукописи попадали в монастырскую ризницу по завещанию старцев из состава братии (см. №13 и 16). О пожертвованиях рукописей и книг встречаем заметки в монастырских синодиках. Сами монастыри развивают усиленную деятельность по переписке книг. Особенно охотно переписываются певчие книги – Октоих, Обиход, Праздники. Большинство рукописей такого содержания написаны на Иргизе, чаще всего на плотной синей бумаге, четким полууставом, часто с заставками и травами в поморском стиле.

Состав монастырских библиотек диктовался интересами старообрядчества. Иргизские монастыри были прежде всего заинтересованы в книгах богослужебного характера и творениях св.

* В рукописи пропуск.

отцов. Ризницы Спасо-Преображенского и Средне-Никольского монастырей были особенно богаты печатными дониконовскими изданиями. Книги после никоновского времени сравнительно немногочисленны и чаще всего принадлежат к числу известных Клинцовских и Гродненских изданий. Рукописей было значительно меньше; главным их собирателем был, по-видимому, настоятель Силуян в перв. пол. XIX века, пометки которого часто встречаются на книгах. Рукописи, написанные до XVIII века, исключительно духовного содержания, кроме двух Сборников XVII века.

Рукописи XVIII и XIX века сохраняют в целом тот же характер; прибавляется только ряд старообрядческих сочинений и сборников. Самая древняя рукопись, Постнические Слова Василия Великого (№32) восходит к концу XIV – нач. XV века; самая поздняя, Апокалипсис лицевой (№1) написана еще на людской памяти, лет 15 тому назад. По странной случайности картины этого Апокалипсиса рисовал мой помощник по описанию рукописей, М.Г.Маткин.

В заключение считаю приятным долгом выразить свою благодарность Президиуму О-ва Археологии, Истории и Этнографии, на средства которого была совершена моя поездка. Большую помощь оказал мне М.Г.Маткин, зарисовавший и снявший на кальку образцы почерков и орнаментов.

Глубокую благодарность приношу также моему дорогому учителю академику Владимиру Николаевичу Перетцу, согласившемуся просмотреть мою работу в рукописи. Владимир Николаевич сделал ряд ценных замечаний и дополнений, а также исправил некоторые ошибки, допущенные мною при описании.

М.Тихомиров

ОРК СОУНБ. №1972. Тихомиров Мих.

Описание рукописей Иргизских монастырей. Рукопись. Л. 2-7.

Примечания

¹ Выше опубликовано Предисловие из неизданной работы М.Н.Тихомирова "Описание рукописей Иргизских монастырей". Подготовлена рукопись была во время второй поездки Тихомирова в Пугачев летом 1922 г., однако, как это следует из даты, поставленной самим историком

в конце текста, окончательно завершена только 12 августа 1924 г. (Л. 211). В настоящее время работа Тихомирова хранится в Отделе редкой книги Самарской областной универсальной научной библиотеки (№1972)*. В ней на 211 страницах приведена характеристика 134 рукописям из двух иргизских монастырей – Верхне-Спасо-Преображенского и Средне-Никольского. В отличие от еще одного "самарского" описания историком рукописей иргизского Криволуцкого монастыря, состав и характер которого подробно рассмотрен исследователями и которое они характеризуют как "первичное" (См.: Белявский, М.Т., Сукаев, А.Г. Новые материалы о М.Н.Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области. – С. 130), данную работу можно назвать вполне законченной. В интересах исторической науки ее следует полностью опубликовать с соответствующими комментариями. Но это дело будущего. Рамки же данного сборника позволяют издать только Предисловие к "Описанию...", которое, на наш взгляд, весьма информативно и дает возможность выявить обстоятельства работы Тихомирова над всей рукописью.

² Из 30 рукописей, отмеченных в "Описании..." звездочкой и вывезенных М.Н.Тихомировым в Самару, 22 до настоящего времени хранятся в Самарской областной библиотеке. Думается, что данные о них представляют значительный интерес для местной общественности. Краткое описание рукописей, вывезенных в Самару, большая часть из которых в настоящее время хранится в Отделе редкой книги Самарской областной универсальной научной библиотеки, подготовлено А.Г. Сукаевым и приведено ниже.

Публикация подготовлена к печати А.Г.Сукаевым и Э.Л.Дубманом

* Еще один экземпляр рукописи находится в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея в Москве. См.: Левочкин, И.В. Ранние работы М.Н.Тихомирова по описанию рукописных собраний / И.В. Левочкин // Сибирское собрание М.Н.Тихомирова и проблемы археографии. – Новосибирск, 1981. – С. 29-36.

Перечень рукописей из "Описания рукописей Иргизских монастырей", вывезенных М.Н.Тихомировым в Самару¹

Хранятся в Отделе редкой книги Самарской областной универсальной научной библиотеки:

Рукопись №1. Апокалипсис, в лист, на 163 листах, подражание полууставам начала XIX в. В инициалах и заголовках киноварь, украшен 73 акварельными рисунками во весь лист. Номер по каталогу библиотеки 306204.

Рукопись №2. Апостол, в малый лист, написанный полууставом конца XVI – начала XVII в., на 317 л. Водяной знак – латная рукавица. Номер по каталогу библиотеки 306214.

Рукопись №3. Апостол, в лист, на 308 листах. Листы 1-9 и 285-308 написаны полууставом конца XVIII – начала XIX в. на синеватой бумаге со знаком медведя и секирой под короной; листы 10-284 – полууставом второй половины XVI в. на бумаге со знаком козла. Номер по каталогу библиотеки 306221.

Рукопись №4. Апостол, в малый лист, на 224 листах, написан полууставом начала XVII в. Водяные знаки: 1) кувшинчик с одной ручкой; 2) кувшинчик с двумя ручками. Номер по каталогу библиотеки 306225.

Рукопись №8. Минея-четья, сентябрь, в лист, на 252 листах, написана полууставом конца XVI в. Водяной знак – гербовый щит с буквой В и лентой внизу с надписью Nicolas Lebe. Вязь в заглавии статей; инициалы и заголовки киноварные. Номер по каталогу библиотеки 306226.

Рукопись №9. Минея-четья, ноябрь, в лист, написана в один столбец полууставом конца XVI в. на 838 листах. Номер по каталогу библиотеки 306210.

Рукопись №10. Минея-четья, январь, в лист, написана скорописью конца XVI в. на 509 листах. Водяной знак – гербовый щит с буквой В и розеткой сверху, внизу лента с надписью Nicolas Lebe. Номер по каталогу библиотеки 306211.

Рукопись №11. Минея-четья, март, в малый лист. Написана на 336 листах двумя почерками (листы 8-43 полууставом, листы 44-336 скорописью конца XVI – начала XVII в.). Водяные знаки: 1) рука в рукавчике с фестонами с короной под средним пальцем; 2) латная рукавица с четырехконечной звездой над средним пальцем; 3) ваза с одной ручкой. Номер по каталогу библиотеки 306207.

Рукопись №19. Патерик скитский, в лист, написан двумя полууставными почерками XVI в. на 347 листах. Инициалы и заголовки киноварные. Водяной знак – Р с разделенной оконечностью и розеткой вверху. Номер по каталогу библиотеки 306212.

Рукопись №35. Торжественник, в лист, написан двумя полууставными почерками конца XVIII (листы 1-570) и конца XIX в. (листы 571-614). Номер по каталогу библиотеки 306205.

Рукопись №53. Диоптра или Зерцало. В четверть, написана скорописью второй половины XVII в. на 289 листах. Номер по каталогу библиотеки 306119.

Рукопись №56. Евангелие, в четверть, написанное юго-западно-русским полууставом XVI в. (почерк очень манерный и крючковатый, длинные концы букв перечеркнуты перекладинками) с заставками геометрического орнамента. Водяные знаки: 1) гербовый щит с тремя лилиями под короной; 2) буква Р с раздвоенной оконечностью и розеткой наверху. Номер по каталогу библиотеки 306125.

Рукопись №69. Катехизис великий, в четверть, на 510 листах. Написан тремя почерками: 1) листы 4-30 и 508-509 скорописью конца XVII – начала XVIII в.; 2) лист 32 – полууставом XVIII в.; 3) листы 33-507 – скорописью второй половины XVII в. Номер по каталогу библиотеки 306140.

Рукопись №72. Лествица Иоанна Синайского, в четверть, написана полууставом второй половины XV в., на 320 листах. Водяной знак – бычья голова с чертой кверху, заканчивается цветком о 6 лепестках и трилистником. Номер по каталогу библиотеки 306120.

Рукопись №74. Лествица Иоанна Синайского, в четверть, написана скорописью конца XVII – начала XVIII в. Водяные знаки:

1) дом, покрытый крышей; 2) геральдическая лилия в гербе под короной. Номер по каталогу библиотеки 306126.

Рукопись №75. Миней служебная, февраль, в четверть, написана полууставом XVI в. на 238 листах. Водяной знак – розетка. Номер по каталогу библиотеки 306143.

Рукопись №76. Миней служебная, февраль, в четверть, написана полууставом XVI в. на 224 листах. Водяной знак – держава. Номер по каталогу библиотеки 306110.

Рукопись №108. Сборник, в четверть, написана на 237 листах разной бумаги и разными почерками (полуустав XVI-XVII в.). Листы 29-118 "Сказание о Мамаевом побоище", озаглавленное "Списание Софоние Резанца. Похвала великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю"*. Листы 160-164. Моление Даниила Заточника. Отрывок без заглавия. Выполнен скорописью 2-й половины XVIII в. Номер по каталогу библиотеки 306121.

Рукопись №116. Служебник, в четверть, написан полууставом XVII века на 121 листах. Водяной знак – корона. Номер по каталогу библиотеки 306131.

Рукопись №119. Старчество, в четверть, на 199 листах. Листы 1-3 и 196-199 написаны полууставом XIX в., остальные листы – полууставом первой половины XVII в. Номер по каталогу библиотеки 306114.

Рукопись №120. Стоглав, в четверть, написан скорописью конца XVIII – начала XIX в. на 181 листах. Полное соответствие с печатным изданием 1911 г. Номер по каталогу библиотеки 306122.

Рукопись №124. Триодь цветная, в четверть, написана полууставом XVI в. на 561 листах. Номер по каталогу библиотеки 306124.

* Этот рукописный вариант "Сказания о Мамаевом побоище" относится к так называемой Распространенной редакции, другими словами – более полной. В отличие от других редакций в нее включены новые подробности и ряд эпизодов. В нее также вставлены две большие, самостоятельные повести, которых нет ни в одной из других редакций "Сказания". Самыми существенными из них является рассказ о посольстве Захария Тютчева (в рукописи – Тютюшкова) и повесть об участии в Куликовской битве новгородцев.

Отсутствуют:

Рукопись №7. Миня праздничная, в лист, написана полууставом XVI в. на 352 листах. Водяной знак – вебрь.

Рукопись №32. Слова постнические Василия Великого, в лист, написана полууставом конца XIV – начала XV в. на 271 листах.

Рукопись №25. Сборник, в малый лист, написан полууставом XV в. на 323 листах разной бумаги и разными почерками. Водяные знаки: 1) листы 3-212, 216-286 – гусь; 2) листы 287-304 – корона с лилией наверху.

Рукопись №34. Торжественник, в лист, написан полууставом конца XV – начала XVI в. на 290 листах. Водяной знак – бычья голова под пятизубчатой короной, вверху – цветок о 6 лепестках.

Рукопись №57. Житие Александра Свирского, в четверть, написано полууставом XVII в. на 109 листах.

Рукопись №63. Иконописный подлинник, в четверть, написан скорописью начала XIX в. на 158 листах.

Рукопись №128. Потребник, в осьмушку, написан полууставом конца XVI – начала XVII в. на 386 листах. Водяной знак – кувшинчик с одной ручкой.

Рукопись №129. Правила святых апостолов, в осьмушку, написаны скорописью конца XVII в. на 321 листах.

Примечания

¹ ОРК СОУНБ. №1972. Тихомиров Мих. Описание рукописей Иргизских монастырей.

Публикация подготовлена к печати А.Г.Сукаевым

Письмо М.Н.Тихомирова С.А.Хованскому об обстоятельствах поездки на Иргиз в 1923 г.*

Сергей Александрович

Доехали до Криволучья относительно благополучно, только болели по дороге малярией оба. Отношение Криволуч. Волисполкома пока самое странное, если не сказать более, когда приеду, сделаю полный доклад. Сегодня поедем в монастырь, который окружен кругом водой; придется жить одним, только со сторожем. Не знаю, удастся ли что-нибудь увезти или нет. Пишу нарочно, чтобы вас заранее известить о наших трудностях. У сторожа нет даже лодки. Уездный исполком оказал полное содействие.

*М. Тихомиров
26 мая 23 года.*

Публикация подготовлена к печати П.С. Кабытовым

* ГАСО. – Ф.780. – Оп. 2. – Д. 29. – Л. 18. Видному деятелю самарского краеведения Сергею Александровичу Хованскому Тихомиров дает красноречивую характеристику в своих воспоминаниях.

Отчет М.Н.Тихомирова Обществу археологии, истории и этнографии при Самарском университете о вывозе архива Аксаковых 5 августа 1921 г.

Предисловие

В 1993 г. отмечалось столетие со дня рождения академика Михаила Николаевича Тихомирова (18 мая 1893 г. – 2 сентября 1965 г.). Этому событию были посвящены традиционные ежегодные Тихомировские чтения, организованные Археографической комиссией (Тихомиров стал первым председателем возрожденной в 1965 г. комиссии и организатором издания "Археографического ежегодника"), Отделением истории Российской Академии наук, Историческим факультетом Московского университета и Государственным Историческим музеем, статьи в журналах и газетах. Это позволило существенно пополнить книгу "Биобиблиографические материалы об академике М.Н.Тихомирове", подготовленную в Археологической комиссии И.Е.Тамм и принятую к изданию Российским государственным университетом.

Документ, выявленный В.В.Крыловым в Центральном муниципальном архиве г. Москвы (ЦМА г. Москвы), заметно обогащает наши представления о наименее изученном периоде творческой биографии М.Н.Тихомирова, а следовательно, и об историографии тех лет. Причем не только о собственно "самарском" периоде жизни ученого, но и о предшествовавшем, когда выпускник Московского университета организовывал музей в подмосковном Дмитрове (1917-1918 гг.) и приобщался к опыту музейной работы.

Но значение данной публикации не только в этом. Подобный материал интересен для углубленного изучения и более многообразной проблематики – в данном случае, прежде всего, жизни российской провинции сразу же по окончании гражданской войны. Это – и замечания непосредственного наблюдателя о разрушении помещичьих усадеб и гибели находившихся там памятников истории и культуры. Любопытны детали, отражающие нюансы повсед-

невности, жизненного уклада города и деревни и показывающие, в каких условиях приходилось действовать тем, кто почитал долгом своим сохранить наше культурное наследие, развивать просветительские традиции российской интеллигенции. Важны для исследователя даже совсем, казалось бы, частные наблюдения, например, о церковноприходских летописях, значении их как исторического источника, об устанавливавшемся тогда обычае передачи этих сочинений из храмов в музеи. Тем самым открывается возможность поиска не только в архивах, но и в музеях этих ценных источников социально-культурной истории деревни и народной исторической мысли.

Материалы, связанные с биографией историков (и вообще ученых), и тем более отложившиеся в их архивах, не достаточно используются при изучении проблематики, не имеющей прямого отношения к прошлому науки. Между тем недавние публикации в изданиях "Исторический архив", "Отечественные архивы", "Археографический ежегодник" показывают, как много дают такие материалы для познания общественно-политической жизни, ментальности эпохи. Не менее интересны они и в плане исследования каждодневного бытового обихода. Примеры тому – материалы, извлекаемые ныне Л.И.Шохиным из огромного семейного фонда графов Шереметевых (Сергей Дмитриевич Шереметев был незаурядным историком и археографом), личных архивов архивистов Московского архива Министерства юстиции (ММЮ), советских лет – недавно опубликованные дневники Ю.Г.Готье, записка профессора Московского государственного историко-архивного института П.П.Смирнова о Москве первого года Великой Отечественной войны. Сейчас, при подготовке Каталога личных фондов отечественных историков, следовало бы, пожалуй, особо отмечать подобные материалы – и самих историков (дневниковые записи, переписка, воспоминания, документы), и сохраненные ими в своих личных архивах (и уже тем самым оцененные как потенциальный исторический источник, могущий привлечь внимание в будущем). Это позволило бы ввести в оборот исследователей и писателей, художников интересные подробности многообразных исторических явлений и обеспечило бы возможность создания панорамного

типа труда "Современное общество глазами историков" на стыке историографии и источниковедения с исторической психологией.

Отчет М.Н.Тихомирова выявлен в фонде историка-архивиста профессора МГИАИ М.С.Вишневого (1890-1938), до середины 80-х годов хранившемся в институте. Он написан черными чернилами без каких-либо поправок на старинной бумаге с водяным знаком 1718 г. – щит, в верхней части шестиугольная звезда, в нижней изображение меча, – изготовленной на фабрике Чарова, формат 23х36 сантиметров. Документ публикуется полностью с сохранением авторского стиля. В 1983 г. его содержание изложено публикатором в статье и докладе, посвященных М.Н.Тихомирову.

Академик РАО С.О.Шмидт

* * *

Как известно, судьба большинства помещичьих библиотек и архивов Самарской губернии за последние годы была крайне печальна. Многие из них погибли совершенно, от других остались только жалкие и разрозненные остатки. Трудно даже учесть, какие памятники старины и искусства погибли в помещичьих усадьбах, погибли бесцельно и бесследно.

Но среди помещичьих архивов Самарской губернии особенное значение имел архив семьи Аксаковых, находившийся в с.Языкове Могутовской волости Бузулуцкого уезда¹. До последнего времени этот архив был под охраной бывшей владелицы Языковского имения, 70-летней Ольги Григорьевны Аксаковой, внучки Сергея Тимофеевича Аксакова². Со смертью Ольги Григорьевны, последовавшей в апреле текущего года, вопрос о перевозе архива в Самару возник с новой силой, т.к. архив лишился последнего и главного своего хранителя. Вывоз архива был возложен на меня³, в чем я и считаю необходимым дать, насколько возможно, полный отчет.

Еще перед отъездом мною были получены известия, что часть Аксаковского архива вывезена в г. Бузулук. Соответственно с этим я и построил план своей поездки: Бузулук – Языково – Самара.

В Бузулуке я пробыл всего пять дней. Положение с музейным делом в Бузулуке оказалось довольно странное: музейный отдел

здесь занимает совсем независимую позицию, но в то же время не встречает и заметной поддержки со стороны уездного политпросвета, работу свою музейный отдел ведет каким-то кустарным способом. Главным его детищем является музей, занимающий второй этаж небольшого каменного особняка и состоящий из одной маленькой и двух больших комнат. Но громкое название музея плохо вяжется с его действительным содержанием. Я говорю здесь вовсе не о числе экспонатов, хотя обе комнаты поражают своей пустотой; нет, речь идет о полной бессистемности всего собранного, полном отсутствии определенного плана в музейной работе. Здесь в одном месте вы увидите какие-то большие баллоны, морские раковины, и рядом витрины с чувашскими украшениями, найденными на земле Бузулуцкого мужского монастыря⁴. Если мысль о создании уездных музеев должна быть признана осуществимой, губернскому центру нужно озаботиться выработкой примерных планов этих провинциальных музеев; по крайней мере, примерных рамок, в пределах которых должна протекать их работа.

При Бузулукском музее существует так называемый "архив", заведывание которым поручено отдельному лицу. С его помощью я произвел краткий осмотр архива. Наиболее полным собранием здесь были так называемые державинские бумаги, вернее, дела, касающиеся наследников Державина. Дела эти использованы в докладе Н.А.Архангельского, прочитанном на заседании ученой конференции Общества археологии, истории и этнографии при Самарском государственном университете⁵, а поэтому я на них останавливаться не буду. Среди других бумаг есть любопытное письмо конца XVIII в. знаменитого вольского купца В.А.Злобина⁶, посвященное торговым делам, и ряд других большей частью разрозненных бумаг деловых документов. Среди других бумаг встречается один столбец конца XVII в. и три жалованные грамоты того же времени.

Наконец, ценным материалом являются несколько книг церковных летописей из сел – Могутова, Державина, Пронькина и других. Это в высшей степени интересный материал для местной хозяйственной истории со второй половины XIX века. К сожалению, самый обычай отбора церковных летописей в музей, на мой

взгляд, заслуживает глубокого осуждения. Не говоря уже о законности подобных отборов, церковь лишается своей истории, а самое главное прерывается нить летописных записей, т.к. большинство священников новых летописей уже не заведут.

В Бузулуке мне показали также вещи, взятые из Аксаковского архива: 1) экземпляр "Записок охотника" с автографом И.С.Тургенева; 2) рисунки в красках различных грибов, среди которых нарисован и гриб, "найденный Гоголем". Происхождение и время, когда рисунки были сделаны, в Бузулуке определить затруднились. Впоследствии мне удалось установить, что рисунки являются работой одной из дочерей Сергея Тимофеевича Аксакова⁷.

В целом, резюмируя бузулуцкие впечатления, я считаю нужным заметить, что моя миссия произвела здесь совсем слабый эффект. Музейный отдел и заведующий политпросветом не имели никаких сведений об архиве; иногда даже бросали равнодушные фразы, вроде – *"а вы уверены, что там (в Языкове) что-либо найдете"* или – *"там, вероятно, все уже разграбили"*.

Услышав такие тревожные предупреждения, я постарался поскорее выбраться из Бузулука и двинулся в Языково. Свой маршрут я нарочно держал немного в сторону, чтобы проехать с. Державино. По сведениям мне данным, в Державине должны были находиться остатки архива⁸. Действительность, однако, жестоко разочаровала. Все мои поиски архива, все расспросы учителя, двух учительниц и библиотечарши только выяснили, что в Державине ничего не сохранилось. Библиотечарша, правда, показала мне "архив", но это был огромный сундук, заваленный до верху старыми книгами. Здесь мне удалось познакомиться с библиотекой, помещающейся в большом длинном шкафу. Верх занят мелкими детскими книжками и брошюрами, но внизу я увидел цельные комплекты в прекрасных переплетах "Библиотеки для чтения", "Отечественных записок" и т.д. Библиотечарша объяснила, что "эти книжки никто не читает". Тем не менее можно пожалеть, что они без движения лежат в глухом селе. Между прочим я посетил и державинский парк, где когда-то стоял барский дом. Здесь картина полного разрушения: прежнего дома даже не существует. Мне удалось выяснить настолько колоритную картину разрушения бар-

ского дома, что я решаюсь посвятить этому делу несколько строк. Некто внешкольный инструктор Бородулин задумал построить "Народный Дом". Но, так как средств не было, он придумал гениальный способ – разобрать барский дом, нижний этаж которого был кирпичный, а верх деревянный; из бревен сложат народный дом, а кирпич пойдет на расплату крестьянам за работу. Барские хоромы разобрали и стали строить народный дом. Кирпич раздавали так щедро, что его не хватило; и в результате теперь можно видеть народный дом, доведенный до стропил, а рядом груды камней и бревен, остатки барского дома.

Единственным остатком старины в Державине остается церковь конца XVIII в. Но осмотреть ее внутри мне не удалось, потому что весь причт ушел на два дня в соседние деревни молеbstвовать по случаю засухи. Поэтому я постарался не задерживаться в Державине и отправился прямо в Языково. По дороге, в Могутове, мне пришлось увидеть еще разгромленное имение – великолепный дом Бостанджогло. Да и вообще, по наведенным справкам, выяснилось определенно, что большинство имений погибло безвозвратно. Таковы – Жданово, Страхово, имение Стобеуса при Могутове и ряд других.

Наконец, после двухдневного с лишним путешествия из Бузулука, я приехал в Языково. Здесь с самого начала я мог убедиться, что приехал как раз вовремя и что мрачные бузулуцкие предсказания могли действительно оправдаться. Как я уже упоминал, до апреля фактически охрана Аксаковского архива лежала на его бывшей владелице, Ольге Григорьевне Аксаковой. С ее смертью охрана его перешла как бы по наследству к Хионии Семеновне Лихачевой, бывшей служащей О.Г.Аксаковой, жившей в ее доме более тридцати лет.

Вот этим двум женщинам Аксаковский архив, главным образом, и обязан своим спасением, почти среди общего разгрома помещичьих усадеб.

Надо заметить, что языковские крестьяне поразительно хорошо отнеслись к усадьбе и ее [бывшей] владелице. Здесь сказывалась, конечно, симпатия к личности самой О.Г.Аксаковой, а отчасти, может быть, и простой экономический расчет. Аксаковская усадьба

была слишком мало заманчивым куском для разгрома. Но опасность грозила с другой стороны: больше всего от местных волостных заправил, которые смотрели на имение, как на собственность волости. Правда, Бузулук в свою очередь принял меры к охране имущества*: дана была бумага о неприкосновенности бывшего Аксаковского дома, а затем сама О.Г.Аксакова была** назначена запасной учительницей с поручением охранять архив. Далее, Языково посетил заведующий бузулуцким отделом народного образования Д.Романовский, принимавший заботливое участие в спасении архива.

Но вслед за этими мерами пошла уже неумеренная опека в каких-то странных и несуразных формах.

При этом совершенно не считались с личностью О.Г.Аксаковой: забывали, что дело спасения этого архива является единственной целью ее уже догоравшей жизни; забывали, что в ее лице следовало видеть не только бывшую помещицу, но и внучку большого русского писателя. Между тем, вот какие записки присылал к ней, хотя бы упомянутый инструктор Бородулин (сохраняю орфографию бумажки): "Гражданке с. Языково Могутовской волости Олг.Н.(?) Аксаковой. В виду того, что все Ваши рукописи, книги на иностранных языках, и портреты, имеющие культурно-историческую ценность взяты на учет Отделом Народного образования, прошу сохранить в целости до разрешения Бузулук уездного Отдела Народного Образования, в противном случае будите привлечены к законной ответственности, Уполномоченный по взятию на учет ценностей Л.Бородулин. 1920 5.11." Эта угроза строгой ответственностью, конечно, была особенно тактична по отношению к О.Г.Аксаковой. Наконец, Бузулук не ограничился частичными посылками инструкторов и отправил целую комиссию, в состав коей входили – заведующий музейным отделом, художник, тот же Бородулин, и еще четвертое лицо. Комиссия составила опись предметов. Конечно, составить в короткое время хорошую опись многочисленных бумаг архива не представляло никакой возможности. Но комиссия должна была принять на учет все картины и

* Далее зачеркнуто: "а затем".

** Далее зачеркнуто "сделана".

фотографии и озаботиться охраной всего имущества. Но специалист-художник, находившийся в комиссии, исполнил свою задачу весьма странно. Так, были приняты на учет плохие копии масляными красками и оставлены без внимания ряд ценных фотографий и рисунков. В заключение, несмотря на протесты О.Г.Аксаковой⁹, были изъяты упомянутые выше рисунки грибов и "Записки охотника", а также несколько альбомов.

Приезд комиссии мог только усилить опасения за целостность архива, который начинали понемногу развозить. Весной 1921 г. произошли новые события, показавшие непрочность охраны в руках престарелой О.Г.Аксаковой. Приехали представители Могутовского волисполкома и отобрали кое-что из мебели и столовую лампу. Далее прибыл второй волостной милиционер Сермягин и произвел обыск. В результате обыска он отобрал два Аксаковских альбома с чистыми листами. При этом Сермягин крайне грубо обошелся с престарелой Аксаковой. В ответ на ее протесты, Сермягин отбросил Аксакову локтем в грудь. Такова была атмосфера, нависшая над архивом весной 1921 г. Со смертью О.Г.Аксаковой положение стало еще хуже. К счастью, за спасение архива энергично взялась местная уроженка А.Г.Смарагдова. Она не затруднилась съездить в Самару и там окончательно выяснить положение архива. При таком-то положении дел я прибыл в Языково. Очень скоро я увидел необходимость немедленного вывоза всего ценного имущества в безопасное место.

Поэтому мною были приняты меры к упаковке не только собственно рукописного материала, но и наиболее ценных портретов и вещей. Из них особенно громоздкими являлись две реликвии старинного аксаковского быта – бюро и зеркало красного дерева, по преданию принадлежавшие самому Дедушке Степану Михайловичу, герою "Семейной хроники". Одно время я даже намеревался оставить эти вещи в самом имении, но после некоторых хлопот удалось их запаковать в надежные ящики.

Архив на подводах был переправлен на станцию Большой Толкай, а оттуда багажом по железной дороге в Самару. Большую помощь в деле вывоза оказал мне Н.А.Белгородский, на долю которого выпали хлопоты по перевозке архива по железной дороге.

Что касается рукописного материала архива, то* я нашел этот материал в сохранности, но часть его была в беспорядке и хранилась по шкафам и столам. Оказалось, что О.Г.Аксакова незадолго до смерти принялась снова за разработку архива, желая выполнить поручение Общества археологии при Самарском государственном университете – именно, сделать копии наиболее ценных бумаг. Остальной материал хранился в громадном сундуке и знаменитом бюро, в порядке, приданном ему О.Г.Аксаковой.

Полная опись архива пока не составлена, но даже краткая записка о хранящихся там бумагах может дать представление об его богатствах.

Здесь мы встречаем прежде всего рукописи И.С.Аксакова – "Зимняя дорога", "Бродяга", "Самые достоверные записки чиновника очевидца", "Присутственный день уголовной палаты"; черновик с пометой – "Тетрадь стихов, принадлежат И.Аксакову. М. 1829 г." и ряд других черновых рукописей.

Далее начисто переписанная красивым почерком половины XIX в. рукопись – "Постоялый двор" (подпись "Иван Тургенев"); папка с бумагами – "Участие в комиссии князя Васильчикова"¹⁰.

Большое число пакетов с письмами разных лиц к Ивану Сергеевичу Аксакову. Из них отметим: письмо кн[язя] А.И.Васильчикова¹¹, 2 письма И.Наумовича¹², письма Ольги Семен[овны] Аксаковой (матери)¹³ к И[вану] С[ергеевичу] с 1875 по 23 марта 1878 г.; письма разных лиц (1870-1871) к И[вану] С[ергеевичу] (Хомякова¹⁴, Можаровского, Я.Грота¹⁵ и др.), пакет – "Архив "Дня" 1862 г.¹⁶; письмо И[вана] С[ергеевича] к Гирсу¹⁷ и два письма Н.К.Гирса к нему; письма Ф.Чижова¹⁸, Е.С.Шеншиной (50-е годы), Ф.Унковского¹⁹. Затем письма самого Ивана Сергеевича Аксакова: к К.К.Толстому²⁰, к М.Ф.Мещерской, А.И.Бахметевой²¹, Голохвастову²², Д.Оболенскому²³ и др.

Большое количество семейных писем Аксаковых 51-52-х годов; письма Анны Федоровны Аксаковой (жены И[вана] С[ергеевича]) по случаю кончины И[вана] С[ергеевича]; письма И[вана] С[ергеевича] к матери и Софье Сергеевне²⁴; астраханские²⁵, ярославские и бессарабские²⁶ письма И[вана] С[ергеевича] и т.д.

* Далее зачеркнуто "их".

Ряд писем к Сергею Тимофеевичу – письмо Д.Дашкова (23 июля 1838 г.) по поводу успехов Константиновского межевого института²⁷; письмо Г.Квитки²⁸ (1831 г.), письмо кн[язя] Шаховского²⁹ (18 января 1830 г.), письма Загоскина³⁰, Н.Берга³¹ (1856 г. и 1858), Васькова³², В.Панаева³³, Логинова³⁴, П.Анненкова³⁵.

Наконец еще ряд писем и бумаг; из них выдаются: переписка И[вана] С[ергеевича] с гр[афом] А.Г.Комаровским о постройке православной церкви в Праге; письмо Н.Д.Свербеева к К[онстантину] С[ергеевичу] Аксакову 11 декабря 1848 г. по поводу того, что Конст[антин] С[ергеевич] надел навсегда русское платье по убеждению; письма Арк[адия] Тим[офеевича]³⁶ и Григ[ория] С[ергеевича] Аксаковых, А.А.Шишкова³⁷, Барановского³⁸, касающиеся освобождения крестьян; письма к И[вану] С[ергеевичу] – Н.А.Милютина³⁹; письмо Грановского⁴⁰ к Конст[антину] С[ергеевичу], письмо М.Д.Скобелева⁴¹ (Бари, 1 июня 1880 г.) по поводу вдовы д[окто]ра Студитского⁴².

Кроме архива доставлены также: 1) портрет С.Т.Аксакова – копия с работы Крамского художницы [Т.В.]Васнецовой⁴³; 2) старинный групповой портрет, изображающий Тимофея Степановича с маленькими сыновьями – Сергеем Тимофеевичем, Николаем Тимофеевичем⁴⁴; 3) портрет Н.В.Гоголя – старинный, очень интересной кисти⁴⁵; 4) портрет Григория С[ергеевича] Аксакова в молодости; 5) три акварельных портрета – И.С.Аксакова, С.Т.Аксакова в молодости и О.С.Аксакова⁴⁶.

Затем целый ряд фотографий членов семьи Аксаковых. Затем некоторые мелкие реликвии Аксаковых – например, икона Сергея Тимофеевича с перламутровым крестом с мощами.

Одним словом, произведена полная вывозка всех ценных предметов Аксаковского архива. На месте оставлены только вещи сравнительно небольшого значения.

Что касается самого Языковского имения, то надо заметить, что оно вовсе не отвечает представлению о большом дворянском гнезде. Правда, большинство построек еще сохранилось, и сам "барский" дом представляет собой только маленький флигелек в четыре комнаты с кухней, сохранившийся от пожара, истребившего в 1914 г. большой дом. Внутри сохранившийся домик пора-

жает простотой и даже бедностью убранства – старая мебель, копии с картин на стенах, два шкапа с французскими и английскими романами. Но и в этой бедности убранства теплятся какие-то воспоминания о минувшей жизни. Было бы крайне обидно и тяжело, если бы это последнее гнездо внучки большого писателя постигло разорение. Между тем, этот домик в парке, пышно раскинувшимся вокруг него, мог бы сделаться отличным домом отдыха для нескольких научных работников. Это спасло бы гнездо Аксаковых от запустения и дало бы возможность восстановить силы не одному работнику.

Ввиду этого я считал бы себя вправе сделать следующие предложения:

1) поднять вопрос о сохранении б[ывшего] дома Аксаковой и оставлении его за Самарским отделом Главмузея или Обществом археологии, истории и этнографии при Самарском государственном университете,

2) поручить заведывание и охрану этого дома Х.С.Лихачевой,

3) высказать от лица отдела Главмузея и Общества археологии благодарность за помощь при спасении Аксаковского архива – Анне Григорьевне Смарагдовой и Хионии Семеновне Лихачевой.

В заключение считаю нужным заметить, что медленность в составлении подробной описи архива⁴⁷ во многом зависела от тех тяжелых условий, в которых протекала моя поездка. Не говоря уже о неудобствах передвижения, моя экспедиция встретила слишком слабую поддержку со стороны Бузулука. Достаточно сказать, что на всю поездку местный райпродком ассигновал 5 ф[унтов] хлеба и 2 ф[унта] копченостей.

Но самое главное заключалось, конечно, в моей болезни. Я имел несчастье заболеть тяжелейшей формой малярии и в течение более двух недель валялся в постели, расшатав окончательно свое здоровье. Здесь я упоминаю об этих важных обстоятельствах с единственной целью оправдать себя от возможных упреков в медленности, с которой мне пришлось работать.

5 августа 1921 г.

Михаил Тихомиров

ЦМА г. Москвы. – Ф. 3018. – Оп. 1. – Д. 237. – Л. 1-11. Автограф.

Примечания

¹ Языково – имение, принадлежавшее родственникам поэта Н.М.Языкова, было приобретено Григорием Сергеевичем Аксаковым (1820-1891), сыном С.Т.Аксакова, в 1847 г. накануне свадьбы с Софьей Александровной Шишковой, дочерью симбирского помещика. Писавшие о поездке М.Н.Тихомирова для вывоза архива Аксаковых С.Н.Валк, В.Б.Павлов-Сильванский, Е.В.Чистякова ошибочно называют конечной целью экспедиции село Надеждено (правильно – Надёжино) Белебеевского уезда Уфимской губернии – родовое имение Сергея Тимофеевича. (См.: Валк, С.Н. Археографическая деятельность академика М.Н.Тихомирова / С.Н.Валк // АЕ за 1962 год. – М., 1963. – С.5; То же // Валк, С.Н. Избранные труды по археографии / С.Н.Валк. – СПб., 1991. – С.241; Павлов-Сильванский, В.Б. М.Н.Тихомиров – организатор археографических экспедиций / В.Б.Павлов-Сильванский // АЕ за 1970 год. – М., 1971. – С.248; Чистякова, Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893-1965) / Е.В.Чистякова. – М., 1987. – С.18.)

² Аксакова О.Г. (26.12.1848 – 7.04.1921) – (дочь – сост.) Г.С.Аксакова, внука С.Т.Аксакова, посвятившего ей книгу "Детские годы Багрова-внука" и стихотворение (См.: Аксаков, С.Т. Собр. соч.: в 4 т. / С.Т.Аксаков. – М., 1956. – Т.3. – С.689-690). Архив Аксаковых хранился вначале у вдовы И.С.Аксакова – Анны Федоровны (дочь поэта Ф.И.Тютчева, 1829-1889). В полное владение архив и семейные реликвии Аксаковых перешли к Ольге Григорьевне после раздела имущества с братом Сергеем. О.Г.Аксакова была не просто хранителем архива, но проводила его разборку и описание, а в 1889 г. подготовила к печати третий том писем Ивана Сергеевича к родным. С 1921 г. она становится научным сотрудником Общества археологии, истории и этнографии при Самарском государственном университете (ОАИЭ), по ходатайству которого ей была назначена пенсия.

³ М.Н.Тихомиров с ноября 1920 по сентябрь 1923 г. – член Исторической комиссии ОАИЭ. Окончив Высшие этнолого-археологические курсы, открытые при Обществе 21 марта 1920 г., молодой историк начал вести на них практические занятия по палеографии и археографии, читал курс "Древнерусская культура", был заведующим библиотекой и председателем библиографической комиссии ОАИЭ. (См. Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете. – Самара, 1925. – №1. – С.2-9; Филимонов, С.Б. Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники (1917-1929 гг.) / С.Б.Филимонов. – М., 1991. – С.58, 70, 73-74).

2 марта 1921 г. Совет Общества по предложению председателя археолога А.С.Башкирова принял решение направить М.Н.Тихомирова в Языково с тем, чтобы договориться с О.Г.Аксаковой "передать все вещи, относящиеся к памяти С.Т.Аксакова, Обществу для хранения" (Госархив Самарской области. – Ф. 558. – Оп.1. – Д.48. – Л.27об. См. также: Крылов, В.В. Данные об археографической деятельности М.Н.Тихомирова (в Государственном архиве Куйбышевской области) / В.В. Крылов, В.Г. Маркина // АЕ за 1986 год. – М., 1987. – С.214-215.

⁴ Речь идет о Спасо-Преображенском мужском монастыре, основанном в 1853 г. и расположенном в трех километрах от Бузулука.

⁵ Вероятно, имеется в виду доклад краеведа, члена учредителя ОАИЭ, Н.А.Архангельского (1875-?) о состоянии архивов в Бузулукском уезде, прочитанный на заседании Общества 2 марта 1921 г. (ГАСО. – Ф.558. – Оп.1. – Д.48. – Л.27об.).

⁶ Злобин В.А. (1760-1816) – общественный деятель.

⁷ Речь идет о старшей дочери С.Т.Аксакова, Вере Сергеевне (1819-1864).

⁸ Речь идет об архиве поэта Г.Р.Державина.

⁹ Вот как сама О.Г.Аксакова охарактеризовала 29 марта 1920 г. в письме к заведующему Самарским губернским архивным бюро С.А.Хованскому деятельность комиссии: "13/26 марта налетела на меня комиссия Бузулукского отдела народного образования и нахальным образом все отобрала, предъявив безграмотную бумажку (А.Бородулина), копию которой Вам посылаю..." (ИРЛИ. – Ф.3. – Оп.17. – Д.25. – Л.1. Копия записки – Л.6.об.).

¹⁰ С июня по декабрь 1856 г. И.С.Аксаков входил в состав комиссии В.И.Васильчикова, занимавшейся определением степени разорения Крыма во время войны и расследованием интендантских злоупотреблений.

¹¹ Васильчиков А.И. (1818-1881) – князь, общественный деятель, публицист, председатель Петербургского Славянского комитета (1870-1878).

¹² Наумович И.Г. (1826-1891) – писатель, общественный деятель, священник.

¹³ Аксакова О.С. (урожд. Заплатаина, 1793-1878) – жена С.Т.Аксакова.

¹⁴ Хомяков А.С. (1804-1893) – писатель, философ, художник. Один из основателей и идеологов славянофильства.

¹⁵ Грот Я.К. (1812-1893) – филолог, академик.

¹⁶ "День" – личный печатный орган И.С.Аксакова, издававшийся в Москве в 1861-1865 гг. Архив газеты см.: ИРЛИ. – Ф.3. – Оп.5. – Д.26.

¹⁷ Гирс Н.К. (1820-1895) – дипломат, с 1882 г. – министр иностранных дел, член Государственного совета.

¹⁸ Чижов Ф.В. (1811-1877) – публицист, писатель-славянофил, искусствовед, математик, сотрудник газет "День", "Молва", "Москва", промышленный и финансовый деятель.

¹⁹ Унковский Ф.С. – друг И.С.Аксакова, приятель Г.С.Аксакова.

²⁰ Толстой К.К. – врач, писатель, сотрудник газеты "Русь".

²¹ Вероятно, А.Н.Бахметева (урожд. Ховрина, 1823-1901) – писательница.

²² Голохвостов Д.А. (1822-1881) – писатель, сотрудник газеты "Русь".

²³ Оболенский Д.А. (1822-1881) – близкий друг И.С.Аксакова, член Государственного совета.

²⁴ Аксакова С.С. (1834-1885) – дочь С.Т.Аксакова.

²⁵ Письма, отражающие поездку И.С.Аксакова как чиновника Правительствующего сената в составе ревизионной комиссии кн. П.П.Гагарина в Астрахань в 1844 г., впервые опубликованы А.Ф.Аксаковой. См.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. – М., 1988. – Ч.1; Аксаков И.С. Письма к родным. 1844-1849. – М., 1988.

²⁶ Письма, отражающие поездку в Бессарабию (октябрь-декабрь 1848 г.) и Ярославль (май 1849-март 1851 г.) для изучения раскола, впервые опубликованы: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. – Ч.1. – Т.2; Аксаков И.С. Письма к родным. 1844-1849. – М., 1988.

²⁷ 14 мая 1779 г. в Москве была создана землемерная школа, названная в честь великого князя Константиновской, ставшая затем училищем. С октября 1883 г. его инспектором назначается С.Т.Аксаков, благодаря усилиям которого оно преобразовано в Межевой институт (ныне Государственный университет по землеустройству). Первым директором стал С.Т.Аксаков (1836-1838). В письме министра юстиции Д.В.Дашкова (1784-1839) дана высокая оценка деятельности Сергея Тимофеевича (ИРЛИ. – Ф.3. – Оп.13. – Д.13).

²⁸ Квитка (Квитка-Основьяненко) Г.Ф. (1778-1843) – украинский писатель.

²⁹ Шаховский А.А. (1777-1846) – драматург и театральный деятель.

³⁰ Загоскин М.Н. (1789-1852) – писатель, исторический романист, близкий друг С.Т.Аксакова.

³¹ Берг Н.В. (1823-1884) – историк, поэт, преподаватель Московского училища живописи, ваяния и зодчества, редактор газеты "Варшавский дневник".

³² Васьков Ф.И. (1790-1855) – "милый старинный друг" С.Т. Аксакова. См.: Аксаков, С.Т. Собр. соч.: в 4 т. / С.Т. Аксаков. – М., 1956. – Т.3. – С.649.

³³ Панаев В.И. (1792-1859) – литератор, приятель С.Т.Аксакова.

³⁴ Лонгинов М.Н. (1823-1875) – историк литературы, библиограф.

³⁵ Анненков П.В. (1813-1887) – историк литературы, публицист, критик.

³⁶ Аксаков А.Т. (1803-1862) – младший брат С.Т.Аксакова, симбирский помещик.

³⁷ Шишков А.А. (1826-?) – брат Софьи Александровны, жены Г.С.Аксакова.

³⁸ Барановский Е.И. (1821-1914) – юрист, оренбургский губернатор, хороший знакомый Аксаковых.

³⁹ Милютин Н.А. (1812-1872) – в 1859-1861 гг. товарищ министра внутренних дел, фактический руководитель работы по подготовке крестьянской реформы 1861 г.

⁴⁰ Грановский Т.Н. (1813-1855) – историк, профессор Московского университета, общественный деятель.

⁴¹ Скобелев М.Д. (1843-1882) – генерал от инфантерии, политический деятель.

⁴² Студитский А.Е. – корректор типографии Московского университета. В 1846 г. осуществлял издание журнала "Москвитягин" (1841-1856), публиковал в нем свои критические статьи.

⁴³ Портрет написан в 1878 г. по заказу П.М.Третьякова.

⁴⁴ Н.Никулина аргументировано доказала, что речь идет о копии с картины М.Бельского (1753-1794) "Портрет учителя с учениками" (1773), оригинал которой поступил в Русский музей в 1910 г. от К.П.Демора. Как и "Портрет М.В.Ломоносова с двумя детьми", тогда же П.И.Нерадовским – хранителем музея – атрибутирована как "Учитель с двумя учениками". По мнению Н.Никулиной, это "программная" работа ученика живописного портретного класса Академии художеств М.Гельского, отмеченная высшей академической наградой – золотой медалью. Изображен, вероятно, преподаватель географии и истории Академии художеств Бодуэн (См.: Никулина, Н. "Портрет учителя с учениками" и его автор / Н. Никулина // Искусство. – 1969. – №5. – С.51-54). Копия с картины, сделанная В.С.Аксаковой и вывезенная М.Н.Тихомировым, поступила вместе с другими предметами Аксаковых в 1929 г. в Пушкинский дом. В марте 1967 г. передана Государственному историко-художественному и литературному музею-заповеднику "Абрамцево" и предстает перед посетителями по-прежнему как "Портрет Т.С.Аксакова с сыновья-

ми". Репродукция с этой картины, изображающей якобы Аксаковых, широко тиражируется и сегодня (См.: Манн, Ю.В. Семья Аксаковых: Историко-литературный очерк / Ю.В. Манн. – М.: Детская литература, 1992. – Обложка).

⁴⁵ Вероятно, речь идет о копии с портрета Н.В.Гоголя кисти Ф.А.Молера, заказанной С.Т.Аксаковым в память о друге.

⁴⁶ Речь идет об акварельных портретах неизвестного художника 30-40-х гг. XIX в. В настоящее время – в экспозиции музея "Абрамцево". Помимо этих реликвий, М.Н.Тихомировым были вывезены и другие предметы, принадлежавшие С.Т.Аксакову, – рабочее кресло, комод-секретер, лампа, часы в футляре красного дерева, зеркало, рисунок художника К.А.Трутовского (1892 г.), изображающий писателя, диктующего свои произведения (ИРЛИ. – Ф.3. – Оп.20. – Д.159. – Л.9). Семейный архив и реликвии Аксаковского рода, доставленные в Самару, поместили в Аксаковскую комнату (мемориальный музей), открытую 16 июня 1909 г. по инициативе А.Н.Наумова. Хранителем архива-музея стал М.Н.Тихомиров (См.: Краеведение. – 1923. – №2. – С.170-172; Зенкевич, В.В. Аксаковская комната / В.В. Зенкевич // Материалы по истории изучения Самарского края. – Самара, 1928. – Вып. 5. – С.8-10). В середине 20-х годов в Самару из сел Языково и Аксаково поступило еще несколько писем Аксаковых 1840-1859-х гг., портрет Г.С.Аксакова и его жены (ИРЛИ. – Ф.3. – Оп.20. – Д.163. – Л.1).

⁴⁷ Подробная опись архива Аксаковых, составленная М.Н.Тихомировым вместе с В.В.Зенкевичем и профессором С.А.Зыбиным при участии профессоров С.Д.Балухатого и В.С.Спиридонова, а также С.А.Хованского, охватила чуть более половины всего архива – 300 ед.хр. "Описание архива семьи Аксаковых", датированное 26 июня 1923 г., по свидетельству И.П.Старовойтовой, – самая ранняя из находящихся в фонде М.Н.Тихомирова научных работ ученого (См.: Старовойтова, И.П. Фонд М.Н.Тихомирова в Архиве АН СССР / И.П. Старовойтова // АЕ за 1963 г. – С.306). Первый экземпляр первого выпуска "Описания..." хранится в ИРЛИ (Ф.3. – Оп.20. – Д.161). Второй выпуск описи составлен С.А.Зыбиным, третий – В.В.Зенкевичем (ИРЛИ. – Ф.3. – Оп.20. – Д.162, 163). В октябре 1929 г. в результате переговоров ученого хранителя Пушкинского дома Б.И.Коплана с Правлением Самарского научно-краеведческого общества (бывшее ОАИЭ) было принято решение о передаче архива и семейных реликвий Аксаковых в Ленинград. Архив присоединили к уже имевшемуся в Пушкинском доме фонду Аксаковых, а часть мебели поместили в экспозицию Литературного музея ИРЛИ. В 1948 г.

по предложению академика С.И.Вавилова и по решению Президиума АН СССР большая часть семейных реликвий Аксаковых – портреты, рисунки, фотографии – была передана в музей-усадьбу "Абрамцево" (См.: Пахомов, Н.П. Абрамцево / Н.П. Пахомов. – М., 1969. – С.248).

*Впервые опубликовано в журнале "Исторический архив".
1994. – №2. – С.205-214.*

Публикация подготовлена к печати В.В.Крыловым

1.3. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ М.Н.ТИХОМИРОВА

М.Н.Тихомиров

К истории колонизации Самарского края

І. Пригород Алексеевск

(ныне село Алексеевское Самарского уезда)

Пригород Алексеевск был построен около 1700 года и получил свое наименование в честь царевича Алексея Петровича. По сказкам, на которые ссылается в своей "Топографии Оренбургской губернии" (Оренб. 1887 г.) П.И.Рычков, строителем Алексеевска был Уфимский воевода Александр Сергеев; тот самый, который своими действиями вызвал кровопролитный башкирский бунт 1704 года (см. Н.Попов. В.Н.Татищев и его время. М., 1881. 165-168 стр.).

Назначение пригорода состояло в том, чтобы прикрывать с востока ближайшие подступы к Самаре: укрепление было выстроено на высоком холме, при слиянии Кинеля и Самарки. Первоначальными поселенцами были казаки, которые затем были переведены в Оренбург, а на их место

определены другие. Значение передового укрепления Алексеевск потерял уже вскоре после проведения Самарской линии крепостей, но еще в 1762 году, по описанию Рычкова, он был "снаружи укреплен оплотом", а внутри стояла "рубленая и изрядная крепостца, в которой церковь во имя Алексея Человека Божия и воеводский дом" (Топогр., стр. 311).

Паллас, посетивший Алексеевск в июне 1769 года, упоминает, что Алексеевск населен Самарскими казаками, отделенными солдатами, ремесленниками и пахотными людьми и "уподобляется большому селу" (см. П.С.Паллас – Путешествие по разным провинциям Российской империи, Ч. 1-я, СПб., 1773, стр. 295).

В последний раз роль крепости Алексеевск сыграл во время Пугачевского мятежа; здесь произошел бой правительственных войск с мятежниками, во главе которых стоял атаман Арапов. Участник события Г.Р.Державин по этому поводу упоминает, что пригород "населен почти весь отставными гвардейскими солдатами" (Сочин. VI, Записки, 472 стр.).

Теперь село Алексеевское давно уже выросло за пределы первоначального маленького ядра, и остатки укреплений находятся на самом краю бывшего пригорода; жители называют их по-своему "болгарки", но объяснить такое наименование не могут. Укрепление было выстроено в виде неправильного треугольника, длинная сторона которого обращена к обрыву крутого холма, на котором стоит Алексеевск. Остатки вала еле заметны, но по углам треугольника вполне ясно выступают три возвышения, похожие на большие курганы, остатки бастионов. Теперь вся площадь бывшей крепости покрыта огородами и хозяйственными постройками крестьян. Только посредине укрепления сохранились остатки фундамента старой церкви, по которому можно установить, что при церкви был еще с южной стороны маленький придел.

По церковной летописи, первая церковь в пригороде Алексеевске во имя Владимирской Божией Матери с приделом Алексея человека Божия была построена в 1706 году. Эта церковь сгорела в конце XVIII века от большого пожара, случившегося в селе. По устным рассказам стариков (относится к 1867 году) вскоре после пожара был поставлен другой деревянный храм, тоже с приделом во имя Алексея человека Божия, простоял до 1916 года, ког-

да был продан, а иконостас и утварь перенесены в существующий ныне храм (Церковн. летопись).

Иконостас старого храма, перенесенный в новую церковь, был несколько надстроен и поновлен, иконостас в приделе остался без переделок. По описи 1867 года иконостас был в четыре ряда: 1 – местные иконы с серебро-позлащенными венцами, 2 – праздники, 3 – апостолы, 4 – пророки, на верху был поставлен Животворящих Крест. Иконостас в приделе в один ярус по характеру работы сходен с иконостасом главного храма.

Из замечательных предметов необходимо отметить: местные иконы – Богоматерь с младенцем (типа Страстной) и Николая чудотворца; у левого клироса – образ Казанской Божией Матери в ризе и бисерном с камнями убрусе и образ Сергия Радонеж. и Варлаама Хутынского.

По церковной летописи 1867 года, в приход Алексеевска в конце XVIII века входили деревни – Смышляевка, Сырейка, Золинка.

Священники;

в 1706 г. – Василий Павлов,

в 1782 г. – Макарий Лукин,

в 1801-1814 г. – Никита Лукин (брат первого),

до 1828 г. – Степан Вельский (сын Макария Лукина),

до 1844 г. – Григорий Степанов.

В конце XVIII века от Алексеевска начиналась Новая Закамская черта, начатая строением в 1732 году. Отсюда она шла на Красный Яр, затем, вдоль реки Сок, к пригороду Сергиевску, здесь поворачивала к северу до Черемшанской крепости и далее к Кичуйскому фельдшанцу. Но уже вскоре Новая Закамская линия, после основания Оренбурга и линии крепостей по реке Самарка, потеряла свое значение. По словам Рычкова, Новая Закамская линия была оставлена "с тем резонем, якобы строение ее подало причину башкирцам к беспутным и высокомерным о себе рассуждениям" (Топогр., 312 стр.).

В этих несколько неясных словах Рычков выразил мысль о перемене русской политики на юго-востоке, которая от охраны границ и медленного укрепления и заселения окраин, в царствование Анны Ивановны, переходит в решительное наступление на востоке и в короткое время присоединяет к России обширный

Оренбургский край. Во второй половине XVIII века Новая Закам. линия уже давно оставлена, и даже следы ее, по словам Палласа, "уже нарочито заросли" (Паллас, 296 стр.).

Между тем, по характеру постройки Новая Закамская линия вполне подходит к укреплениям кон. XVII века и строилась гораздо основательнее, чем, хотя бы, крепости Самарской линии, от которых в большинстве случаев не осталось никаких следов.

Это подтверждает и Рычков, говоря что Новая Закамская линия была ведена "многим государственным коштом" (Топогр., 312). Следы линии ясно сохранились и до нашего времени. Линия начинается в 1/2 версте от Алексеевска, от реки Кинеля, редутом (см. рисунок); далее она идет сплошной линией, пересекая пахотные поля, и состоит из рва и невысокого вала.

Такой же характер линия носит и в другом месте у села Черновки, она тянется вдоль реки Сок и издали напоминает железнодорожную насыпь.

Храмозданная грамота на строение церкви в пригороде Алексеевске Самарского уезда

Божию милостию великий господин преосвященнейший Тихон митрополит Казанский и Свияжский, в нынешнем 1706 году июня в 9 день указе великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца в наш казенной Приказ за рукою господина Кудрявцова писано: в нынешнем 1706 году по ево Великаго Государя указу строитца город именоване ему Алексеевской, вверх по реке Самаре на Кинельском во имя Матери Божией Владимирской, понеже тот город строитца в тезоименитство благороднейшаго Государя нашего Цесаревича Великаго Князя Алексея Петровича всея Великия и Малыя и Белыя России, и о строении же той церкви о даче благословенной грамоты учинить по вашему преосвященнейшаго митрополита указу и по вышеписанному Великаго Государя указу.

И мы великий господин преосвященнейший Тихон митрополит Казанский и Свияжский благословили и повелели в том ново-построенном городе Алексеевском на Кинельском устье построить вновь церковь Божию во имя Пресвятыя Богородицы Владимир-

ская да в пределе Алексея человека Божия, и о строении тоя церкви и предела дати нашу архиерейскую благословенную грамоту, почему та церковь и предел строити.

И в начале на основании тоя церкви и предела быти иерею, крест водрузити и молебен пети и святою водою кропити и вся строити по чину, как о том напечатано в новом исправном большем требнике.

И строити та церковь и предел по чину правильного и уставного законоположения, как о сем правила и уставы церковны повелевают, о едином или о трех или о пяти главах, а шатровой церкви отнюдь бы не строити. И чтоб у тоя церкви олтари были пространны и светлы с прирубленными пятистенными стенами, престолы учинить о четырех столбцах, а запрестольные образы поставить близь престола, чтоб во время иерейского служения иерею в каждом между престола и горняго места пройти было свободно, а во святой олтарь из церкви учинить трои двери: царския, северныя, южныя; пред западными дверями учинить паперть, а в начале по правой стране царских дверей поставить образ Вседержителя Спаса з благословящею рукою, возле Спасова образа поставить прочая образы: на левой стране царских дверей поставить образ настоящего храма Пресвятыя Богородицы Владимирския и прочия святые образы, по чину; такожде и вверху в иконостасе поставить образы, по чину же.

А предел во имя Алексея человека Божия построить за церковною стеною на северной стране, и вход учинить с западных стран с паперти, а в том пределе на правой стране царских дверей поставить образ Вседержителя Спаса з благословящею рукою, возле Спасова образа поставить образ Алексея человека Божия; на левой стране поставить образ Пресвятыя Богородицы и прочая образы поставить по чину; и все учинити в пределе, как и в настоящей большой церкви.

И к той церкви иерею с причетники церковная земля и сennie покосы по указу ж Великаго Государя. И прежде того церковнаго строения под тою новопостроенную церковь отвести под кладбище и попу с причетники под селидбу длиннику и поперешнику по осьмидесяти сажень. А пашенную землю и сennie покосы в церковные земли отвести сверх того усады вблизи нижних местех сряду,

а не врознь, а притом тую землю написать в церковные земли и обмежевать. А как под тою церковь и под кладбище и под селидбу и пашенная земля и сенные покосы отведено будет, о том нам преосвященнейшему митрополиту для ведома отписать.

И как церковь и предел совершены и со всем церковным украшением ко священию изготовлены и к той церкви иерею с причетники церковная земля и сенные покосы по указу Великаго Государя справлены и под тою новопостроенную церковь под кладбище и попу с причетники под селидбу земли длиннику и поперешнику по осьмидесяти сажень отведено будет, и о том нам преосвященнейшему митрополиту учинить ведомо, и по вашему указу о освящении той церкви указ и освященный антиминс послан будет. А буде та церковь построена не против нашего вышеописаннаго указу, или образы той церкви освященным не быть, потому что противно правильному законоположению и церковному уставу, (а что от того церковнаго строения останется лесу и щеп и тот лес скласть особь никому того лесу на строение мирских домов не выдавать, кроме церковнаго строения, а щепы отдать просфорнице и велеть теми щепами топить печь, в которой просфоры печет, и все учинить по вышеписанному нашему архиерейскому указу.

Писано в нашем митрополии доме при кафедральном храме Благовещения Пресвятые Владычице наша Богородицы и Приснодевы Марии в 1706 году в 9 день июня месяц).

На последней странице подлинной грамоты в конце подписано: С сим указом тонул ночью священник Василий Павлов в Соку реке в 1107* году, апреля в 9 день.

Что в скобках, то за утратою в подлиннике писано с копии. Примеч. Орфография названной грамоты воспроизведена буквально в копии. Священник пригорода Алексеевска К.Левин.

(Грамота сохранилась только в копии половины XIX века, сделанной весьма неисправно с подлинника и другой более ранней копии. Неисправность, может быть, объясняется плохой сохранностью подлинника, испорченного водою, см. выше приписку к грамоте).

* Ошибка, правильно 1707.

II. Богдановка

Вскоре после проведения Самарской линии крепостей вся местность к северу от реки Самарки, по рекам Кинелю, Соку и Кондурче стала быстро заселяться. Довольно рано по Кинелю были поселены ландмилицкие слободы, о которых уже упоминает Рычков в своей Топографии (317 стр.). Одна из них была выстроена в излучине Кинеля, верстах в 25 выше впадения его в р. Самарку, и получила от своего местоположения наименование Кривой Луки. В непосредственной близости от Кривой Луки стали возникать и другие, пока еще незначительные поселения Богдановка, Гвардейцы, Алакаевка.

Богдановка, по сказанию церковной летописи (1867 г.), была основана в 1748 году на земле, купленной у башкирского князя капитаном Александром Моисеевичем Богдановым. Отец его Моисей Александрович Богданов принадлежал к числу видных деятелей только что заселявшегося Оренбургского края. Полковник К. Шарап в доношении коллегии Иностранных дел о положении в Ставрополе в 1744 г. упоминает о "купчине" Моисее Богданове, указывая, что Оренбургский губернатор И. И. Неплюев, наоборот, отозвался о Богданове, как о человеке "о торгах и купечестве сведомом", дал ему чин комиссара и подчинил ему пошлинных сборщиков (В. В. Витевский, Неплюев и Оренбургский край, Казань, 1897, Вып. II. 53 и 568 стр.). Моисей Богданов был еще жив в 1759 году; о нем с большой похвалой упоминает Рычков, называя его "любопытным читателем книг, мужем довольного искусства и вероятия" (Топ., 316 стр.).

По церковной летописи первоначальный поселок состоял всего только из 10 дворов, переведенных из Симбирского уезда, из д. Бирючевки. К 1765 году в Богдановке числилось уже 20 дворов, как указывалось в храмовданной грамоте села Кривой Луки, на которую ссылается церковная летопись.

В 1788 году, как видно из объяснения, данного помещицею вдовою Пелагеей Глебовной Богдановой Ставропольскому Правлению, по случаю отказа священнику в руге, приселено к Богдановскому приходу из разных мест до 100 душ. В духовной росписи

за 1781 г. значится в приходе 210 душ муж. пола. До 1829 года село принадлежало помещикам Богдановым, а потом досталось Екатерине Александровне Богдановой, по мужу Путиловой. По смерти Дмитрия Азарьевича Путилова Богдановка поступила во владение дочери его, по мужу Чарыковой, и в роде Чарыковых оставалась до последнего времени. Богдановский приход возник в 1774 году, когда здесь был поставлен деревянный, однопрестольный храм во имя Казанской Божией Матери, построенный помещиком капитаном Александром Моисеевым на собственное иждивение. До этого времени Богдановка тянула приходом к Красноярской крепости, а с 1765 года к Кривой Луке. Первый Богдановский храм был освящен в 1780 году и просуществовал без перемен до 1829 года, когда был продан за 5.000 р. ассигнациями в с. Новую Бинарадку (Ставропольского уезда). На месте прежнего храма в 1867 году построенная небольшая часовня в стиле шатровых церквей, над могилами прежних владельцев поместья, Богдановых и Путиловых.

Помещица Екатерина Александровна Путилова, исполняя желание своего умершего брата Моисея Александровича Богданова, с 1828 года, на новом месте, начала постройку нового каменного храма, который и был освящен 5 июня 1822 года (Церк. лет. 1867 г.).

О построении храма гласит висящая и теперь в храме доска, на которой золотыми буквами изображена следующая надпись:

"По благодати Всемогущего Спаса, святыи храм сей в честь иконы Казанския Божия Матери, заложен 1823 года, майя в 7 день, благословением Преосвященнейшаго Амвросия Архиепископа Казанскаго и Симбирскаго, и освящен 1828 года, июня в 5 день, преосвященнейшим Филаретом, архиепископом Казанским и Симбирским, в благополучное царствование Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича, иждивением и тщанием помещицы титулярной советницы Екатерины Александровны Путиловой, урожденной Богдановой, по предложению покойного брата ея надворнаго советника Моисея Александровича Богданова и по избранному им проекту, назначеннаго академика Коринфскаго".

В 1857 году храм сгорел от худых труб сторожки, но в 1858-1859 гг. был возобновлен в том же виде, в каком был до пожара:

только, вместо деревянного купола над главным алтарем и наката для хор, где находится церковь св. Екатерины, сделаны каменные своды. Возобновление обошлось до 7.000 р. и сделано было на кошельковые суммы и пожертвования помещика Дм. Аз. Путилова. (Церк. лет.)

Храм выстроен в стиле Александровского ампира, по плану круглый с тремя выступами, один из которых служит алтарем, а в двух других помещаются ризница и придел во имя преп. Моисея Мурина, освященный в 1857 году. Внутри храма иконостас в виде высокой арки на колоннах, сделанных под мрамор. Царские двери из шести колонок с резными капителями, в середине врат вызолоченная чаша в терновом венце. По бокам царских врат, на колоннах, в резных золоченых драпировках: с правой стороны Образ Нерукотворенного Спаса, дл. 8 вершков, работы академика Егорова, в серебряной ризе с вызолоченным венцом; с левой Владимир. Божией Матери, список с явленного образа (см. далее). Местные иконы на холсте (4 арш. длины. 1 арш. 9 вершк. ширины) Александра Невского и мч. Пелагии, изображенных в царских горностаевых мантиях, на северных вратах праотец Аарон, на южных пр. Мельхиседек.

На столбе направо от алтаря образ Владимирской Божией Матери (выш. 7(1/2) в. шир. 6(1/2), в бисерном убрусе, чтим издавно, как явленный. В церковной летописи записано следующее сказание об этом образе:

Образ явился при ключе на горе Каинской села Никулина Сызранского уезда. Помещица Пелагея Глебовна Никулина, вышедшая в замужество за капитана Александра Моисеевича Богданова, увезла образ в д. Алакаевку. В Алакаевке для образа была построена часовая, и народ по слухам о чудотворении стал собираться к 23 июня на поклонение. В настоящее время от часовни в Алакаевке сохранился только фундамент. В 1774 году образ был перенесен в Богдановку. По освидетельствованию образа оказалось: "писан по холсту наклеен на дерева, работы греческой; дерево довольно гнилое имеет вид дерева долго лежавшего в воде; видимо, для прочности на эту доску была наклеена другая доска, тоже красноватого вида. Надпись на образе чернилами – 43."

На хорах устроен придел во имя муч. Екатерины, который зимой служит, как теплая церковь; в одном из выступов храма – придел пр. Моисея Мурина. Необычное для сельских церквей великолепие Богдановского храма настолько поражало крестьян, что среди них сложилась легенда, будто бы строитель его был после постройки сослан за то, что осмелился в селе построить храм, достойный столицы.

Священники

1779-1823 – Яков Денисов,

1824-1838 – Егор Васильев,

1838-1884 – Дм. Як. Титов.

III. Zubovka

Село Zubovka находится в 140 верстах к северу от Самары, в самом дальнем углу Самарского уезда, где сходятся границы Чистопольского, Бугульминского и Бугурусланского уездов.

В храмозданной грамоте 1747 года (см. приложение) Zubovka названа вновь поселенной деревней лейб-гвардии поручика Николая Васильевича Зубова. Откуда были приведены крестьяне, в грамоте не указано, но из других источников известно, что Александру Николаевичу (сыну Николая В-ча) принадлежало поместье и в Симбирской губернии (д. Тюркен Симбирского уезда, см. Г.Р.Державин. Сочинения, СПб. 1869, т.V, 68-69 стр.). Вероятно, именно в этом Симбирском поместье воспитывались сыновья Александра Николаевича, будущие баловни счастья, Платон и Валерьян Зубовы. Державин, вспоминая о своей служебной деятельности во времена Пугачевщины, замечает, что Платон Зубов тогда "был малолетен бегал с своим семейством туда и сюда, от Пугачева укрываясь" (Сочин. VI, 610-611).

Храмозданная грамота села Zubovki рисует уже картину относительно населенности этого уголка тогдашнего Оренбургского края. Необходимость постройки церкви мотивируется тем, что ближайший приход – в Сергиевске, за пятьдесят верст, а в соседней деревне Токмакле "многие новокрещенные мордва живущие по близости имеются". Далее перечисляются 8 деревень, которые

тянут к Зубовскому приходу, из них 6 русских (Загряжская, Толузакова, Сосновка, Чистовка, Кротовка, Ермоловка) и 2 деревни новокрещенские (Токмакла и Шентала). Во всех этих поселениях было 286 дворов.

Значительно большее число русских поселений над инородческими (6 из 8-ми) не должно еще считаться прямым указанием на перевес русской колонизации над местными или пришлыми инородцами. И в настоящее время северная часть Самарского уезда поражает чрезвычайной пестротой своего племенного состава. На небольшом расстоянии здесь перемещались, по крайней мере, семь разных народностей: русские, украинцы, татары, чуваша, мордва, немцы, эстонцы, причем только немцы и эстонцы поселились здесь с половины XIX столетия. На племенной состав жителей верховья Черемшана обратил внимание и академик Лепехин, проехавший в 1768 году вверх по Черемшану, от устья до Черемшанской крепости. "Жители – замечает Лепехин – по сей реке разного происхождения. К устью ее есть Русския поселения, а от Мелекеса даже до вершин все пространство, выключая Черемшанскую крепость, занимают новокрещенские мордва, чуваша, кызылбаши" (Лепехин, Дневн. Записки. СПб., 1795 г. 2 изд., Ч. 1-я, 137 стр.).

Зубовка расположена на открытой возвышенности, в четырех верстах от р. Кондурчи. К южной стороне села примыкает небольшой парк, где стоит барский дом, окруженный деревьями. Этот дом теперь приспособлен под школу второй ступени и мало чем напоминает прежнее помещичье гнездо. Впрочем, по рассказам старожилов дом стоит пустым с 1905 года, после аграрных волнений, когда последний зубовский помещик Марков перевел свою резиденцию на винокуренный завод на реке Кондурче. Только в парке внимательный взор найдет некоторые намеки на затеи прежних владельцев, искусственный холмик, беседки из акаций и каменные ступени, спускающиеся к маленькому пруду.

Посередине села, разделенные оврагом, стоят две церкви: новая – каменная и старинная – деревянная. Деревянная церковь во имя архангела Михаила, как значится в церковных описях, построена в 1799 году графиней Натальей Александровной Зубовой, урожденной Суворовой-Рымникской, дочерью знаменитого полководца.

Церковь по плану крестообразная: центральная часть ее четверик, к которому с запада и востока прирублены трапеzia и алтарь, а с севера и юга трехстенные срубы. Над центральным четвериком поставлен восьмерик, крытый восьмигранным железным куполом, над которым возвышается новый маленький восьмерик, увенчанный куполом и крестом. Церковь освещается окнами только в нижнем этаже, потому что купол глухой и отделен от низа потолком, отчего внутри церковь кажется низкой и темноватой. С западной стороны сени, с 2 крыльцами на обе стороны, соединяют церковь с колокольной в три яруса, оканчивающейся куполом и шпилем. Внутри церкви достоин внимания резной иконостас, современный храму. Теперь церковь находится на краю гибели и угрожает обвалом.

По словам старожилов, раньше в селе была еще другая деревянная церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы; она сгорела лет тридцать тому назад, и на месте пожара за парком стоит теперь часовня. Успенская церковь во всем походила на Архангельскую с тем только отличием, что свет в ней падал из купола. Отличие это вполне понятно, так как церковь Архангела Михаила была зимней, а Успенская летней.

Новая каменная церковь выстроена в стиле шатровых церквей XVII века. При церкви большое собрание церковных книг, изданных в Елизаветинскую и Екатерининскую эпоху. В церковном архиве хранятся подробные описи Архангельской и сгоревшей Успенской церкви, исповедальные и церковные ведомости. Церковная летопись, к сожалению, утеряна, а метрические книги с начала XIX века переданы в местный волостной Исполком.

Храмозданная грамота села Зубовки

Божию милостию преосвященный Лука епископ Казанский и Свияжский, минувшаго 1746 года, апреля 22 дня, в поданном нам, преосвященному епископу, лейб гвардии порутчика Николая Васильева сына Зубова служителя ево Стеффана Петрова челобитье объявлено:

Имеется де онаго господина ево вновь поселенная деревня Зубовка, которая состоит от пригорода Сергиевска разстоянием в пя-

тидесяти верстах в степи, а ныне де оной едине ево по всеусердному ево ему тщанию желает в той д[е]р[е]вне построить вновь церк[о]вь Б[о]жию деревянную во имя Успения прес[вя]тыя Б[о]городи[цы] с пределом Архистратига Б[о]жиа Михаила, понеже де за неимением в близости состоящих к той деревне сел и кроме объявленного пригорода Сергиевска и в случающихся по закону христианскому паракисиных требах бывает немалое препятствие*. А в тоя де деревне крестьянских пяддесят дворов, а о челобитье и построении оной ц[е]ркви объявил проситель данное ему от Г[о]с[по]д[и]на ево позовительное письмо, с котораго к делу принята копия, и просил чтоб де повелено было о построении в той деревне Zubовке вновь церкви Б[о]жиа и предела дать позволение, а означенного ж 746 года, июля 23-го дня, представлением тайнаго советника ковалера и Оренбургской губернии губернатора, Ивана Ивановича Неплюева с приложением притом из присланных от Ставропольской канцелярии докладных пунктов копии, требовано о построении по близости к новокрещенской мордовской д[е]р[е]вне Токмакле в предреченной порутчика Zubова вновь поселенной д[е]р[е]вне ц[е]ркви, х которо (!) де многие новокрещенные, мордва, живущие по близости, имеюся; и вместо того, чтоб в реченной новокрещенской д[е]р[е]вне Токмакле церковь строить, то де оною цер[к]воию, ежели дозволено будет в той ево порутчика Zubова д[е]р[е]вне построить, они новокрещены довольны будут. А октября 19 дня сего Ставрополской протопоп и духовных дел правитель Андрей Чубовской на посланной к нему из духовной нашей консистории учинении надлежащаго о том ц[е]рк[о]вном строении, в силе состоявшихся указов, освидетельствования указах, доношением представил по усмотрению де ево во оной деревне Zubовке церкви быть надлежит для того, что де к той д[е]р[е]вне многие поблиску, как русские, так и новокрещенские д[е]р[е]вни имеются, как по сообщенной при доношении Ставрополской канцелярии, которая о построении оной же ц[е]ркви требование имела ж ведомости, так и по доношению предписаннаго протопопа Чубовскаго показано подлежащих к той ц[е]ркви в приход русских и новокрещенских восемь деревень, а имянно, новокрещенские – Токмакла, Шентала;

* Видимо ошибка, правильно препятствие.

русские – Загрязская, Толузакова, Сосновка, Чистовка, Кротовка, Ермоловка, в них з деревнею Зубовкою обывателских двести во-семдесят шесть дворов. А она де церк[о]вь потребным на расходы состоять будет из доходов собираемых от помянутых прихожан, и что принадлежит до строения той церкви, и удовольствия оной святыми образами, книгами, сосудами и ризами, оное все исправ-лять подписками в Ставрополской канцелярии обязались те при-хоженя, вышписанныхъ д[е]р[е]в[е]нь жители, из своего кошту, яко то по доволному числу, как выше значит дворов, и исправить нетрудно. А священно и церковно служители пропитание иметь будут от пашни ибо де им при означенной д[е]р[е]вне, где назна-чено быть церкви, определено по силе писцового наказу отвести пахотные земли и сенные покосы, а сверх того от случившихся мирских треб от прихожан доход получать имеют.

И мы преос[вя]щенный епископ, по об[ъ]явленному вышере-ченного порутчика Зубова прошению и по показанным тайнаго со-ветника г[о]сподина Неплюева и Ставрополской канцелярии Анд-рея Чубовскаго о бытии в помянутой деревне Зубовке ц[е]ркви представлением, благословили и повелели в той деревне Зубовке вновь церковь Б[о]жию и предел с вышеписанные именовании за-ложить, по надлежащему церковному чиноположению правильно в присутствии иереа, и строить тое церковь и предел как с[вя]тыми правила и церковным чиноположением определено, без всякия прременности, по совершения ж оной с[вя]тоя церкви и преде-ла, престолы учинить о четырех столпцах, по силе определени-ях [Свя]тешаго Правительствующаго Синода, в вышину арши-на шести вершков и со д[о]скою, в длину аршина осми вершков, в ширину аршина четырех вершков, и в прочем той церкви и пре-дела строения, яко же и благолепном с[вя]тых икон постановлении и подлежащим церковном украшении и в должном всего церков-наго круга книгами, сосудами, и с[вя]щеннослужителскими обла-чениями неоскудном довольствии учинять, как правила с[вя]тых апостол и с[вя]тых отец и Ея Императорского Величества указы повелевают во всем непременно.

Писася суя благословенная грамота в царственном граде Ка-зани, при храме Благовещения Прес[вя]тыя Б[огоро]д[и]цы, при нашей архиерейская кафедре, лета 1747, ноемвриа в 2 день.

Смиренний Лука еп[и]ск[о]п Казанский (подпись). Пошлины по указу взяты и в книгу записаны. (К грамоте, написанной на нескольких сшитых вместе листах, была приложена печать красного воска, теперь несохранившаяся.)

*Впервые опубликовано:
Известия Самарского государственного университета.
Вып.5. – Самара, 1923. – 2. Научный отдел. – С.1-12*

М.Н.Тихомиров

Самара в половине XVII в.

Самара относится к числу самых древних русских городов Среднего и Нижнего Поволжья¹. Основание ее восходит к концу XVI в., примерно к 1586 г. Но первоначальная история Самары XVII и даже XVIII в. мало разработана. Это объясняется, конечно, небольшим количеством источников, которыми мы располагаем для истории Поволжья.

И эти источники использованы не до конца. К числу таких источников, уже известных, хотя и не вполне использованных, принадлежит переписная книга города Самары и его уезда 7154 (1646) г. На основании этой книги Перетяткович² дал картину Самары XVII в., общий итог количества дворов и населения. Однако этим наш памятник не исчерпывается, что позволяет мне дать несколько более полную картину города Самары в 1646 г.

Переписная книга Самары и Самарского уезда хранится в бывшем Московском архиве Министерства юстиции, в описании она значится под №2431 (К. 6468)³. Перепись дворов была сделана по приказу из Москвы: "Велено Миките Зюзину да подячему Луке Пантелееву ехать на Самару и в Самарской уезд". На основании этого распоряжения писцы "по именам переписали и пересмотрели сами всех налицо", сперва город, а затем уезд. В результате было составлено описание Самары, под названием: "Самарского города на посаде и в слободах жилецкие и бобыльские дворы, а во дворах людей по имяном с отцы и с прозвищи"⁴. Всего в книге описание города и уезда занимает лл.4об.-67.

Как мы видим, описаны были посад и слободы, но из слобод указана только одна Болдырская слобода; про нее говорится так: "Посадцкие же люди живут своими дворами за острогом в Болдырской слободе"⁵. Слова "за острогом" надо, по-видимому, понимать в том смысле, что Болдырская слобода находилась вне городских укреплений. В этом смысле с указанием переписной книги интересно сравнить рассказ купца Ф.Я.Котова, проезжавшего около времени составления переписной книги, в 1623 г., мимо Сама-

ры: "Город Самара стоит на луговой стороне, от Волги песок залег, а город стар, рубленой, низок, и острог по тому же городовому месту. А под городом река Самара течет из степи, устье под городом пало в Волгу, по нижнюю сторону города, а над рекою бани, а посадки и ряды в городе, а около степь"⁶. Объяснить противоречие между словами Котова "посады и ряды в городе" и переписной книгой, помещающей Болдырскую слободу "за острогом", я не берусь. Отмечу только, что в этой Болдырской слободе жило много стрельцов и духовенства.

Всего в городе Самаре, по переписной книге, было 137 дворов, из них 81 двор стоял на посаде. Населения в этих дворах, по моим подсчетам, было 356 человек мужского пола. Этот итог расходится с итогом переписной книги, где показано 317 человек⁷. Разница зависит от того, что в подсчет переписчиков не вошли стрельцы и, может быть, духовенство, хотя некоторые стрелецкие дворы, в которых жили посадские люди, занесены в книгу.

Но и общий итог в 356 человек мужского пола надо признать неточным, в него не включены военные силы, стоявшие в городе и довольно значительные по числу. О них можно судить по указаниям переписной книги на владельцев дворов, где жили посадские люди. Среди этих дворов были дворы, принадлежавшие и конным стрельцам, юртовскому казаку, стрелецкому пятидесятнику и сыну боярскому Андрею Аламцееву⁸.

Связь между посадским населением и стрельцами была очень тесной. В семи дворах у посадских людей показаны родственники, находящиеся в стрельцах (сыновья, братья, пасынки). Очень многие из посадских людей жили у стрельцов в соседях, значит, не имели собственных дворов. Таких посадских людей с их семьями я насчитал 14 дворов, причем большинство этих дворов (9) находилось в Болдырской слободе⁹. В той же слободе стояли еще 3 двора, принадлежавшие отставленному пушкарю и двум отставленным, т.е. отставным, стрельцам.

Близость к границе сказывается также на населении. Часть несвободных людей, живущих в городе, несомненно, брала начало от плененных татар и чувашей. Например, на одном посадском дворе показаны: "дворовых два ч[e]л[о]в[е]к[и]... родом нагайченки",

в другом живет "купленной ч[е]л[о]в[е]к родом татарченек". В дворе одного из троицких попов живет дворовой человек, он "женат на купленной ево (попа. – М.Т) жонке на татарке на Манке". Еще интереснее описание двора братьев Щелкиных, у них живут два купленных татарчонка Микитка и Андрюшка, да у них живет еще Кирюшка, "родом чувашенин, а крепости у них на того Кирюшку никакие нет, да у них же живет в закладе в четырнадцати рублях чувашенин самарского уезду Яндрюенко Вырустаев".

Очень любопытны сведения переписной книги о происхождении некоторых посадских людей. В свое время Перетяткович отметил, что состав населения Самары может отчасти указывать нам на посредственное значение города для верхового и низового Поволжья; среди посадского населения Самары попадаются иногда такие прозвища, как "Чебоксаренин", "Казанец" и "Черноярец"¹⁰. Не знаю, откуда взял Перетяткович последнее прозвище "Чебоксарец"*; в переписных книгах я его не нашел. Зато там есть еще и другие прозвища. Больше всего указано – казанцев (3), затем следуют: чебоксаряне (2), лысковцы (2), переяславец (1), володимирец (1), царицынец (1), вятченин (1), торопченин (1), рязанец (1), нижегородец (1), вязниковец (1).

Всего в 15 дворах (из 157) посадские люди имеют прозвища, указывающие на происхождение их владельцев, количество, столь незначительное, что не позволяет делать каких-либо выводов о большой или малой подвижности населения, посредственном или непосредственном значении Самары для Верхнего или Нижнего Поволжья.

Интересны еще сведения о дворах духовенства, находящихся в Болдырской слободе. Здесь указаны дворы двух троицких попов, троицкого дьячка и пономаря. Здесь же были дворы двух николевских попов, дьякона и пономаря. Таким образом подтверждается предание о древности Троицкой церкви и о том, что соборным храмом "была деревянная Троицкая церковь с пределом Николая Чудотворца". Надо только думать, что первоначальная церковь Николая Чудотворца была отдельным храмом. Исследователи местом старинной Троицкой церкви определяют крутой берег реки

* Описка Тихомирова, правильно "Черноярец".

Самарки между бывшими домами Журавлева и хлебными амбарами. Не здесь ли помещалась и Болдырская слобода?

В той же слободе упомянут конюшенный двор "Самарскова Преображенского монастыря", о существовании которого достоверно известно с 1631 г. Кроме того, там же были монастырские дворы Нижегородского Благовещенского монастыря и Московского Чудова монастыря¹¹.

Примечания

¹ Со своей стороны мы можем пополнить сообщение М.Н.Тихомирова теми сведениями, которые приводятся в имеющейся у вас ненапечатанной работе А.А.Гераклитова, саратовского исследователя, посвященной также XVII в. (*П.А.Преображенский*).

² Перетяткович, Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерк из истории колонизации края) / Г. Перетяткович. – Одесса, 1882.

³ Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ (Материалы архива Министерства юстиции). – Кн.1. – СПб., 1869. – С.248.

⁴ РГАДА. – Ф.1209. Поместный приказ. – Кн. 6468. – Л.4об.

⁵ Там же. – Л.15об.

⁶ Петровский, Н.М. Новый список путешествия Ф.Я.Котова / Н.М. Петровский // ИОРЯС (Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук). – Т.XV. – Кн.4. – 1910. – С. 291-292 (знаки препинания расставлены мною. – М.Т.).

⁷ Ср. у Перетятковича Г. Указ. соч. – С.229. – Прим 1.

⁸ Стрельцы делились на сотни, и таких сотен (может быть, далеко не по 100 человек) на Самаре считалось до четырех. Стрелецкая служба была тяжелая: служили они "в гребле рабочими на веслах и в провожатых под всякими людьми" по Волге, а также "ездили в Москву со всякими делами и отписками". Были "юртовые" казаки, вышедшие с Яика (Урала) из тамошних угодьев – "юртов" на жительство в Самару. С 1675 г. среди служилых людей показываются какие-то "иноземцы". (П.П.)

⁹ Посадские люди служили при кабаке и при таможне и отвечали за доходы этих учреждений. Упоминается также "пропуск с Яика рыбного и икряного промыслу", которым занимались некоторые самаряне. (П.П.)

¹⁰ Перетяткович, Г. Указ. соч. – С.229.

¹¹ Самарскому Преображенскому монастырю как-то посчастливилось получить обширную вотчину на другом берегу Волги с селами Рождественским и Ильинским под Лысою Горой (Подгорным). С 1648 г. монастырь с вотчинами передан был во владение патриарху и в его лице

получил могущественного покровителя. Потом уже монастырю отведены были рыбные ловли по Самаре-реке до реки Кинеля. Упоминается и женский Преображенский монастырь в Самаре. Возможно, что он находился в подчинении у мужского монастыря. В старину это бывало нередко. (П.П.)

*Публикуется по изданию:
Тихомиров М.Н. Российское государство XV-XVII веков.
М., 1973. – С.285-288*.*

* В свою очередь, в этот сборник статья М.Н.Тихомирова была взята из изданного в Самаре Обществом археологии, истории, этнографии и естествознания сборника "Материалы по изучению Самарского края" (Вып. 5. – 1928. – С. 11-13. Комментарии к статье были даны редактором "Материалов..." П.А.Преображенским (далее П.П.).

1.4. ИССЛЕДОВАНИЯ О САМАРСКОМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ М.Н.ТИХОМИРОВА

Е.Л.Храмкова

**М.Н.Тихомиров в Самаре
в 1919-1923 гг.**

Самарский период занимает особое место в жизни академика Михаила Николаевича Тихомирова. Документы, сохранившиеся в фондах Государственного архива Самарской области, свидетельствуют о его напряженной и плодотворной работе в крае, об интересном окружении, оказавшем большое влияние на становление М.Н.Тихомирова как историка.

Пребывание в Самаре в 1919-1923 гг. для М.Н.Тихомирова было примечательно тем, что здесь он практически завершил свое образование как историк-краевед и источниковед на Археологических (Высших этнологическо-археологических) курсах. Курсы при Самарском государственном университете (СГУ) были основаны в 1920 г. Они готовили "работников-практиков, преимущественно для работ по изучению края"¹. Впервые фамилия историка встречается в списке

слушателей от 6 октября 1920 г. Протокол заседания Совета Археологических курсов свидетельствует, что он был единогласно выбран в члены Совета курсов, причем с правом решающего голоса. На курсах работали: академик В.Н.Перетц (председатель курсов), профессора В.П.Адрианова (секретарь курсов), С.Д.Балухатый, А.С.Башкиров², В.В.Гольмстен³, Н.А.Архангельский⁴, П.А.Преображенский⁵ и другие.

Михаил Николаевич начинает работать в СГУ с февраля 1921 г.⁶ В 1921-1922 гг. он преподавал на социально-экономическом и литературно-этнографическом отделениях социально-исторического факультета⁷. Осенью 1922 г. социально-исторический факультет был преобразован в педагогический. В 1922-1923 гг. М.Н.Тихомиров работал на словесно-историческом отделении педфака на кафедре русской истории ассистентом палеографии. На протяжении 1921-1923 гг. он вел в СГУ практические занятия по палеографии и читал специальный курс "Чтение древнерусских актов XV-XVII вв."⁸ В 1921-1922 гг. он также преподавал курс "Древнерусская культура" на Высших этнолого-археологических курсах, причем безвозмездно⁹.

Учебную и преподавательскую деятельность М.Н.Тихомиров удачно сочетал с работой в научных обществах при СГУ. Членом историко-филологического общества он был избран 5 марта 1922 г.¹⁰ Избранию предшествовало чтение доклада "Князь Юрий Иванович Дмитровский (к истории отношений между великими и удельными князьями)" на заседании общества 5 февраля 1922 г. Сохранился краткий конспект доклада, написанный рукой М.Н.Тихомирова¹¹. Как известно, оригинал рукописи "Князь Юрий Дмитровский" хранится в Дмитровском краеведческом музее (рукопись датирована 20 февраля 1922 г.)¹². Сопоставив обе даты, можно утверждать, что рукопись была составлена на основе доклада.

Много и увлеченно работал историк в Обществе археологии, истории и этнографии при СГУ (ОАИЭ). В обществе он исполнял обязанности библиотекаря и научного сотрудника Библиографической и Исторической комиссий. Сохранилось в подлиннике заявление М.Н.Тихомирова, датированное 2 февраля 1920 г., на имя Председателя ОАИЭ с просьбой принять его в число сотрудников

общества. На заявлении указан и адрес М.Н.Тихомирова: "Самара, Самарская, д.176, кв.1". На обороте можно прочесть: "При этом сообщаю о себе краткие сведения. Родился в 1893 г. В 1917 г. окончил историко-филологический факультет Московского Университета. Все время работал по истории России и по древнерусскому искусству. Представил кандидатское сочинение на тему: "Псковская Смута", написанное по документам бывшего Посольского Приказа (Арх. Мин. Ин. Д.). В 1917 г. заведовал музеем родного края в г.Дмитрове. С 1919 г. работаю в Самаре как уезд. инстр. по библ. делу"¹³. Восьмого (по другим документам шестого) февраля он был избран в действительные члены ОАИЭ¹⁴.

Сохранилось подлинное удостоверение М.Н.Тихомирова, что он является библиотекарем ОАИЭ¹⁵. Из документов следует, что он приложил много усилий для сбора книг в Самарской губернии, для спасения знаменитых книжных собраний Самары, например, библиотеки Пустошкиных¹⁶. Сохранилось несколько копий удостоверений, выданных ему от имени ОАИЭ, для командировок в Москву и Петроград с целью приобретения научных пособий и литературы¹⁷. В 1923 г. более чем 6000 книжное собрание библиотеки общества пополнилось рукописями и старопечатными книгами, вывезенными М.Н.Тихомировым из иргизских старообрядческих монастырей¹⁸. В фонде Самарского научного краеведческого общества находится тетрадь в черном переплете, заполненная М.Н.Тихомировым. На втором листе его рукой написано: "Описание книг церковной печати библиотеки Общества Археологии, Истории и Этнографии при Самарском Гос. Университете"¹⁹. На этом же листе указана дата: "Самара – 1923 год". В тетради содержится описание не менее 123 книг, большинство из которых относится к XVII-XVIII вв. Среди них: Минеи служебные (начало XVII в.), Псалтирь с воследованием (1640 г.), Пролог (1642 г.), Четвероевангелие (прим. 1575 г.) и другие.

В литературе уже упоминалось об участии историка в спасении архива семьи Аксаковых²⁰. Хотелось бы добавить следующее. Заведующим Аксаковской комнатой он стал осенью 1920 г. Весной 1921 г. председатель ОАИЭ профессор А.С.Башкиров направил М.Н.Тихомирова в село Языково к внучке С.Т.Аксакова О.Г.Аксаковой с предложением передать архив семьи на хранение

в ОАИЭ²¹, так как имелись серьезные опасения за его целостность. В июле 1921 г. архив при активном участии М.Н.Тихомирова был перевезен в Самару. Копия протокола конференции ОАИЭ от 18 декабря 1921 г. свидетельствует, что М.Н.Тихомирову удалось вывезти 59 предметов, принадлежащих роду Аксаковых и т.д. Исключительную ценность представлял архив семьи: переписка И.С.Аксакова с видными деятелями XIX в.; письма К.С. и И.С.Аксаковых родителям, друзьям; черновые рукописи К.С. и И.С.Аксаковых²². На протяжении лета 1921 г. – осени 1923 г. М.Н.Тихомиров кропотливо работал над описанием архива²³, успел описать более половины документов, но вследствие отъезда сначала М.Н.Тихомирова, а потом профессора В.С.Спиридонова работа по описанию архива затормозилась.

Протоколы конференций ОАИЭ, удостоверения и мандаты М.Н.Тихомирова, хранящиеся в фонде Самарского научного краеведческого общества, свидетельствуют о его деятельности в Библиографической комиссии ОАИЭ²⁴. Комиссию возглавлял профессор СГУ С.Д.Балухатый (1893-1945) – единственный крупный тогда в Самарской губернии библиограф и знаток библиотековедения²⁵. В Самаре он также работал в области старообрядческой и сектантской литературы. Сергей Дмитриевич преподавал в университете и на Археологических курсах книговедение и библиотековедение. Им был составлен план библиографических работ, в которых принимал активное участие М.Н.Тихомиров. Это учет литературы по Самарскому краю, выемка на карточки всех статей по краеведению, составление по этим карточкам систематического и алфавитного каталогов. Научным сотрудником Библиографической комиссии М.Н.Тихомиров стал 10 ноября 1920 г.²⁶ После отъезда С.Д.Балухатого в Петроградский университет он стал председателем Библиографической комиссии²⁷. Будучи на этом посту, в 1923 г. М.Н.Тихомиров вместе с профессором В.В.Гольмстен пытался спасти от разрушения церковь бывшей Ольгинской Общины Красного Креста²⁸.

Научным сотрудником Исторической комиссии М.Н.Тихомиров стал 1 декабря 1920 г.²⁹. Ее возглавил активный деятель самарского краеведения князь С.А.Хованский (1883-1941), известный специалист по архивоведению³⁰. В планы Исторической комис-

сии входило обследование колонизации края, Закамских линий, Иргизских монастырей. В 1921-1923 гг. М.Н.Тихомиров объездил Самарский край, собирая материалы по истории колонизации Самарской губернии. В 1922 г. на конференции ОАИЭ он сделал доклад на тему "К истории колонизации Самарского края".

История спасения М.Н.Тихомировым рукописных и книжных сокровищ Иргизских монастырей и скитов в целом известна³¹. Уточним следующее. Сохранился протокол заседания Совета при Самарском уполномоченном Главархива в канцелярии архивного фонда в Самаре от 29 сентября 1919 г., на котором присутствовал М.Н.Тихомиров³². На заседании выступил известный историк и краевед Н.А.Архангельский с докладом "История возникновения раскольников монастырей на Иргизе". М.Н.Тихомиров активно участвовал в обсуждении доклада. В феврале 1921 г. председатель ОАИЭ профессор А.С.Башкиров получил мандат от Отдела научных библиотек РСФСР на обследование старообрядческих монастырей и скитов на территории Самарской губернии с правом передачи его кому-либо из членов общества³³, который, по-видимому, был передан М.Н.Тихомирову. Дважды, 28 января и 1 сентября 1923 г., на научных конференциях ОАИЭ он делал доклад на тему "Рукописи Иргизских монастырей"³⁴.

Сохранились документы, содержащие сведения о крайне бедственном материальном положении историка в Самаре³⁵. Это было обусловлено чрезвычайно тяжелым материальным состоянием СГУ и ОАИЭ. В 1921 г. университет вообще был снят с государственного обеспечения³⁶. Сохранились платежные списки ОАИЭ, в частности, за 1921 г., с подписями М.Н.Тихомирова за полученные суммы³⁷. Жалованье он получал как библиотекарь и научный сотрудник Библиографической и Исторической комиссий. В университете практически не платили.

В фондах Государственного архива Самарской области находятся документы, позволяющие кратко охарактеризовать окружение М.Н.Тихомирова в его самарский период жизни. В 1919-1923 гг. он испытал влияние, по крайней мере, двух групп ученых. В первую входили крупные столичные ученые В.Н.Перетц, А.П.Баранников³⁸, С.Д.Балухатый, С.Я.Лурье³⁹, А.С.Башкиров, А.С.Щеглова,

В.В.Гольмстен, В.П.Адрианова, П.Ф.Преображенский⁴⁰ и другие. Вторую группу составляли местные историки, краеведы, художники: П.А.Преображенский, Ф.Т.Яковлева, С.А.Хованский, П.Н.Ефимов⁴¹. Разные по уровню образования, по степени известности в научных кругах России, все эти люди отличались интеллигентностью, благородством, разносторонностью дарований и широтой интересов, любовью к археографическим, источниковедческим, краеведческим изысканиям, стремлением всячески помочь Самарской провинции. Еще в те далекие годы они понимали, что всякая "...культурная работа, при которой мы стоим, – в особенности... нуждается в преемстве. Надо чувствовать за собою предшественников, делавших первые шаги по тому пути, на который мы вступили. Это дает утешительную надежду, что и наши труды не останутся без продолжателей"⁴². М.Н.Тихомиров удачно вписался в этот круг подвижников, "не брезгающих черной работой", как сказал однажды академик В.Н.Перетц.

Осенью 1923 г. М.Н.Тихомиров покинул Самару. Причина отъезда была проста: летом 1923 г. СГУ постановил самоликвидироваться⁴³. В этом году постепенно ослабевает и историко-краеведческая работа в ОАИЭ.

Примечания

¹ Государственный архив Самарской области (ГАСО). – Ф. Р-558. – Оп.1. – Д.49. – Л.2.

² Башкиров Алексей Степанович в период пребывания М.Н.Тихомирова являлся Председателем ОАИЭ, профессором Самарского государственного университета, Археологических курсов; специалист в области теории и истории искусства.

³ Гольмстен Вера Владимировна (1880-1942) – профессор СГУ, известный археолог. В 1919-1930 гг. организовала десять археологических экспедиций по Самарской губернии от ОАИЭ.

⁴ Архангельский Николай Александрович (1875-?) – историк, этнограф, краевед, археолог, член ОАИЭ, преподаватель Высших этнолого-археологических курсов.

⁵ Преображенский Павел Александрович (1858-1942) – историк, краевед. До революции 1917 г. преподавал в Самарской Духовной семинарии и частной женской гимназии А.А.Хардиной. Член Самарской гу-

бернской ученой комиссии. В 1919-х гг. – профессор СГУ, автор целого ряда краеведческих исследований. Первый товарищ председателя ОАИЭ, затем председатель Общества.

⁶ ГАСО. – Ф.Р-28. – Оп.1. – Д.663. – Л.13; Д.692. – Л.18.

⁷ Там же. Известия Самарского гос. университета. – Самара, 1922. – Вып.3. Офиц. отдел. – С.11, 75, 77.

⁸ ГАСО. – Ф.Р-28. – Оп.1. – Д.672. – Л.692. – Л.7; Ф.673. – Оп.1. – Д.26. – Л.2, 3; Известия Самарского гос. ун-та. – Самара, 1923. – Вып.5. Офиц. отдел. – С.8-9.

⁹ ГАСО. – Ф.Р-558. – Оп.1. – Д.49. – Л.2,4.

¹⁰ Там же. – Ф.673. – Оп.1. – Д.102. – Л.17.

¹¹ Там же. – Л.15-16.

¹² Тихомиров, М.Н. Российское государство XV-XVII веков / М.Н. Тихомиров. – М., 1973. – С.373.

¹³ ГАСО. – Ф.Р-558. – Оп.1. – Д.18. – Л.12.

¹⁴ Там же. – Д.15. – Л.1; Д.21. – Л.6.

¹⁵ Там же. – Д.58. – Л.16.

¹⁶ Там же. – Л.7.

¹⁷ Там же. – Л.24.

¹⁸ Там же. – Д.49. – Л.4.

¹⁹ Там же. – Д.81.

²⁰ См.: Чистякова, Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893-1965) / Е.В. Чистякова. – М., 1987. – С.18 и др.

²¹ ГАСО. – Ф.Р-558. – Оп.1. – Д.48. – Л.24, 27.

²² Там же. – Д.46. – Л.13.

²³ Там же. – Д.49. – Л.4.

²⁴ Там же. – Д.64. – Л.4.

²⁵ Там же. – Д.40. – Л.9.

²⁶ Там же. – Д.13. – Л.37.

²⁷ Там же. – Д.64. – Л.2.

²⁸ Там же. – Д.78. – Л.39.

²⁹ Там же. – Д.59. – Л.48.

³⁰ Там же. – Д.40. – Л.9.

³¹ См.: Известия Самарского гос. ун-та. – Самара, 1923. – Вып. 5. – С.1-12.

³² ГАСО. – Ф.Р-558. – Оп.1. – Д.13. – Л.35.

³³ Там же. – Д.58. – Л.139-142.

³⁴ Там же. – Д.64. – Л.5; Д.74. – Л.34, 35.

³⁵ Там же. – Д.40. – Л.24; Д.78. – Л.1, 2, 6, 26, 27 и др.

³⁶ Там же. – Д.16. – Л.33.

³⁷ Там же. – Д.59. – Л.10, 16, 17, 19, 21, 28, 30, 38, 40, 43, 44, 48, 65, 70, 73.

³⁸ Баранников Алексей Петрович (1890-1952) – филолог, академик АН СССР, профессор СГУ.

³⁹ Лурье Соломон Яковлевич (1890-1964) – историк античности, филолог, доктор исторических и филологических наук. Профессор Самарского, Ленинградского и Львовского университетов.

⁴⁰ Преображенский Петр Федорович (1894-1941) – историк античности, этнограф, специалист по истории России конца XIX – начала XX вв. Профессор Самарского (1919-1921) и Московского (1921-1937) университетов.

⁴¹ Ефимов Павел Николаевич – секретарь ОАИЭ.

⁴² ГАСО. – Ф.Р-558. – Оп.1. – Д.74. – Л.23.

⁴³ Тем не менее деятельность Самарского университета продолжалась до 1927 г.

М.Т.Белявский, А.Г.Сукаев

Новые материалы о М.Н.Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области

Михаилом Николаевичем Тихомировым написано много самых различных по тематике, форме и задачам книг и статей. Много написано и о нем, его разносторонней научной и преподавательской деятельности, роли в становлении и развитии советской исторической науки. Но о его жизни и деятельности в первые пять лет после окончания Московского университета почти ничего или ничего неизвестно, кроме того, что он жил в Дмитрове и Самаре, где написал первые свои работы по истории этих городов. Поэтому несомненный интерес представляют обнаруженные весной 1975 г. в Куйбышевском государственном архиве¹ материалы самого Тихомирова и материалы о нем.

Из них в первую очередь следует назвать рукопись М.Н. Тихомирова, которая составляет сейчас архивное дело в фонде Самарского научно-краеведческого общества. Это дело на 78 листах сохранило название, которое дал рукописи М.Н.Тихомиров в 1920 г.²

Составление "Описания рукописей Криволуцкого Воскресенского монастыря" относится ко времени, когда М.Н.Тихомиров, работая уездным инструктором библиотечного дела, выполнял огромную по значению работу по выявлению и спасению памятников древнерусской письменности в Заволжье и Приуралье, архива С.Т.Аксакова и других архивов. Данное "Описание" не является ни научным исследованием, ни всесторонним археографическим описанием рукописей. Такой характер "Описания" определяется условиями работы, ограниченностью времени и задачей выявить то, что представляет наибольшую ценность и должно быть сохранено в первую очередь.

В "Описании" значатся 72 рукописи, но на самом деле их 71, так как в одном месте нумерация спутана. Самая древняя рукопись относится к XV в., а позднейшая – ко второй четверти XIX в.

Состав и характер "Описания" определяются как происхождением данного собрания рукописей, так и принадлежностью его одному из крупнейших старообрядческих Иргизских монастырей. В составе собрания: 4 различных сборника, 4 сборника житий святых, 4 Октоиха певчих, 4 рукописи Праздников певчих, 3 Триоди цветных, 3 Трезвона певчих, 3 Минеи служебных, 3 рукописи Ответов Ивана Пешехонова в разных редакциях, 2 Евангелия, 2 Псалтыри толковые, 2 Цветника, 2 Синодика, 2 Требника, 2 Канонника, 2 "Старчества", 2 Лествицы Иоанна Синайского, 2 Службы Тихвинской иконе богородицы; по одной рукописи: Сборник летописный, "Вопросы и ответы Никодима Стародубского", Златоуст, Октоих, Пандекты Никона Черногорца, Тактикон Никона Черногорского и Слова Исаака Сирина, Обиход певческий, Апостол, Часослов, Церковный устав, выписки из Церковного устава, Стоглав, "Альфа и Омега", Азбука демественного роспева, "Слова Исаака Сирина о молчании и безмолвии". Все рукописи сохранили в архивном деле тот номер, который им дал М.Н.Тихомиров при составлении "Описания". Этот номер мы и будем указывать, говоря о той или иной рукописи.

Тихомировское описание можно назвать первичным. С одной стороны, описаны в первую очередь внешние признаки и особенности рукописи – количество листов, состав, ее палеография, записи на чистых листах. С другой стороны, "Описание" совершенно отчетливо показывает интересы молодого ученого. Так, М.Н.Тихомиров особое внимание уделял датировке рукописей на основе совокупности палеографических данных: особенностей почерка, написания отдельных букв, количества и характера сокращений, выносных букв, использования и замены юсов и т.д. Однако одни рукописи, главным образом в первой части "Описания", описаны весьма подробно (как правило, это 3-4, а то и 6-7 страниц текста); во второй же части "Описания" характеристика рукописей становится все более краткой (подчас занимая 3-4 строки). В какой-то степени это также свидетельствует о весьма ограниченном времени, имевшемся в распоряжении ученого.

Составляя "Описание", М.Н.Тихомиров отметил, что 18 рукописей написаны на "синей" или "синеватой" бумаге³, что бумага

рукописей имеет водяные знаки: "единорог, арбалет, ваза, буква Р с раздвоенной оконечностью и рука в рукавчике" (рукопись №1), "ваза с одной ручкой" (№4, 10, 11), "бычья голова служит подножием кресту" и "тиары, бычья голова" (№5), "водяной знак герба" (№6), "Нептун с трезубцем и ладьей" (№7), "герб города Амстердама" (№9), "ваза с двумя ручками" (№13), "неразборчивый знак" (№12)⁴. Правда, ни характерные черты бумаги, ни водяные знаки не использованы для датировки рукописей.

Можно выделить еще несколько особенностей "Описания". В большинстве случаев оно содержит указания на состав рукописи, особенно там, где речь идет о летописных, житийных и других сборниках. Иногда эти указания весьма подробны.

Особое внимание обращается на записи, сделанные на вклеенных листах, на полях, в конце рукописей их владельцами, "передатчиками" или другими лицами⁵, записи воспроизводятся целиком. Эта особенность "Описания" получила продолжение и развитие в последующей научно-исследовательской работе М.Н.Тихомирова с памятниками древнерусской письменности.

Не менее примечательны и указания в ряде случаев на то, что данная рукопись или ее часть были в свое время напечатаны, а также на степень соответствия рукописного текста печатному изданию⁶.

При изучении тихомировского "Описания рукописей Криволучского Воскресенского монастыря" нельзя не обратить внимания на то, что некоторые из рукописей отмечены особыми знаками – звездочкой (чернилами) и галочкой (карандашом). При этом все номера, отмеченные звездочкой, отмечены и галочкой. На первой странице "Описания" указано: "Звездочка отмечает рукописи, вывезенные в Самару". Но что отмечает галочка? Где находятся рукописи, отмеченные звездочкой? Какова судьба остальных рукописей?

В пользу предположения, что рукописи, отмеченные галочкой (их в "Описании" десять), также вывезены в Самару, говорит и сам М.Н.Тихомиров, который в своих воспоминаниях рассказал о трех своих поездках в Иргизские монастыри и привозе оттуда древних рукописей⁷. То же подкреплялось и списком рукописей

Иргизских монастырей и Саровской пустыни, хранящихся в рукописном отделе Куйбышевской областной библиотеки, опубликованном в 1958 г. С.Я.Наживиной⁸. Конечно, сам по себе тот факт, что многие названия из 38 иргизских рукописей, значащихся в списке С.Я.Наживиной, совпадали с названиями рукописей в тихомировском "Описании", еще ничего не доказывает. Но изучение рукописей, хранящихся в Куйбышевской библиотеке, позволило установить, что 8 рукописей из списка С.Я.Наживиной являются рукописями из Криволуцкого монастыря, описанными М.Н.Тихомировым. Кроме того, в списке Наживиной оказалось пропущенным хранящееся там Евангелие XVI в., описанное М.Н.Тихомировым. Все же другие рукописи, названия которых совпадают с названиями в тихомировском "Описании", не совпадают с ними по составу, количеству листов, времени написания и другим признакам.

Таким образом, из десяти рукописей, отмеченных в тихомировском "Описании" галочкой, девять хранятся в Куйбышевской библиотеке. В их число входят и все три книги, отмеченные звездочкой. Неясной остается лишь судьба рукописи №20 – "Сборника", написанного скорописью XVIII в., на 465 листах в четверть, основное содержание которого составляют выписки из старообрядческого Цветника, статей о деле патриарха Никона, "разоблачения на епископа Питирима и несогласников", выписок из Толкового Апokalипсиса и других более мелких выписок.

Перейдем непосредственно к характеристике рукописей Криволуцкого монастыря, описанных в 1920 г. М.Н.Тихомировым, привезенных им в Самару и ныне хранящихся в Куйбышевской библиотеке.

Рукопись №1. Сборник, в большой лист, написанный полууставом начала XVI в., на 511 листах, включающий 104 слова Ефрема Сирина, входящие, как отмечалось выше, в московское издание 1652 г. В "Описании" отмечен галочкой. Номер по каталогу библиотеки – 306206.

Рукопись №4. Евангелие, в лист, написанное полууставом середины XVI в., на 317 листах. Отмечено звездочкой и галочкой. № 306322⁹.

Рукопись №9. Сборник житий святых, в лист, на бумаге, с водяным знаком герба Амстердама, написан скорописью начала XVIII в., на 523 листах + 7 листов чистых. В сборник включены жития Пафнутия Боровского, "Евфросина нового чудотворца", царевны Ирины, мученика Христофора, Епифания Кипрского, Леонтия Ростовского, Симеона Столпника, игуменьи Ефросинии, Федора Стратилата, Кирилла Белозерского, пустынника Ануфрия, Петра Афонского, Марка Афинейского, Григория мниха, Иоанна Крестителя, мученицы Февронии, апостолов Петра и Павла; "Слово воспоминательное о святых чудотворцах в России возсиявших, яко о святости жития, тако и о преславных чудесах их..."; "слова" Иоанна Златоуста, Нила Синайского; сказания о Тихвинской иконе Богоматери и нерукотворном образе Спаса. Отмечено звездочкой и галочкой. №306209.

Рукопись №19. Сборник, в лист, на 353 листах полууставом первой четверти XVII в. Отмечен галочкой. №306223¹⁰.

Рукопись №35. Сборник летописный, в четверку, на 170 листах, конца XVIII века. Отмечен галочкой. №306222¹¹.

Рукопись №67. Трезвоны певчие крюковые, в осьмушку, на 10+90+547 листах, написана полууставом конца XVII – начала XVIII в. С записью полууставом XVIII в. на первом листе. Отмечена галочкой. №305197. В составе рукописи русские службы Никите Переяславскому, Сергию Радонежскому, Алексею митрополиту, Александру Невскому, кн. Георгию, Макарию Желтоводскому, Петру и Февронии Муромским, Иоасафу Каменскому, кн. Федору Смоленскому, Варлааму Хутынскому, князьям Борису и Глебу, царевичу Димитрию, Кириллу Белозерскому, Зосиме и Савватию, Василию и Константину Ярославским, иконам Знамения, Владимирской Богоматери, ризе Господней.

Рукопись №68. Евангелие, в осьмушку, на 256 листах, мелким полууставом XV в. с золотыми заставками и с медными бляхами на переплете. Отмечена галочкой. №306199.

Рукопись №70. Синодик, в лист, на 95 листах, полууставом конца XVIII – начала XIX в. Отмечен галочкой. №306203¹².

Мы охарактеризовали сохранившиеся рукописи Криволуцкого монастыря, полвека тому назад описанные и спасенные

М.Н.Тихомировым. Следует заметить, что они пока еще не были предметом изучения историков; остается неизвестной и судьба остальных 63 рукописей этого собрания. Учитывая данные обстоятельства, а также возрастание интереса к памятникам русской письменности и составу отдельных собраний, рукописей, вероятно, было бы целесообразно опубликовать тихомировское описание и снабдить им соответствующие научные учреждения и рукописные отделы крупнейших библиотек. Думается, это могла бы взять на себя Археографическая комиссия, возрожденная к жизни М.Н.Тихомировым, который и сам, как это теперь очевидно, начал свою научную деятельность на ниве археографии.

Описание рукописей Криволуцкого монастыря является не единственным документом М.Н.Тихомирова в Куйбышевском архиве. Кроме него, в фондах Общества археологии, истории и этнографии и Самарского университета обнаружено несколько документов о деятельности М.Н.Тихомирова в самарский период его жизни. Хотя эти документы невелики, в какой-то степени случайны и отрывочны, они представляют значительный интерес.

Первый из этих документов — заявление М.Н.Тихомирова о приеме его в "число сотрудников" Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете от 2 июня 1920 г. На обороте заявления он приводит "краткие сведения о себе", представляющие несомненный интерес.

Так, говоря об учебе в Московском университете, М.И.Тихомиров пишет: "Все время работал по истории России и русскому искусству"¹³. Выделенная нами вторая часть ответа несколько неожиданна. Хотя ученый много и плодотворно занимался изучением истории русской культуры, но, пожалуй, это первый и единственный раз, когда он указал ее в качестве основного направления своей работы.

"Краткие сведения" содержат также точное определение его должности: "С 1919 г. работаю в Самаре как уездный инструктор по библиотечному делу". Данный ответ уточняет другие документы — "Индивидуальную анкету" из личного дела М.Н.Тихомирова в Самарском университете и написанную им 20 декабря 1920 г. краткую автобиографию¹⁴. В первом документе он говорит о том,

что работал "заведующим библиотечной секцией Уездн. Отд. нар. образования", а затем "библиотекарем Общества археологии, истории и этнографии", а во втором уточняет время начала первой из этих работ – февраль 1919 г.

"Индивидуальная анкета" позволяет уточнить и характер его работы в Самарском университете. В декабре 1920 г. он занимал должность ассистента по кафедре палеографии и вел практические занятия по славянорусской палеографии на литературно-художественном отделении университета. Кроме того, на социально-экономическом отделении того же университета он читал курс "Древнерусские акты XV-XVII вв.", а на Высших археологических курсах – курс "Древнерусские грамоты XV-XVII вв." Весьма показательно, что в графе "специальность" "Индивидуальной анкеты" М.Н.Тихомиров написал: "Русская история и палеография". Таким образом, палеография, интерес к которой так ярко проявился в последние десятилетия жизни ученого, занимала его внимание с первых лет преподавательской работы.

Как видим, и темы практических занятий и курсов, читавшихся молодым ученым в Самарском университете в 1920 г., тесно связаны с теми курсами, которые он читал в 40-50-х годах в МГУ, с его докладами, статьями, публикациями и монографиями 40-60-х годов. О такой же связи можно говорить и в отношении тем его исследований. Отвечая на вопрос анкеты "Разработкой какого научного вопроса заняты в настоящее время", М.Н.Тихомиров ответил: "История Пскова в XVII в." И кто, читая этот ответ, не вспомнит его монографии "Псковское восстание 1650 года", сыгравшей такую важную роль в изучении истории классовой борьбы и истории русского города¹⁵.

Не менее показателен и ответ на вопрос о том, что у него "находится в периоде лабораторной работы", – "Очерки истории Дмитровского края". Ответ, за которым встают тихомировские работы по Дмитрову, опубликованные им в 1925-1928 гг.¹⁶ Наконец, последний документ из этой группы – рекомендации, данные М.Н.Тихомирову профессором С.А.Щегловой и академиком В.Н.Перетцем при его зачислении в штат Самарского университета по кафедре палеографии в декабре 1920 г. Проф. С.А.Щеглова

написала, что он "на археологических курсах прекрасно сдал мне зачет по палеографии". Рекомендация академика В.Н.Перетца несколько подробнее:

"Знаю М.Н.Тихомирова второй год. Под моим руководством он занимался славянской палеографией и русской археографией. Очень начитан. Имеет большую любовь к русским древностям. Получил хорошую школу в Московском университете и обещает быть хорошим академическим работником. Акад. Перетц"¹⁷.

Академик В.Н.Перетц не ошибся в своем предвидении относительно будущего М.Н.Тихомирова, и тот всю жизнь с уважением и любовью вспоминал В.Н.Перетца, считая его одним из своих учителей.

Подводя итоги, можно сказать, что документы о жизни и деятельности М.Н.Тихомирова, обнаруженные в Куйбышевском архиве, касаются того периода его научной и преподавательской деятельности, о котором мало известно ученым. Думается, что продолжение работы по изучению фондов Самарского научно-краеведческого общества, Самарского университета и Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете приведет к новым находкам документов и материалов о жизни, преподавательской и научной деятельности одного из крупнейших советских историков.

Примечания

¹ В настоящее время Государственный архив Самарской области (далее ГАСО).

² ГАСО. – Ф. 558 (Самарское научно-краеведческое общество). – Оп. 1. – Д. 256. Тихомиров, М.Н. Описание рукописей Криволуцкого Воскресенского монастыря. – Л. 1-78.

³ Рукописи №8, 14-17, 24, 29, 31, 34, 36-38, 44, 59, 61, 70, 71.

⁴ Отмечены водяные знаки только первых тринадцати рукописей (правда, нет указаний в отношении рукописей №3 и 8).

⁵ В "Описании" воспроизведены записи на рукописях №4, 6, 7, 21, 23, 34, 46, 47, 50, 52, 53, 56, 58, 67.

⁶ В описании "Сборника" начала XVI в., заключающего в том числе "Слова" Ефрема Сирина (рук. №1), Тихомиров отмечает: "Всего 104 слова, последнее 104 слово об антихристе: состав тот же, что и в печат-

ном издании Московском 1652 г., только иная нумерация". В описании рукописи №2 им отмечено: "В Тактиконе 40 слов, во всем сходен с печатным Почаевским изданием 7303 года" (1795 г., рук. №109). Описание "Лествицы Иоанна Синайского" начала XVII в. завершается замечанием: "Сама Лествица начинается с л. 18, включает в себе до 30 слов (как и в московском издании, с л. 294 идут толкования на Лествицу)" (рук. №11).

⁷ Павлов-Сильванский, В.Б. М.Н.Тихомиров – организатор археографических экспедиций / В.Б. Павлов-Сильванский // Археографический ежегодник за 1970 год. – М., 1970. – С. 244-263.

⁸ Наживина, С.Я. Рукописи Иргизского монастыря и Саровской пустыни в собрании Куйбышевской областной библиотеки / С.Я. Наживина // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. XIV. – М.-Л., 1958.

⁹ Для того чтобы дать представление о характере тихомировского "Описания" в отношении некоторых из сохранившихся рукописей, приведем их полное описание: Евангелие. В лист; на 317 лл. с водяным знаком — ваза с одной ручкой, с заставками в красках ново-византийского орнамента, полууставом пол. XVI в. [употребление Ж]. Правописание русское [мена а и А, неправильно — на конце после гласных вм. па — а]. Переплет — доски в коже. По л. 9 запись скорописью: "Сию книгу святое евангелие тетр приложили в дом живоначальной троице к великому чудотворцу Николе в селе Казневе, а веру держит Сергей Иванов сын, да Аникита Купреянов, да Офонасей Федоров сын лета 7145 году декабря в 26 день на память собор пресвятыя богородицы и никому не продать, ни заложить, а кто станет по сей книге чести и за тех бога молить, родители их поминать от ныне и до века".

¹⁰ Полный текст Описания М.Н.Тихомирова: "Сборник. В лист, на 353 лл., полууставом перв. четв. XVII века, правописание русское. На 266 л. скорописью конца XVII века: "Лета 7197 сентября в 25 день на память преподобного отца нашего Сергия радонежского чудотворца". Л. 1. "Книга иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста патриарха [вязь] Константина града [следуют слова, входящие в Златоуст]". Л. 229. "Повесть от жития святых новых чудотворец муромских благоверного и преподобного и достохвальнаго князя Петра, нареченнаго во иноческом чину Давида и супруги его благоверныя и преподобныя и достохвальныя княгини Февронии во иноческом чину Еуфросинии. Богу отцу присносущному слову божию сыну..." Л. 240. "Месяца июля в 25 день житие и жизнь преподобнаго отца нашего Макария Желтоводскаго и Оунежскаго чудотворца. Сей же препребложенный отец наш Макарии... [из других статей]". Л. 338. "Повесть душеполезна о чудотворном образе

пречистые Богородицы, честного и славного ея Одегитрия иже в Новгородстей области в нарицаемой всей на Выдропуске во храме святого страстотерпца Георгия. Списано благоверным князем Георгием Звенигородским еже именуется такматов. Благослови отче. Страшна повесть и дивно чудо..." Л. 344 об. "Месяца мая в 15 день оубиение благоверного царевича Димитрея Московского и всея Руси и оуглицкаго чудотворца. Благослови отче. Сей благоверный царевич Димитрей..." Л. 349. "О явлении благоверного царевича Димитрия по оубиение явися старцу Тихону и отмищении крови. И еще не оудовлеет тому Борису..." Переплет – доски в коже, внутренние корки переплета оклеены бумагой, на которой скорописью первой половины XVIII в. – Сказание о Казанской иконе".

¹¹ Полный текст описания М.Н.Тихомирова: "Сборник летописный. В четв., на 14 н. н. +170 лл. со знаком, разными почерками XVIII в. Л. 3. перв. нум. – "Тропарь ко оумилению чудотворного образа пресвятыя Богородицы: глас 4". Л. 5 об. "Сказание известно отчасти чудес от образа пресвятыя Богородицы иже есть в церкви святыя Троицы и о зачале церкви. В лето мироздания (6702-1194) года..." Л. 11. перв. нум. – "Рождение преподобного и богоносного отца нашего Антония в Риме бе 6575 г. [Запись о житии Антония и предметах, оставшихся от него в монастыре, и судьбах монастыря, последняя запись от декабря 1731 г.]. Л. 15. "Выписано из истории Киевская зачало великому Новуграду [далее следует летописец преимущественно с новгородскими известиями, кончается 7182 (1674) годом]". Л. 118. "В лето 6506 году [сказание об образе св. Софии Новгородской]". Л. 120. "О святых великоновгородских епископ и о архиепископех и преподобных чудотворцах". Л. 144. "Сказание, что именуется София премудрость Божия". Л. 150. "[Такая же запись об Антонии Римляnine, как и на л. 11 перв. нум.]". Л. 153. "Во дни благочестиваго и великаго государя и царя и великаго князя Алексея Михайловича... [о знаменях при рождении Петра Великаго]". Л. 160. "Азбука скорописная". Л. 164. "Каким образом кому писать письма".

¹² Полный текст описания М.Н.Тихомирова: "Синодик. В лист; на 95 лл. синей бумаги (лл. 83-92 на белой), полууставом конца XVIII – нач. XIX в. Л. 1. "Каталог Нижняго Воскресенскаго Старообрядческаго монастыря коликое число и под каким номером по сему списку написаны присланные из разных городов и сел поминать преставившихся своих родственников за оупокой, о том значит ниже сего [следует помянник]". Л. 83. "Без начала, помянник патриарха Иова". Переплет – доски в коже".

¹³ ГАСО. – Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 18.

¹⁴ ГАСО. – Ф. 28 (Самарский университет). – Оп. 1. – Д. 949.

¹⁵ Тихомиров, М.Н. Псковское восстание 1650 года. Из истории классовой борьбы в русском городе XVII века / М.Н.Тихомиров. – М.-Л., 1935.

¹⁶ Тихомиров, М.Н. Город Дмитров / М.Н. Тихомиров // Труды Музея Дмитровского края. – Вып. 2. – Дмитров, 1925; он же. Население Дмитрова в XVII и начале XVIII века // Московский краевед. – 1927. – Вып. 1. – С.20-39; он же. Села и деревни Дмитровского края в XV-XVI веке // Московский край в его прошлом. – М., 1928. – С.5-34.

¹⁷ ГАСО. – Ф.28. – Оп. 1. – Дело М.Н. Тихомирова. – Д. 949.

П. А. А. ГЕРАКЛИТОВ
О САМАРСКОМ КРАЕ
В XVII В.

Ю.А.Кузнецова

Александр Александрович Гераклитов* **(материалы для биографии)**

В 1958 г. исполнилось 25 лет со дня смерти профессора Саратовского государственного университета и сотрудника Научной библиотеки на протяжении ряда лет А.А.Гераклитова.

Историк Саратовского края и основоположник научного изучения истории мордовского народа, он оставил заметный след и в русской палеографии в области изучения бумажных водяных знаков, а отсюда и датировки недатированных рукописей и первых печатных книг. Так, он первый высказал мысль, принятую в настоящее время наукой, о существовании анонимной типографии, деятельность которой предшествовала Ивану Федорову.

А.А.Гераклитов пришел к научной работе уже на склоне лет, но за 25 лет своей деятельности много успел сделать, оставив после себя 68 напечатанных работ и 17 – в рукописи, работ, не потерявших своего значения и в наше время.

Александр Александрович Гераклитов родился в 1867 г. в г. Камышине, где отец его занимал должность секретаря Городской Думы. Но уже в следующем 1868 г. семья переехала в Саратов, с которым и связана вся жизнь и работа А.А.Гераклитова.

Окончив гимназию, он в 1887 году поступил в Казанский университет на историко-филологический факультет и, видимо, с первых дней окунулся в революционную жизнь. Вероятно, за участие в студенческих волнениях в половине ноября того же года ректор предложил ему оставить стены университета. Гераклитову разрешили подать прошение об увольнении по "домашним обстоятельствам". В конце ноября он вернулся в Саратов. "Имелось в виду, – пишет А.А. в своей автобиографии в 1930 г., – через некоторое время, когда академическая жизнь войдет в обычную колею,

* От составителей. В статье Ю.А.Кузнецовой наиболее полно воспроизведена творческая биография А.А.Гераклитова. Поэтому мы приводим ее здесь целиком.

поступить в другой (Московский) университет, но жизнь сложилась иначе: болезнь матери и сестры, связанное с этим тяжелое материальное положение семьи вынудили в первую очередь думать о поддержке ее, о приискании хотя какого-нибудь заработка, а мечты об образовании отложить до лучшего будущего". В январе 1888 г. А.А. поступил в Саратовскую Казенную палату писцом II разряда и работал там 10 лет. Затем последовала служба на РУЖД и в Саратовском Губернском земстве. Работа в канцелярии тяготила А.А., и он искал из нее выход в чтении книг и самостоятельном изучении языков. За это время он овладел вполне французским, немецким, итальянским языками, разобрался и в английских текстах. Если прибавить к этому хорошее знание с гимназической скамьи латинского и греческого, получается неплохая база для научной работы. Скучного заработка едва хватало на жизнь, но тем не менее А.А. всегда находил средства для покупки и даже выписки из-за границы от букинистов особо полюбившейся ему книги XVI-XVIII вв. Приобретенная книга неизменно прочитывалась и оставлялась на полке, таким образом, собиралась несколько случайная по подбору, но ценная библиотека.

В начале 1908 г. А.А. случайно узнает о существовании в Саратове Ученой архивной комиссии и о возможности, не будучи специалистом, вступить в ее члены. "Узнал... что попасть в члены не составляет больших затруднений и что, кроме музея и архива, Комиссия обладает весьма богатой библиотекой, хотя и находящейся в беспорядке. Это-то обстоятельство меня больше всего, кажется, и подкупило. Написал заявление, передал его своему сослуживцу для вручения по принадлежности и со спокойным духом стал ждать своего избрания"¹.

Избрание состоялось, и А.А. вступил в действительные члены Комиссии.

Ученая архивная комиссия и явилась для А.А. своеобразным университетом. Здесь, среди ученых-любителей, далеко не всегда обладавших большими знаниями и эрудицией, но одушевленных интересом к познанию прошлого своей родины, А.А. с первых же дней почувствовал себя в родной обстановке.

Одновременно с избранием в члены общества Гераклитов был избран и на должность товарища библиотекаря. "Думается, – пишет он в своем дневнике 28/IV 1908 г., – не напрасно ли взялся я за это дело, так как при нашей проклятой службе времени совсем не остается.

Но теперь все же я добился того, что много раз сильно хотел: доступа в большую библиотеку. Ведь подумать только – 12.000 томов и я там хозяин. Все свое время буду отдавать библиотеке, приведению ее в порядок и составлению систематического каталога. Правда, работа черная и неблагодарная, но едва ли по своему развитию я многое могу сделать для разработки местной истории, а это все же послужит на общую пользу и даст мне удовлетворение"².

В заключительных словах сказалась большая скромность А.А. и свойственное ему критическое отношение к своим знаниям и способностям, проходящее через всю его научную деятельность. С первых же дней А.А. начал жить жизнью Архивной комиссии, регулярно посещая научные и организационные заседания ее, участвуя в археологических экскурсиях и раскопках, делая на заседаниях доклады и сообщения. К 1908 году относится и первое его научное выступление в печати, в "Саратовском Духовном вестнике": "Рукописное Евангелие музея Саратовской ученой архивной комиссии".

Для плодотворных работ на первых порах не хватало ни общих, ни специальных знаний, и А.А. немедленно садится за чтение, впитывая нужные ему знания из книг и от лиц, с которыми он встречался. Отныне все время, свободное от службы, он проводит на антресолях городской Публичной библиотеки³, где тогда ютилась Архивная комиссия, не имевшая собственного помещения. Ей же отдавались все воскресные и праздничные дни, которые с ранней весны и до поздней осени употреблялись на археологические экскурсии и раскопки. Всегда веселый и остроумный, порой насмешливый, умевший бросить меткое словечко, А.А. был незаменим в обществе.

В феврале 1909 года А.А. был избран на должность хранителя исторического архива Ученой архивной комиссии. Этот факт

явился решающим в жизни А.А. и навсегда определил его дальнейшие интересы и занятия. Продолжая всю жизнь живо интересоваться археологией и этнографией, А.А. работал только в области русской истории и тесно связанных с методами ее изучения вспомогательных дисциплин. Занятия в Архиве с местным краевым материалом невольно направили его интересы на изучение Саратовского края. Вначале он заинтересовался отдельными вопросами быта, впоследствии перешел к истории колонизации края.

Работа с первоисточником – архивным документом, необходимость его прочитать, понять и классифицировать, прежде чем составить опись, заставила А.А. заняться палеографией и архивоведением. В последнем помогала многолетняя канцелярская выучка. Длительное обращение со старой бумагой вызвало интерес к водяным знакам на бумаге как средству точной датировки документа. Разбираемые документы толкнули его и на изучение других отраслей вспомогательных исторических дисциплин – генеалогии, сфрагистики, геральдики и метрологии. Любовь к книге и писаному документу помогли укрепиться и развиться интересу к старой рукописной книге и ее имитации в XVI в. – старопечатной книге.

Позднее пришел интерес к истории мордвы. Он вырос из его работ по колонизации Саратовского края, в котором мордовский народ был перевозасельником.

Так понемногу вырабатывался и расширялся круг интересов этого ученого.

Получив в свое ведение около 12000 номеров архивных дел исторического Архива, А.А.Гераклитов за короткий срок работы в нем увеличил его размеры до 150000 единиц, груды свезенных из разных ведомств дел превратил в действительное хранилище исторических документов, которыми можно было без всякого труда пользоваться каждому. Эта работа по упорядочению архива неоднократно получала высокую оценку со стороны общего собрания членов СУАК⁴. Получила она признание и на съезде архивных деятелей в Петербурге в 1914 г. Именно благодаря ей Саратовская Ученая архивная комиссия получила на дальнейшее развертывание своей работы субсидию от Русского исторического общества

в 3000 руб. Помимо разбора архива по фондам, годам и делам, т. е. внешнего упорядочения его, к большей части архива были составлены лично А.А. или под его руководством подробные карточные описи, часть которых была впоследствии напечатана. При составлении их Гераклитов поставил себе неперенным условием, не доверяя заголовкам, заносить в опись название дела, только ознакомившись с содержанием его, и поэтому огромное количество дел в его описях носит измененный или даже совсем заново составленный заголовок. Часто, не довольствуясь этим, А.А.Гераклитов переводит свою опись в коротенькое описание. Так составлена им опись серии "Сенат" в 3825 номеров.

Несколько слабее вышла опись серии "Документов разных", напечатанная в 1910 году, но она была первой, на которой А.А. учился трудному делу каталогизации архивных фондов. Продолжение ее, вышедшее в 1916 г., показывает полную зрелость ученого в этом деле. Все напечатанные А.А. описи, кроме "Краткой описи Калачевского фонда", вышедшей в 1911 г., снабжены указателями, значительно облегчающими пользование ими, особенно богаты предметные указатели.

Одновременно с составлением и печатанием описей А.А. занят в этот период изучением разбираемого материала, результатом чего явились многочисленные доклады в заседаниях Архивной комиссии и опубликование некоторых из них в периодическом органе комиссии – "Трудах Саратов. Учен. арх. комиссии". Среди них в первую очередь надо отметить публикацию документов: Грамоты Кирило-Белозерского монастыря, Столбцы Исторического архива СУАК, Столбцы Радищевского музея, Коллекция Можайкина, фамильные бумаги Жуковых – материал, главным образом, XVI-XVII вв. Одновременно с изданиями столбцов появляются и его работы по истории местного края. Из них наибольший интерес представляют две, посвященные истории соляного дела в крае: "Очерки из жизни и быта эльтонских соляных ломщиков и возчиков XVIII в." и "Учреждение в Саратове Соляного комиссариата". Интересны по материалу и обзорная статья о "Пугачевских" материалах Астраханского губернского архива и целый ряд более мелких работ⁵. Все они касаются отдельных сторон или случаев мест-

ной политической и хозяйственной жизни, городского и частного быта.

Перу А.А.Гераклитова за тот же период принадлежит и ряд работ, основанных не на архивном или не только на архивном материале. Таковы его статьи: "К вопросу о начальной истории Спасо-Преображенского монастыря", "По поводу нахождения в Саратове каменного креста с надписью XVII в.", "По поводу записи 1682 г. на Прологе библиотеки Братства Святого креста в Саратове". Пользуясь разнообразным материалом, автор удачно пытается приоткрыть несколько страничек истории Саратова XVIII в. К этим же работам тесно примыкает и прекрасно выполненная небольшая работа "Где был построен Саратов в 1590 г." В ней в результате удачно использованной счастливой находки архивного материала и умело подобранного материала разного происхождения А.А. удалось убедительно показать первоначальное местоположение г. Саратова на правой стороне Волги в противоположность существовавшему до него мнению о возникновении города Саратова на левом берегу. Эта работа стоит на высоком методологическом уровне и является бесспорным доказательством научной зрелости автора.

Удачными были и публичные выступления Гераклитова на Всероссийских съездах: археологическом в Новгороде в 1911 г. и архивных деятелей в Петербурге в 1914 г., куда он был делегирован СУАК.

В 1917 г. после Октябрьской революции в Саратовском университете был организован историко-филологический факультет, в открытии которого так долго отказывало Саратову напуганное революцией царское правительство. Александр Александрович, который всю жизнь мечтал об университете, предпринимает шаги к поступлению в него на работу и, когда ему предлагают место библиотекаря историко-филологического факультета (1 декабря 1917 г.), немедленно соглашается. Библиотека только организовывалась, и ему предстояло разобрать груды национализированных книг, свезенных из разных мест в один из залов IV корпуса, расставить их на полки и составить каталоги. С присущей ему энергией и настойчивостью он взялся за дело, организовав около себя

актив из студенчества. Но уже в июне 1918 г. он оставил работу в библиотеке, так как был избран на кафедру русской истории младшим ассистентом с поручением вести занятия по палеографии. Так началась его преподавательская работа в вузе, продолжавшаяся 13 лет. В апреле 1919 года А.А. был избран штатным доцентом с поручением, помимо вспомогательных исторических дисциплин, читать лекции по истории Саратовского края. В октябре 1928 г. А.А. был утвержден профессором по кафедре мордовского языка и культуры.

В июне 1918 г. А.А. принял на себя обязанности уполномоченного Главного архивного управления по Саратовской губернии. Работу надо было начинать на пустом месте, т. е. подыскать помещение, организовать штат служащих, свезти и взять на учет огромное количество ведомственных архивов. Работа была проделана исключительно удачно.

Архивная деятельность А.А. не ограничилась только пределами города. В июле 1920 г. А.А. присоединился к организованной проф. Б.М.Соколовым этнографической экспедиции по Хвалынскому уезду, имея целью обследовать состояние волостных и церковных архивов. Обследование сопровождалось инструктажем лиц, коим по долгу службы приходилось соприкасаться или вести архив (секретари волисполкомов, делопроизводители и др.). С целью возбудить интерес к архивной работе со стороны местного общества А.А. был прочитан ряд лекций по истории Хвалынского уезда. Такая пропаганда архивного дела имела своим следствием организацию местных кружков по изучению родного края и собиранию остатков прошлого, письменных и вещественных.

Большая преподавательская деятельность в двух вузах⁶, которую А.А. считал основной, интересная работа, начатая в Отделе рукописей фундаментальной библиотеки университета, почти не оставляли времени ни для какой иной работы. Это заставило А.А. в 1921 г. сложить с себя заведование архивом, требовавшее большой организационной работы по собиранию архивов и упорядочению их.

Отныне все время А.А. отдавал университету.

В 1919 г. Правлением университета было поручено А.А. организовать Рукописный отдел Фундаментальной библиотеки. Дело в том, что в составе богатейших библиотек, поступивших в университет в 1918-1919 годах, – И.А.Шляпкина, П.Мальцева, братьев Барсуковых, Красного креста и др. – имелись довольно обширные рукописные коллекции. Разобрать их и описать и выпало на долю А.А.Герасимова.

Работа А.А. в Рукописном отделе библиотеки после его организации и устройства шла по двум направлениям: описание рукописей и изучение первенцев русской печати, которые были также переданы в этот отдел.

Данные им датировки недатированных рукописей, описание внешних и внутренних признаков их, определение редакции – далеко выходят за пределы формального описания, перерастая в отдельные случаи в небольшие исследования. Богатейшее собрание Мальцева, составленное в своей массе из рукописей XV, XVI и начала XVII в., оживило интерес А.А. к бумаге и бумажным водяным знакам, и он начинает работу над сборником филигранных из русских документов XVII в., мысль о котором зародилась у него еще в 1909 году. Всю работу по просмотру датированных старопечатных книг XVI в. мальцевского фонда и зарисовке филигранных А.А. провел лично в течение одной зимы. Последовательно просматривая страницу за страницей, он срисовывал подряд все филигранные, не доверяя кажущемуся сходству рисунка. Это помогло ему выявить различные варианты одноименной филигранны, установить ее эволюцию, высказать порой весьма обоснованную догадку о промежуточной, ему пока не известной форме филигранны. Результатом этой работы явился подготовленный к печати "Систематический сборник филигранных из русских документов XVII в. (Атлас рисунков, предваренных критическим разбором материала)" в 15 печатных листов⁷. Многолетняя работа с филигранями дала ему возможность провести ряд очень специальных и тонких наблюдений над ними, а также подвести некоторые общие итоги в филиграннографии. К этому времени относится ряд его заметок и статей, оставшихся, к сожалению, в рукописи: "Об одновременном употреблении на одной фабрике разных марок для метки бумаги",

"О метрическом способе отметки расположения *vergeures* и *ron-tusaux*", "О парных филиграниях", "Несколько замечаний по поводу одной датированной филигрании" и т. д.

Развивая наблюдения Н.П.Лихачева и В.Н.Щепкина над строением бумаги и филигрании, А.А.Гераклитов особенно настаивает на необходимости, ввиду крайней редкости и случайности полных совпадений знаков, проводить их типологическое изучение, рассмотрение данного типа в его целом и установление тех особенностей, которые свойственны ему в тот или иной период его существования. "Правда, пользуясь этим методом, – говорит Гераклитов, – при установлении даты нельзя говорить об определенных годах, а придется удовольствоваться в большинстве случаев десятилетием, но зато говорить с уверенностью, а не гадательно". Не подлежит сомнению, что по полноте и строгости метода его работы в области филигранографии до сих пор приходится считать единственными в русской литературе⁸.

В тесной связи с палеографическими интересами А.А. стоят его работы со старопечатными книгами. В этой области его внимание более всего привлекали книги, относящиеся к первым годам печатания, когда печатная книга сохраняла еще все признаки рукописи: уставной почерк, неравномерность строк, прекрасную связь, инициалы, заставки и т. д. При разборе полученных в составе мальцевской библиотеки старопечатных книг внимание Гераклитова привлекли три издания без выходных листов: Четвероевангелие, Триодь постная и Псалтырь, исследованием которых он занялся. Он подверг тщательному сравнительному изучению шрифты всех трех книг и установил тождество их: заставки в книгах исполнены в одном стиле, концовки и фигурные буквы напечатаны с одного клише, технические приемы печатания одни и те же для всех трех книг. Это привело его к выводу, что все три книги вышли из одной и той же типографии. Вкладные записи на книгах свидетельствуют о том, что эта типография существовала не позднее 1562 г. Тщательное изучение бумаги этих книг помогло уточнить датировку существования типографии и установить, что Евангелие и Псалтырь напечатаны в 1551-53 гг., а Триодь не позднее 1556 г.

На основании того, что бумага в книгах французского и немецкого происхождения, построены утверждения исследователя, что книги печатаны в Московском государстве. И, наконец, совершенство работ этой типографии, прекрасное качество бумаги, употребляемой на издание, привели его к убеждению, что хорошо оборудованная типография была предприятием не частным, а государственным. Вопрос о печатниках, работавших в ней, А.А.Гераклитов оставил, за отсутствием источников, открытым.

Так, сравнительное изучение шрифтов Евангелия, Псалтири и Триоди в связи с внимательным изучением бумаги, заставок, вкладных записей помогло А.А. установить и доказать существование в России книгопечатания задолго до выхода Федоровского Апостола 1564 года. Его работа на эту тему "Три издания XVI в. без выходных листов из библиотеки Саратовского университета (к вопросу о начале книгопечатания в Москве)", расширяя палеографические и книговедческие рамки, переходит в интереснейший этюд по общей истории культуры Москвы XVI века. Вопросу о начале Московского книгопечатания посвящены и другие статьи Гераклитова: "До питания про початок Московского друкарства" и "Четвероевангелия без выходу, поч. XVII ст.", напечатанные на Украине.

Преподавательская работа А.А. увеличивается с годами как по числу часов, так и по разнообразию курсов.

Он читает лекции и ведет занятия по вспомогательным историческим дисциплинам: русской палеографии, дипломатике, описанию рукописей, хронологии, русской допетровской сфрагистике и латинской палеографии. С 1918 г. ему поручают специальные курсы по истории Саратовского края с момента его заселения по XVIII в. включительно. Параллельно теоретическому курсу, он в течение двух лет вел семинарий со студентами-историками по разработке ревизских сказок III ревизии Завального и Узинских станов Пензенского уезда, сделав первый опыт использования этих богатых архивных материалов. Подлинные ревизские сказки, насколько мне известно, до сих пор никем из ученых не были привлечены для своих исследований. Использовались обычно сводные таблицы по губернии или уездам, но объем ревизских сказок,

очевидно, страшил исследователей своей величиной, и они оставляли их в стороне. А.А.Гераклитов в своем семинарии сделал первый опыт освоения этого материала⁹.

Для выборки цифрового материала была разработана статистическая таблица, богатый бытовой материал выносился в примечания. Перед студентами ставилась задача: помимо умения разнести все сведения сказки по пунктам таблицы и в примечания, на основе проработанного материала написать историю данного (обычно разнопоместного) населенного пункта. Из этого семинара выросли впоследствии две работы: Е.П.Подъяпольская – "О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда"¹⁰ и Ю.А.Кузнецова – "Помещичье землевладение Сердобского уезда"¹¹.

В те же начальные годы университетской деятельности А.А. под его руководством при Обществе истории, археологии и этнографии (как была переименована в первые годы революции Ученая архивная комиссия) возникает студенческий кружок. Своей целью он ставит составление историко-географического словаря Саратовского края на основании архивного материала по его колонизации. Но сухой и узкий материал не давал достаточного простора для еженедельных собраний и бесед, и очень скоро к нему для очередных докладов присоединен был материал по народному движению в крае. Этот кружок тесно сплотил студенческую молодежь вокруг А.А.

Результатом работы А.А. над историей Саратовского края в этот период был выход в свет книги "История Саратовского края в XVI-XVIII вв." (Саратов, 1923, 375 с.), являющейся, по существу, перепечаткой его университетских лекций. Выход этой книги был значительным событием в истории изучения нашего обширного и своеобразного края. Можно без преувеличения сказать, что дальнейшее изучение краевой истории XVI-XVIII в. будет еще долгое время базироваться на этом труде¹².

Вторая задуманная им монография на тему "Колонизация северо-восточной части Саратовской губернии", разрабатываемая на основании ревизских сказок Узинского стана с привлечением

большого архивного материала, к сожалению, осталась незаконченной.

Уже в "Истории Саратовского края" А.А.Гераклитов должен был уделить свое внимание и нерусскому населению Поволжья, в частности, мордве. Там мы находим ряд любопытных замечаний о ней. Но по мере отыскания новых материалов ему приходилось в следующих работах вносить крупные поправки в свои концепции. Такова, например, его статья "Саратовская мордва"¹³. Этот интересный очерк построен на первоисточниках, почти исключительно архивных, извлеченных автором из сокровищ Центрального государственного архива древних актов и частью "Сенатских дел" Саратовского областного архива. Очерк этот опровергает высказанное им же самим в "Истории Саратовского края" мнение о позднем приходе мордвы в саратовские места и устанавливает раннее, с конца XVI в., появление здесь мордвы сначала в качестве эксплуататоров лесных и речных богатств края, а потом и постоянных насельников с постепенным переходом к земледелию. Выявляются и места выхода мордвы, и всем этим вписывается новая страница в плохо еще известную историю мордовского народа.

По мере нахождения новых материалов, касающихся истории мордвы, интерес А.А. к этому народу все более возрастает, и в конце концов "мордовские" интересы пересиливают все остальное. Последние годы своей жизни А.А. отдается им целиком.

Но, занимаясь в тиши своего кабинета, А.А. ищет аудиторию, которой были бы интересны его исследования. Первыми слушателями А.А. становятся студенты-историки Саратовского университета. С ними он уже в 1925 г. начинает private занятия по истории мордвы. Его привлекают к чтению публичных лекций в Мордовском землячестве, членом которого он вскоре становится, для учащихся Саратовской совпартшколы. Когда в Саратове организуется журнал "Сятко", А.А. первый из научных работников приходит со своими трудами по мордве сотрудничать в нем. Был он постоянным сотрудником и "Якстере Теште"¹⁴.

С 1925 г. А.А.Гераклитов вместе с рядом других научных работников ставит вопрос об открытии в составе Саратовского университета отделения мордовского языка и культуры.хлопоты

увенчались успехом, и А.А. встает во главе этого отделения как заведующий его и преподаватель одной из дисциплин.

Для лучшей постановки дела преподавания истории мордовского народа А.А. совершил объезд культурных центров, в районе которых преимущественно живет мордва и где, как он предполагал, можно встретить научный интерес к этой народности. В мае 1927 г. он посетил Н. Новгород, Пензу, Казань, Симбирск и Самару, а в отпуск – июль и август месяцы – совершил поездку по мордовским местам Саратовской и Пензенской губерний. Он обращается и к центральным архивохранилищам и крупным библиотекам Москвы и Ленинграда, где надеялся найти неизвестные ему материалы по истории мордвы. К этому же времени относится и начало составления библиографии по истории мордвы. В эти годы он подбирает материалы для последних своих монографий "Арзамасская мордва" и "Алатырская мордва", которые пишет уже будучи совсем больным.

Во время одной из своих поездок по Мордовии он простудился. Болезнь дала осложнение на горло в виде ларингита, перешедшего в туберкулез. Доктора неоднократно предупреждали А.А. о необходимости бросить преподавание и работу в пыли архивов, но отойти от вуза и научной деятельности для А.А. значило не жить, и он продолжал трудиться, пока оставались силы. Лишь после трахеотомии гортани в 1930 г. он вынужден был уйти из университета.

Скончался Александр Александрович Гераклитов 11 апреля 1933 года.

Список печатных работ А.А.Гераклитова*

1. Рукописное Евангелие музея Саратовской ученой архивной комиссии // Саратовский духовный вестник. – 1908. – №33.
2. Новое приобретение местной архивной комиссии (Палеографическое описание старинной рукописи) // Саратовский духовный вестник. – 1908. – №52.
3. Столбцы из исторического архива Саратовской ученой архивной комиссии (1621-1709 гг.) // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. (Далее Труды СУАК). – 1909. – Вып. 25. – С.1-114.
4. Некоторые данные о садоводстве и погоде в минувшем столетии // Саратовский садовод. – 1909. – №5.
5. К вопросу о начальной истории Саратовского Спасо-Преображенского монастыря // Саратовский духовный вестник. – 1910. – №8.
6. Увек. – Витебск, 1910. – 8 с.
7. Столбцы из исторического архива Саратовской ученой архивной комиссии // Труды СУАК. – 1910. – Вып. 26. – С.9-31.
8. Документы XVII века Саратовского Радищевского музея // Труды СУАК. – 1910. – Вып. 26. – С.32-58.
9. Очерки из жизни и быта эльтонских соляных ломщиков и возчиков второй половины XVIII в. // Труды СУАК. – 1910. – Вып. 26. – С.59-82.
10. Фамильные бумаги дворян Жуковых // Труды СУАК. – 1910. – Вып. 26. – С.254-259.
11. Отчет по историческому архиву за 1909 г. // Труды СУАК. – 1910. – Вып. 26. – Отд. 2. – С.52-60.
12. Краткая опись "Калачевского" фонда исторического архива Саратовской архивной комиссии // Труды СУАК. – 1911. – Вып. 27. – С.5-39.
13. По поводу находки в Саратове каменного креста с надписью XVII века // Труды СУАК. – 1911. – Вып. 27. – С.1-8.
14. Учреждение в Саратове Соляного Комиссарства (1747) // Труды СУАК. – 1911. – Вып. 28. – С.1-37.
15. Мелочи из прошлого Саратовского края (по архивным документам) // Труды СУАК. – 1911. – Вып. 28. – С.1-19.
16. Записки хранителя исторического архива А.А.Гераклитова // Труды СУАК. – 1911. – Вып. 28. – С.50-54.

* Список печатных работ исправлен в соответствии с более современными требованиями. – Сост. В настоящее время издан более полный список опубликованных и рукописных работ А.А.Гераклитова. См.: Гераклитов, А.А. Воспоминания / Подгот. текста, публ., коммент. и вступ. ст. Н.А.Полковой. – Саратов, 2004. – С.19-24.

17. Монгольский город Увек на реке Волге (Перевод статьи академика К.Френа). – Ставрополь, 1911. – 16 с.
18. XV Археологический съезд в Новгороде. (Отчет о командировке) // Труды СУАК. – 1912. – Вып. 29. – С.41-57.
19. Часоводец Решетов и устройство им городских часов в Саратове // Труды СУАК. – 1912. – Вып. 29. – С.58-61.
20. Материалы для истории Саратовского Поволжья. Столбцы Московского архива Министерства юстиции // Труды СУАК. – 1912. – Вып. 29. – С.62-87.
21. Из архивной пыли // Церковь. – 1913. – №7.
22. Архивы Саратовской губернии // Труды СУАК. – 1913. – Вып. 30. – С. 3-31.
23. Обзор "Пугачевских дел" из Астраханского губернского архива // Труды СУАК. – 1913. – Вып. 30. – С.33-51.
24. По поводу записи 1682 г. на Прологе библиотеки Братства Св. креста в Саратове // Труды СУАК. – 1913. – Вып. 30. – С.53-60.
25. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. – 1913. – Вып. 30. – С.61-82.
26. Гербы Дубенских // Гербовед. – 1913. – Май. – С.83-86.
27. Акты и грамоты Кирилло-Белозерского монастыря (Из Архива Саратовской архивной комиссии) // Труды СУАК. – 1914. – Вып. 31. – С.3-27.
28. Где был построен Саратов в 1590 г. // Труды СУАК. – 1914. – Вып. 31. – С.29-37.
29. Несколько документов из коллекции П.А.Можайкина // Труды СУАК. – 1914. – Вып. 31. – С.201-204.
30. Опись документов и дел исторического архива. Вып. I. Дела "Сенатские". – Саратов, 1914. – X. – 428 с.
31. Об учреждении полиции в Тульской губернии // Труды Тульской архивной комиссии. – 1915. – Кн. I. – С.151-154.
32. Исторические архивы при ученых архивных комиссиях // Труды СУАК. – 1915. – Вып. 32. – С.57-71.
33. Несколько документов из исторического архива Саратовской Комиссии // Труды СУАК. – 1915. – Вып. 32. – С.73-110.
34. Отчет по историческому архиву за 1914 г. // Труды СУАК. – 1915. – Вып. 32. – С.195-212.
35. Опись документов и дел исторического архива. Вып. III. Дела серии "Документ". – Саратов, 1916. – С.1-75.
36. Саратовские пожары 1800 и 1801 гг. // Труды СУАК. – 1916. – Вып. 33. – С.5-18.

37. Первая квартира саратовских епископов // Труды СУАК. – 1916. – Вып. 33. – С.19-22.
38. Поимка в Петровске Викентия Мигурского // Труды СУАК. – 1916. – Вып. 33. – С.23-24.
39. Саратов. Краткий исторический очерк. – Саратов, 1919. – 34 с.; То же. 2-е изд. – Саратов, 1923. – 38 с.
40. Один из бумажных водяных знаков XVII века // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову. – Петербург, 1922. – С.305-313.
41. Отделение рукописей и старопечатных книг Саратовского ун-та // Студенческая мысль". – 1923. – № 3-4. – С.21-22.
42. [Рецензия] Новый труд по истории Юго-востока России // Студенческая мысль. – 1923. – № 5. Рец. на кн.: Хвощев А. Очерки по истории Пензенского края.
43. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. – Саратов, 1923. – 375 стр.
44. К истории Волжского транспорта в конце XVII в. // Труды Нижне-Волжского общества краеведения. – 1924. – Вып. 34. – Ч. 2. – С.11-25.
45. [Рецензии] // Краеведение. 1924. № 4. С.487-489. Рец. на кн.: Преображенский П.А. Колонизация Самарского края; Его же. Беглые крестьяне Самарского края в XVIII в.; Тихомиров, М.Н. К истории колонизации Самарского края; Архангельский, П.А. К истории единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии.
46. Долговечны ли наши архивы // Архивное дело. – 1925. – Вып. 2. – С.8-15.
47. Саратовские бобыли по сказкам 1723-1724 гг. // Ученые записки Саратов. ун-та. – 1925. – Т. 3. – Вып. 3. – С.75-87.
48. Прошлое Саратова // Весь Саратов: альманах-справочник на 1925 год (2-й отд.). – С.65-71.
49. До питання про початок московського друкарства // Бібліологічні Вісті. – 1925. – Ч. 3. – С.93-97.
50. [Рецензия] // Книга и культура. – 1926. – С.8-13. Рец. на кн.: Иван Каманин; Олександра Вітвіцька. Водяни знаки на папері українських документів XVI-XVII вв. (1566-1651). – Киев, 1923. (Перепечатано в пражском журнале "Slavia" за 1927 г.)
51. Три издания XVI в. без выходных листов из библиотеки Саратовского университета (К вопросу о начале книгопечатания в Москве) // Ученые записки Саратов. ун-та. – 1926. – Т. 5. – Вып. 2. – С.1-20.

52. Саратовская мордва. (К истории мордовской колонизации в Саратовском крае) // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при СГУ. – 1926. – Т. 1. – С.137-155, карта.

53. До біографії Онисима Михайловича Радышевського // Бібліологічні Вісті. – 1926. – Ч. 1. – С.63-64.

54. Археологические памятники Саратовского края, упоминаемые в документах XVII-XVIII вв. // Труды Нижне-Волжского общества краеведения. – 1926. – Вып. 35. – Ч. 1. – С.85-86.

55. Мордовский "беляк" (происхождение термина) // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при СГУ. – 1927. – Т. 2. – С.103-112.

56. Мордовские должностные лица // Там же. – С.113-123.

57. Мордовские зимницы // Там же. – С.125-130.

58. Кирдановская мордва // Там же. – С.133-136.

59. Раздача мордвы "по жеребию" боярам "для крещения" // Там же. – С.139-142.

60. Четвероэвангелля без виходу поч. XVII ст. // Бібліологічні Вісті. 1928. – № 1. – С.17-26.

61. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Известия Нижне-Волжского института краеведения. – 1929. – Т. 3. – С.221-233.

62. Дозоры Нижегородской мордвы 96 и 122 г. // Там же. – С.237-245.

63. К вопросу о границе между "мокшей" и "эрзей" в нач. XVII в. // Бюллетень Ленинградского общества исследования культуры финно-угорских народностей. – 1929. – Вып. 4. – С.7-15.

64. Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII-XVIII вв. // Ученые записки Саратов. ун-та. – 1930. – Т. 8. – Вып. 2. – 152 с., карта.

65. К вопросу о национальности летописной "Муромы" // Известия Нижне-Волжского института краеведения. – 1931. – Т. 4. – С.107-115.

66. Материалы по истории мордвы. Сборник выписок из печатных источников (X-XVIII вв.). – М.-Л., 1931. – 125 с.

67. Несколько малоизвестных заметок о мордве иностранных путешественников конца XVII – нач. XVIII вв. // Известия Нижне-Волжского института краеведения. – 1931. – Т. 4. – С.93-105.

68. Племенные названия "Мордва" и "Мокша" в русских и иностранных источниках // Известия Нижне-Волжского института краеведения. – 1931. – Т. 4. – С.117-127.

69. Алатырская мордва. По переписям 1624-1721 гг. – Саранск, 1933. – 114 с.

Работы, оставшиеся в рукописи*

70. Описание документов и бумаг М.Н.Галкина-Враского (с предисловием, биографией владельца архива, приложениями и указателями). 30 п. л.

71. Об одновременном употреблении на одной фабрике разных марок для метки бумаги.

72. О метрическом способе отметки расположения "vergeures" и "pontusaux".

73. О парных филигранях.

74. Несколько замечаний по поводу одной датированной филигрании.

75. К датировке филигрании "la folie".

76. Рецензия на книгу: Георгиевский Г.П. Рукописи Т.Ф.Большакова, хранящиеся в Императорском Московском и Румянцевском музее // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1915. Т. VIII. 455 с.

77. Систематический сборник филиграней из русских документов XVII в.: (Атлас рисунков, предваренных критическим разбором материала). 15 п. л.

78. Меры определенной вместимости. (Этюд по метрологии).

79. Сфрагистика до-Петровского времени. 10 п. л.

80. Самара и Самарский край XVII в. по записям в книгах Печатного приказа. 7 п. л.

81. Устройство водопровода в Саратове.

82. Краткий очерк истории Саратовской мордвы.

83. Рецензия на статью: Любимов А.Е., проф. Краткий исторический очерк мордовского народа. Мордовское население Пензен губ. / Под ред. Г.А. Полумордвинова. – Пенза, 1927. – С.1-64.

84. Библиография русской литературы о мордве (около 400 названий с аннотациями).

85. К хронологии песни о царе Тюштыне.

Примечания

¹ Отдел редкой книги Научной библиотеки Саратовского государственного университета. Дневник. Запись от 28.III.1908 г. Рукопись.

² Дневник. – С.37.

* Хранятся в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР (в настоящее время – Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. – Сост.).

³ Ныне Саратовская областная универсальная научная библиотека.

⁴ Труды Саратовской ученой архивной комиссии (далее Труды СУАК). – 1916. – Вып. 33. – С.127.

⁵ См. прилагаемую к статье библиографию.

⁶ В Саратовском университете и Саратовском институте народного образования.

⁷ В настоящее время "Сборник" принят к печати журналом "Проблемы источниковедения". (Речь идет об изданной уже после выхода данной статьи книге: Гераклитов, А.А. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения / А.А. Гераклитов. – М., 1963. – Сост.)

⁸ Из работ А.А.Гераклитова о бумажных водяных знаках напечатана, к сожалению, только одна: Гераклитов, А.А. Один из бумажных водяных знаков XVII века, касающаяся филиграния "a la mode papier" // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову. – Петроград, 1922. – С.305-313.

⁹ Второй опыт, столь же успешный, был сделан несколько лет спустя проф. П.Г. Любимовым.

¹⁰ Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области. – 1927. – Т. II.

¹¹ Основной материал этой монографии остался в рукописи. Лишь ничтожная часть его напечатана в "Трудах Общества Истории, Археологии и Этнографии" (Т. 34. Вып. I) под заглавием "К истории колонизации Сердобского у. (Материалы для историко-географич. словаря)".

¹² Подробная рецензия на него дана проф. П.Г.Любимовым. См.: Нижнее Поволжье. – 1924. – №6.

¹³ К истории мордовской колонизации в Саратовском крае // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области. – 1926. – Т. I. – С.137-155.

¹⁴ Мордовская газета, издававшаяся в те годы в Москве.

Гераклитов А.А.

Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа)

Предисловие к публикации

Вниманию читателя предоставляется уникальная, не публиковавшаяся ранее полностью рукопись "Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа)"* известного саратовского историка Александра Александровича Гераклитова (1867-1933). Имя Гераклитова широко известно. Он автор целого ряда работ по истории Саратовского края. Его перу принадлежат серьезные исследования, посвященные истории мордовского народа. Наконец, он очень много сделал в русской палеографии, прежде всего в области изучения филигранных – бумажных водяных знаков**.

История создания данной работы, посвященной Самаре в XVII в., весьма интересна. В 1920-х годах Гераклитов произвел скрупулезное обследование материалов Печатного приказа, хранящихся в сегодняшнем Российском государственном архиве древних актов (Ф.233). Приказ этот в XVII в. ведал сбором так называемых печатных пошлин, т.е. пошлин, взимаемых за приложение государственной печати к официальным документам. В многочисленных сохранившихся до нашего времени книгах

* Отдельные фрагменты из этой работы опубликованы Э.Л.Дубманом. См.: Гераклитов, А.А. Самара и Самарский уезд XVII века (по записным книгам Печатного приказа) / А.А. Гераклитов // Самарский земский сборник. – 1997. – №1; Гераклитов, А.А. Самарские доходы / А.А.Гераклитов // Самарский земский сборник. – 1998. – №1 (2).

** Кузнецова, Ю.А. Александр Александрович Гераклитов (Материалы для биографии) / Ю.А. Кузнецова // Труды научной библиотеки СГУ. – Вып. II. – Саратов, 1959; Искюль, С.Н. Обзор фонда А.А.Гераклитова / С.Н.Искюль // Историографический сборник. – Вып. 2 (5). – Саратов, 1974; Попкова, Н.А. Александр Александрович Гераклитов / Н.А.Попкова // Гераклитов А.А. Воспоминания. – Саратов, 2004; и другие. Выше помещена статья Ю.А.Кузнецовой, в которой наиболее полно воспроизведена биография саратовского ученого.

приказа помещались краткие записи о содержании актов, к которым прикладывалась печать. Гераклитов, изучив эти книги, сделал из них выписки материалов, относящихся к Среднему и Нижнему Поволжью. Информация, которая содержится в этих выписках, уникальна. Она более полно по сравнению с другими видами документов отражает деятельность администрации, служилого и тяглого населения, повседневную жизнь поволжских городов и сельских жителей, особенности их хозяйствования, предпринимательскую деятельность монастырских властей, купечества, посадских и других людей России, чьи интересы так или иначе соприкасались с указанным регионом. По всей видимости, историк планировал написать большую монографию, посвященную истории поволжского региона в XVII в., в границах от Симбирска до Астрахани. Однако этот проект так и не был осуществлен. Среди бумаг исследователя сохранились лишь небольшие статьи, посвященные анализу деятельности Печатного приказа, а также довольно крупная работа с рабочим названием "Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа)". Ныне эта рукопись хранится среди других разрозненных бумаг исследователя в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН (А СПб ИИ РАН. – Ф.38. – Оп.1. – Д.72). На 138 страницах тетрадного формата рукописного текста А.А.Гераклитов предпринял попытку реконструировать различные стороны деятельности самарской администрации, служилого и тяглого самарского населения, многочисленных предпринимателей из центральных районов страны и т.д., используя исключительно материалы Печатного приказа. Вряд ли стоит сомневаться в том, что исследователю были хорошо известны и другие источники по истории Самарского края. Но, по словам самого Гераклитова, он сознательно пренебрег ими для того, чтобы выяснить, насколько репрезентативной может быть картина, выявленная только при использовании одной группы документальных материалов, каковой являются записи в пошлинных и беспошлинных книгах Печатного приказа. Необходимо отметить, что подобный подход оказался весьма плодотворным. Работа Гераклитова содержит уникальные конкретные сведения по истории края и в тоже время позволяет достаточно полно пред-

ставить социальные и экономические процессы, протекавшие на его территории в XVII столетии.

К настоящему времени имеется значительное количество публикаций по истории Самарского Поволжья в XVI-XVII вв., основывающихся на достаточно репрезентативной источниковой базе. Но и среди них труд саратовского исследователя сохраняет и свою значимость, и ту творческую свежесть, которой отличаются работы настоящего ученого.

Исследование А.А.Гераклитовым развития небольшого пограничного городка, каковым была Самара в XVII в., является уникальным как по поставленной и мастерски исполненной задаче, так и по использованной источниковой базе. Однако работа только с одним видом источников, в данном случае с пошлинными и беспошлинными книгами Печатного приказа, нередко приводит историка к выводам, которые односторонне или даже ошибочно отражают ряд событий и явлений.

Например, тезис о бедности волжских рыбных ловель в Самарском уезде, об их промысловой "малоценности" в разделе, посвященном доходам Самары, совершенно не подтверждается материалами о монастырской промысловой деятельности в регионе во второй половине XVII – начале XVIII вв. В отличие от саратовских вод самарские очень рано, уже в первой половине XVII в., начали переходить в собственность крупных монастырей (Чудова, нижегородского Благовещенского, самарского Спасо-Преображенского и др.). Для жителей Самары выгоднее было не брать промысловые угодья на откуп у казны, а оброчиться у монастырских промышленников или наниматься к ним на предприятия. Но эти действия практически не фиксировались в книгах Печатного приказа, что дало исследователю основание для не совсем правильного суждения. К тому же сведения о малых размерах самарских городских откупов, на основании которых Гераклитов делает вывод о незначительности самой Самары и о малочисленности ее населения (например, по сравнению с Саратовом), противоречат данным пятины 1634 г., результатам переписи 1646 г. и другим материалам, свидетельствующим о том, что Самара была более крупным и значительным "городом", чем Саратов и Царицын (по крайней мере в первой половине XVII в.).

Кстати, сам Александр Александрович прекрасно понимал, что использование одной группы источников неизменно приведет к такого рода неточностям. Об этом он писал во вводной части своей работы. Но нередко материал, бывший в распоряжении автора, буквально вынуждал его делать умозаключения, не совсем верно отражающие реальное положение дел.

На основании всего вышесказанного мы вправе предположить, что при всей ценности дел Печатного приказа использование только их в качестве единственного источника для исторических построений нередко может привести к не совсем корректным выводам.

Отметим, что два раздела из рукописи А.А.Гераклитова, посвященные самарским доходам и помещикам (с. 54-93 по рукописи), уже публиковались нами в таких изданиях, как "Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник документов и материалов" (Самара, 2000), "Классика самарского краеведения" (Самара, 2002), "Самарский земский сборник" (1998. № 1(2)).

В целом все документы из архива А.А.Гераклитова, в том числе и этот очерк, написанный рукой самого историка, хорошо читаются. Почерк очень четкий, ясный, текст в основном не содержит исправлений, вычеркиваний, неясных мест и т.д. Видимо, рукопись являлась белой или практически белой. Скорее всего, несколько страниц оказались утраченными, прежде всего, в конце текста, но это обстоятельство почти не влияет на содержательную сторону данного очерка.

Текст публикуемой рукописи практически приведен без правки, изменения коснулись лишь устаревших орфографии и пунктуации. Отметим, что в рукописи текст разделен на разделы. Однако заголовки разделов, скорее всего, были сделаны позднее, чем был написан сам текст, они вписаны карандашом, и создается впечатление, что не рукой самого А.А.Гераклитова. К тому же иногда, например при выделении раздела "Заставы", они явно не соответствуют логике изложения. Вместе с тем, совершенно очевидно, что для более удобного ознакомления с данной работой будет целесообразнее разделить ее текст на несколько разделов. Поэтому мы решили обособить в рукописи отдельные логически завершенные параграфы. В основном такое обособление соответствует

прежней структуре рукописи. Но в отдельных случаях, исходя из содержания очерка Гераклитова, под особыми заголовками были выделены дополнительные разделы (их заголовки мы специально подчеркнули).

Справочный аппарат, который в свое время был подготовлен автором, основывается на старых, сейчас уже не используемых описях фонда Печатного приказа. Основной массив сносок А.А.Гераклитова был сделан на пошленные книги Печатного приказа. Мы вывели их по современным описям данного фонда Российского государственного архива древних актов (РГАДА. – Ф.233). Номера дел практически не претерпели изменений, и поэтому сноски Гераклитова очень легко соотносятся с используемыми ныне описями фонда. К сожалению, с беспощинными делами фонда Печатного приказа, ссылки на которые встречаются гораздо реже, а также со сносками на документы из других фондов такая сверка проведена не была.

Э.Л. Дубман

Введение

Жалобы на скудость источников для познания прошлого среднего и нижнего Поволжья за московский период русской истории, скудость, обусловленную уничтожением архивов Приказа Казанского Дворца, стали общим местом. Поэтому мы не станем повторять их здесь, скажем лишь, что за отсутствием прямых путей к нашему местному прошлому приходится искать обходные дороги. Одной из таких дорог представляются поиски в архивах тех приказов, которые могли иметь близкие ведомственные отношения к Казанскому Дворцу и, т.о., в состоянии хоть отчасти заполнить брешь, образованную гибелью его собственного архива. В числе их на одном из первых мест должен быть поставлен т. наз. Печатный Приказ. Делопроизводство Приказа, несомненно существовавшего в XVI в., до начала царствования Михаила Федоровича, не сохранилось. Самый ранний из известных мне документов Приказа датирован 27 февраля 1613 г., но затем, не считая случайных утерь, данная серия продолжается по 1763 г., включая в себя, кроме столбцов, 1839 книг. Учреждение, о котором идет речь, "печатало" грамоты, исходившие по челобитьям частных лиц из московских приказов. При запечатании взималась с челобитчика пошлина, обычно в размере полуполтины "с челобитья" и кроме того $7\frac{1}{2}$ денег с рубля в тех случаях, когда речь касалась подрядов, поставок, оброков и т.п. с определенной суммы. Для возможности отчетности взимаемые пошлины заносились в особые книги с указанием времени взимания, документа, с которого оно произведено, и размера взимаемых пошлин. Первоначальные записи в книгах очень кратки. Напр.: "19 июля 7121. Запечатана грамота на Самару по челобитью Потапа Волокитина о дворе. Пошлин полполтины. Взято"¹. Последняя отметка делалась сами дьяком Приказа и удостоверяла действительное поступление пошлины. Очень скоро оказалось, что подобные записи имеют значение не только оправдательных документов для денежной отчетности Печатного приказа. Лица, утратившие по каким-либо причинам свои грамоты, да и сами приказы при ходатайствах о выдаче дубликатов начинают обращаться к за-

писным книгам за справками и известны случаи, когда коротенькая запись в этих книгах делается единственным доказательством в весьма важных имущественных исках². Это обстоятельство повело к тому, что с одной стороны записи по необходимости, на случай будущих справок, делаются подробнее: из грамоты выписываются с достаточной полнотой наиболее существенные формулы – адрес, экспозиция (по терминологии XVII в. дело), суммы и время выдачи. С другой стороны действенность грамоты обуславливается обязательностью записи ее в Печатном Приказе и, т.о., его записные книги приобретают характер и значение регистров. Некоторые лица и учреждения, напр., бояре, патриарх, знаменитейшие монастыри и т.д., служилые люди разоренных смутю или войною местностей и т.п., не были обязаны уплатой пошлин, но и грамоты по их челобитьям также вносились в книги. Чтобы не создать путаницы при отчетности, для них имелись особые регистры, именовавшиеся в отличие от обычных "пошлинных" – беспошлинными книгами.

Использование книг Печатного Приказа для научных целей началось давно. Достаточно указать, что значительная часть труда Строева "Списки иерархов и т.д."* построена на выборках из этого материала. Не нова мысль и о возможности привлечения книг для заполнения той брешы, о которой говорилось выше. Таким путем возникли опубликованные А. Голомбиовским "Материалы для истории г. Саратова"³. Ценность опубликованных А. А. Голомбиовским "Материалов", охватывающих записи с 1650 по 1675 г., побудила автора настоящей статьи продолжить его работу, расширив ее размеры и хронологически и топографически, т.е. привести записи до 1650 г., оставленные Голомбиевским без внимания ввиду их краткости, и не ограничиваясь одним Саратовым, но имея в виду и другие города нижнего Поволжья. В течение командировки 1913 и 1923 гг. удалось просмотреть в б. Московском Архиве Юстиции около 200 книг и сделать несколько сот записей, относящихся к городам современной Нижневолжской Области. При этом обнаружилось, что еще чаще, чем эти города, в записях упоминается соседка Саратова – Самара. Сколько нам известно, по Самаре

* Строев П. Списки иерархов и настоятелей и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.

никто подобной работы не производил, история ее за XVI-XVII в. тесно сплетается с историей других нижеволжских городов, и было бы нерационально во всех отношениях отвергать материал, попадающий в руки, так сказать, попутно. В результате подобной "попутной" работы удалось собрать до 460 записей, относящихся к Самаре за время с 1613 по 1677 г., т.е. гораздо больше, чем по Саратову, Царицыну, Черному Яру вместе взятым. Нет надобности указывать на важность вовлеченных в оборот нескольких сот новых документов и, конечно, наиболее правильным было бы опубликовать их с целью сделать доступными для исследователей местной самарской старины. Но пока подобная публикация, возможность которой представляется довольно проблематичной, делается осуществимой, не бесполезно, как думается, чтобы в общих чертах ознакомить лиц, интересующихся прошлым краем, с содержанием записей.

Настоящая статья и является попыткой в этом направлении. Это не история Самары и ее уезда до XVII в., а лишь усиленная свodka тех сведений, которые по этому вопросу рассеяны в записных книгах Печатного приказа за указанный выше период. При дальнейшем изложении совершенно не привлекаются, кроме одного случая, другие источники. Такой прием, б.м., и неправилен в методологическом отношении, но неправильность допущена намеренно с целью показать, что сами по себе, взятые в отдельности, представляют записи Приказа. Дело специалистов – самарских историков и экономистов – использовать публикуемый в таком виде материал. Но и в этом, полусыром виде, данная публикация должна, думается, представить интерес и для более широких кругов, чем специалисты, ввиду вообще скудости наших сведений по истории нижеволжских городов XVII в.

Изложение ведется в порядке тех историко-хозяйственных вопросов, по которым так или иначе отвечают записи. Управление города и служилое население в нем; посадское население; торговля; церкви и монастыри и их роль в экономической жизни края; роль края в общей экономике страны: оброчные доходы, рыбные ловли, юртовой промысел и т.д.; Самарский уезд, поскольку жизнь его отражается в записях; помещики, крестьяне, беглые, инородцы. В заключение, в виде приложения, дается проверенный на осно-

вании записей список самарских воевод XVII в. ввиду громадной важности подобных списков для изысканий всякого рода.

Воеводы

Во главе города стоял воевода, в руках которого сосредотачивались все отрасли управления, т.к. он один ведал и администрацией, и судом, и военными людьми, и финансами и т.д. Самарские воеводы назначались из Приказа Казанского Дворца, которому было подведомо Среднее и Нижнее Поволжье. Несмотря на полноту власти, самарские воеводы XVII в., в соответствии с положением Самары среди современных ей русских городов, занимали очень скромное место по иерархической лестнице Московского государства. За весь XVII в. известен только один случай назначения сюда на воеводство боярина (И.Б.Салтыкова), но и опального и без права именоваться боярином. Обычно самарские воеводы принадлежали к среднему слою служилого сословия; далеко не все из них имели даже чин стольника, несмотря на то, что такой чин к концу века делается гораздо более доступным, чем раньше. Общеизвестен факт, что городовые воеводы вообще не получали особого вознаграждения от казны за отправление своей должности, довольствуясь теми безгрешными доходами, которые узаконил обычай. В Самаре размер подобных доходов не мог быть значительным, и тем не менее воеводства здесь добивались, и в случае освобождения вакансии на нее всегда имелось несколько охотников. Воеводская должность являлась наградой, как, напр., в случае с Назимовым, получившим ее "за службы и за раны"⁴. Всегда она дается после челобитной, и только один Эверлаков, воеводствовалавший тотчас после подавления Разинского восстания, был назначен в порядке служебной дисциплины: "послан на воеводство со службы неволею"⁵. Продолжительность службы воеводою в одном городе, как правило, считалась в два года. В зависимости от обстоятельств от той нормы могли быть и отступления. В частности, в Самаре воевода очень редко держался больше двух лет; значительно чаще он сменялся до истечения срока. Понятно, что всякий воевода стремился к возможно более для себя выгодному использованию короткого времени, бывшего в его распоряжении, и

русское прошлое богато примерами воеводских злоупотреблений. Несомненно, такие злоупотребления были и в Самаре, но, если судить по записям, они в большинстве случаев не превышали меру терпения подвластного воеводе населения. Но случалось и самарским воеводам переполнять эту меру. В феврале 1659 г. "по челобитью самарян всяких чинов людей Самарского города никольского попа Дмитрия Кузьмина да самарянина сына боярского Юрья Шеина да посадского человека Стеньки Коледина да стрелецкого пятидесятника Любимки Котова на прежнего воеводу на Ондreja Мясоедова велено про его Андреевы к ним градским людям налоги и про взятки сыскать и распросить"⁶. Неизвестно, какие результаты дало следствие и получили ли челобитчики удовлетворение, но Мясоедов уже в апреле месяце был отпущен из Самары в Москву⁷. Другой случай относится к 1647-48 гг. В феврале 1648 г. саратовскому воеводе Чоглокову "по челобитью самарских попов и дворян и детей боярских и сотников стрелецких и подъячих и казаков и стрельцов и пушкарей и посадских людей" было приказано произвести следствие: "велено на Самаре сыскать" про стрельцов, пушкарей и ружников, "как они скопом к воеводе в съезжую избу приходили и невежливые слова говорили и во всяких делах учинились сильны и непослушны"⁸. Здесь самарцы не дождались даже, как обычно делалось, смены воеводы, а выразили свой протест против него в весьма резкой форме. Очевидно, протест этот возымел свое действие, и воевода (Левашов) вскоре после следствия был смещен, пробыв на воеводстве всего около года.

В приложении дается пополненный на основании записей список самарских воевод XVII в.

Органами воеводского управления в Самаре прежде всего являлась съезжая изба. Никаких подробностей о внутренних распорядках этого учреждения, подобно тому, как мы имеем по отношению к Саратову, в документах не сохранилось. Можно только сказать, что делопроизводство находилось в ведении нескольких подъячих, по крайней мере, двух. Каков был подчиненный им штат низших служащих – неизвестно. Из записи 21 апреля 1658 г. мы узнаем, что первоначальный оклад подъячего самарской съезжей избы не достигал и четырех рублей в год при соответствующей даче хлебом: Федьке Васильеву только после его челобитья оклад

был повышен до этой нормы⁹. Из других учреждений упоминается только таможня, по-видимому, всего с одним только подьячим¹⁰. При многочисленности "самарских записей" полное умолчание о т.наз. площадных подьячих нельзя считать случайным. По всей вероятности, здесь совсем не было таких подьячих, что, в свою очередь, может служить некоторым показателем вообще слабого развития в Самаре деловой жизни*.

Самарское дворянство и его местные службы

А. Положение и оклады

Несомненно, что высший слой местного служилого населения здесь, как и в других низовых поволжских городах, первоначально образовался принудительным образом путем перевода сюда на годовую службу из уездов, лежащих по Волге значительно выше. Только постепенно невольные переселенцы начинают сживаться с новым краем и в XVII в. образуется уже, небольшое правда, ядро подлинных самарских дворян и детей боярских, связанных с Самарой не только службой, но и всеми своими жизненными интересами. Ряд фамилий, вроде Алампеевых, Филитовых, Порецких, Могутовых и т.д., в течение нескольких поколений фигурируют в записях, занимая разные должности по Самаре и, наконец, совершенно сливаясь с нею путем испомещения в Самарском уезде. В общем положение самарских детей боярских мало чем отличалось от положения русского служилого человека того времени, за исключением, б.м., черт особой захолустности, свойственной самарянам. Местные служилые люди не могли похвастаться наличием в их среде представителей родовитой знати, нет даже ни одного титулованного лица, хотя бы из принявших православие мурз. Денежные и поместные оклады, с которыми самарцы начинали и продолжали свою службу, поражают своей незначительностью, да при том же поместные оклады далеко не всеми и использовались. Если судить по записям, то самарскому сыну боярскому не представлялось даже по своей службе в Самаре случаев сделать

* Это ошибочное утверждение. По другим источникам в Самаре в середине XVII в. уже были площадные подьячие.

служебную карьеру: саратовцы и царицынцы ...* имели дело и с воровскими казаками и с татарами – ногайцами и с калмыками; постоянно встречаются известия о посылках в степь, о боях, о взятых языках и побитых мужиках и т.д., и всякий такой подвиг давал право на награду. Стоит вспомнить и постоянные поездки в Москву с вестями о таких подвигах, поездках, тоже связанных с наградами. Самара XVII в. стояла в стороне от всего этого, кругом, по-видимому, стояла тишь и благодать, некого было побивать и в полон имать, никаких радостных вестей не приходилось возить в Москву. Жизнь самарянина была серой и будничной. За весь обозреваемый период только калмыцкая служба 162-го года дала возможность нескольким боярским детям получить придачу к окладам, но и калмыки для своих набегов предпочитали другие пути, лежащие далеко в сторону от Самары. Создается такое впечатление, что детям боярским, как военному сословию, здесь нечего было делать. Неудивительно поэтому, что многие из них, числясь по самарским спискам и занимая платные вакансии, предпочитали жить в своих поместьях. 9 июля 1647 г. запечатана грамота "по челобитью самарян и детей боярских Петра Перфильева да Петра Могутова с товарищи на самарян же на дворян и на детей боярских, которые писались по Самаре, на Михайла Филитова с товарищи – велено их по спискам пересмотреть и распросить, в которых в верховых городах испомещены и на Самаре государево денежное и хлебное жалованье емлют, а государевых никаких служб не служат и живут в поместьях своих"¹¹. Жалоба Перфильева и Могутова с товарищами вполне понятна: число платных окладов было ограничено, а охотников занять их было достаточно. Постоянно встречаются просьбы об определении на первую освободившуюся вакансию: на первое убылое место. Но казенный оклад – денежный и хлебный – далеко не обеспечивал существования, а испомещены были далеко не все. Поэтому особый интерес приобретали такие местные службы, с которыми были связаны доходы. Около таких невидных должностей, как сотничество у конных или у пеших стрельцов, создавалась самая яростная конкуренция. Нет возможности перечислить все те записи, в которых говорится об

* Не читается слово, судя по смыслу постоянно.

определении в сотники, каковая должность несомненно была связана, помимо добавочного денежного и хлебного вознаграждения, с кормлением, о чем говорит хотя бы то, что при запечатании таких грамот пошлина взималась в том же размере, что и при грамотах на воеводство: рубль, вместо обычной полуполтины. О конкуренции свидетельствует то обстоятельство, что служба в сотниках продолжалась очень недолго: 3-4 года, и всегда находился более счастливый соперник, который путем хлопот в московских приказах перехватывал ее для себя. За нее ж говорят и многочисленные случаи назначения в сотники иногородних детей боярских. Головство у стрельцов, напр., так ни разу и не досталось самарянину.

Б. Заставы

В зависимости от своего положения на Волге, являющейся почти единственным торговым путём, связывавшем центр России с Каспием, Самара, так же как Саратов и Царицын, несла обязанность по охране этого пути и лиц, пользующихся им для своих торговых и иных целей. Поэтому здесь, как и в других низовых городах, мы встречаемся с особого рода учреждением, так наз. заставой. Первые сведения о существовании заставы встречаются в записях 1651 г. и затем непрерывно продолжают до конца обследуемого периода. Т.к. среди сотен "самарских" записей за время до 1651 г. никаких указаний на существование подобного учреждения в Самаре не встречается, то можно думать, без боязни впасть в ошибку, что заставы установлены здесь именно с этого срока. Весьма вероятно, что устройство заставы стоит в связи с ростом товарного движения по Волге и с усилением на ней разбойничества. Судя по записям, целью, которую имелось в виду достичь устройством заставы, было "бережение проезжих всяких людей", т.е. чисто охранительная. Но вместе с тем, везде упоминается, что застава стоит на "пропуске". Т.о., кроме охраны проезжих ей, по всей вероятности, производится и регистрация, учет, т.к. в ином смысле выражение "пропуск" понять, по-видимому, в данном случае нельзя.

За время с 1651 по 1678 г. мы видим целый ряд служилых людей, заведовавших заставой. 7 марта 1651 г. на эту должность был назначен самарянин Матвей Загорин¹²; его 9 мая 1653 г. сменяет Иван Вельяминов¹³, на место которого 26 апреля 1654 г. назнача-

ется самарянин Андрей Могутов¹⁴. По-видимому, после Могутова эту должность занимал Степан Корчемкин, вместо которого 23 апреля 1658 г. посылается Андрей Алампеев, также принадлежавший к составу местных самарских служилых людей¹⁵. За Алампеевым мы видим на заставе Семена Алампеева и потом, с 20 октября 1659 г.¹⁶, Ивана Сафонова, указ о назначении которого подтверждается 31 октября 1660 г.¹⁷ и который сменен Андреем Могутовым 11 мая 1666 г.¹⁸ В том же 1660 в октябре пытается добиться этого назначения синбирянин Иван Яковлевич Куткин¹⁹, но Могутов остается до 14 марта 1669 г., когда его сменяет Никита Иван. Поликарпов²⁰. Затем идут: с 16 февраля 1670 г. – Аникий Хомутский²¹; со 2 мая 1674 г. Михаил Дементьевич Неустроев²², с 23 апреля 1675 г. – Ждан Гаврилович Трузов²³ и с 23 марта 1676 г. – Петр Полдомасов, которому велено служить "без срока"²⁴.

Все они без исключения принадлежат к составу самарских детей боярских.

Не в пример другим многочисленным и обременительным службам, лежавшим на обязанности мелкого городского дворянина XVII в., служба на заставе, как можно судить по многим признакам, считалась и почетной и выгодной. За почетность ее достаточно убедительно говорит то обстоятельство, что при назначении на эту должность, как и на должность, напр., воеводы или стрелецкого головы, в Печатном Приказе пошлина взыскивалась в усиленном размере: как правило, грамотчики платили полполтины с челобитья, здесь же взыскивался рубль, чем, с другой стороны, как бы подчеркивается, что лицо, получившее назначение, извлекает из него известную материальную выгоду. За выгодность же говорит и то, что самарцы, добиваясь назначения на заставу, не останавливались перед хлопотами и расходами, связанными с пресловутой московской волокитой, что и служилые люди других соседних городов, напр., Симбирска были не прочь выступить конкурентами в соискании. О назначении хлопотали заблаговременно, не дожидаясь освобождения вакансии, ссылаясь, как в случае со Скрыновым, на свои прежние заслуги, домогаясь должности всякими способами. Для всякого, кто знаком с русскими порядками XVII в., ...*

* Очевидно, Гераклитов здесь упустил фрагмент текста.

каким образом извлекались начальниками застав выгоды из своей должности.

Документы не дают точного указания на место, где находилась застава, ограничиваясь глухим указанием, что она была "против города на Волге реке". Только в одном случае как место заставы названы "Осольники", но за правильность прочтения этого слова поручиться нельзя.

Но записи сохранили нам следы существования в Самаре и еще одной заставы уже явно фискального характера. 7 ноября 1677 г. запечатана грамота к воеводе Шелю, по которой "велено Варфоломею Скрынову за службы быть на Самаре на пропуске рыбного и икряного яицкого промыслу, для проезду и осмотру всяких чинов людей не явленных заповедных товаров"²⁵. Скрынов должен был сменить с 1 января 1678 г. Ивана Кроткова, который сам был назначен меньше чем за год перед этим (20 февраля 1677 г.) на место Бориса Юрлова "на пропуску яицкого рыбного промыслу"²⁶. Перед этим "на заставе у пропуску яицкой станицы" был (со 2 марта 1676) самарянин И.М.Филитов, сменивший Мещеринова²⁷. Функции этой заставы не ограничивались осмотром заповедных товаров, а, как видно из записи о назначении М.Д.Неустроева²⁸, к сожалению не совсем вразумительно средактированной подьячим, начальник ее должен был "на Яик рыбного и икряного промыслу и у сбору десятинные рыбы и икры возить с Самары и отпускать к Москве".

Перечисленные записи оставляют такое впечатление, что здесь речь идет об яицких казаках, вывозивших, для дальнейшего следования на Русь, рыбу и рыбные продукты, добываемые ими в родной реке, тем более, что в одном месте прямо говорится о пропуске "яицкой станицы". Но другие записи, относящиеся к тому же вопросу, дают возможность и иных умозаключений. В марте 1664 г. было приказано "яицкие десятинные рыбы у приему быть и к Москве провожать по вся годы самарянину сыну боярскому Андрею Могутову с товарищи"²⁹. В апреле того же года на имя воеводы Шаховского последовало распоряжение "по челобитью самарских жилецких людей яицких промышленников самарским таможенным головам и целовальникам таможенные пошлины сверх

десятые доли рыбы иметь не велено"³⁰. Принимая во внимание, что при запечатании грамоты было взыскано пошлин с челобитья "два рубли с четвертью", следует думать, что челобитчиков на этот раз было не меньше девяти человек. Наконец, в марте 1672 г. мы встречаемся еще с одним распоряжением, согласно которого "по челобитью самарян посадских людей Фильки Халевина, Стеньки Рязанова велено им быть у приему яицкой рыбы и икры"³¹. Эти записи достаточно убедительно говорят за то, что в яицком промысле прежде всего были заинтересованы жители Самары "жилецкие люди" и что они-то и являлись "яицкими промышленниками", что, конечно, не исключает возможности отправки рыбы через Самару и яицкими казаками, тем более, что наши документы положительно говорят за то, что яицкие казаки пользовались в своих сношениях с Москвой дорогой через Самару. В июле 1674 г. "по челобитью яицких казаков станичного атамана Ивана Белоуса с товарищи велено им о даче кормовых денег указ учинить"³². А из другой грамоты конца 1647 г. мы узнаем, что "им (т.е. яицким казакам) велено со всяким вестьми и с языки и с полоном и для платенные покупки приезжать на Саратов и на Самару беспенно"³³. По всей вероятности, ввиду отдаленности рыболовные угодья на Яике не отдавались обычным порядком на оброк, а промысел там представлялся всем желающим и казна получала свой доход уже после реализации улова в виде взимания десятой рыбы. Для этой цели и существовала вторая застава в Самаре, функционировавшая, как видно из записи, гл. обр. зимой, т.к. летом гужевая перевозка рыбных продуктов с Яика была едва ли возможна. На почве взыскания десятой доли улова возникали злоупотребления, вызывавшие жалобы промышленников. В конце концов, заинтересованные в промысле посадские люди добиваются некоторого права контроля над правильностью сбора пошлины в виде назначения своих представителей у приема рыбы. Судя по приведенному выше назначению А.Могутова, и самое сопровождение собранной казной рыбы в Москву было операцией далеко не безвыгодной. Принимая во внимание, что устья Яика с давних пор находились в монопольном пользовании крупных московских предпринимателей, а нижний плес эксплуатировался казаками, нужно думать, что самарцы

промышляли в верхнем течении Урала. Гнала их туда, конечно, не одна лишь предприимчивость, а и та конкуренция со стороны крупных промышленников всякого рода, с которой им приходилось считаться в это время у себя дома на Волге.

В. Прожиток

Местные особенности сказываются не столько на положении самарских дворян, сколько на их вдовах и сиротах. Обычно после смерти служилого человека его семья обеспечивалась прожиточным поместьем, выделенным в пользу вдовы и детей. Как указывалось выше, самарские дворяне далеко не все являлись помещиками, и потому в случаях смерти такого беспоместного служилого человека в Самаре, как и в ниже ее лежащих городах, выработалась особая практика. Здесь вдова получала на прожиток не выдел из мужнина поместья, которого не было, а пенсию в виде хлебного и денежного жалованья. Размер такой пенсии колебался в довольно значительных размерах, но причины колебаний не поддаются учету. Так, вдове Семена Тихонова – Марье в 1654 г. велено было давать жалованья "из мужня окладу: денег по семи рублев да хлеба по семи чети ржи овса тож"³⁴. А в следующем году вдове Якова Алампеева – Федоре велено давать "на прокормление денежного и хлебного: денег четыре рубли хлеба четыре чети ржи овса тож"³⁵. Вдова Могутова получала пенсию в половинном размере оклада мужа³⁶. Как кажется, такая норма была наиболее обычной. Пенсия давалась из "убылых окладов", т.е. в счет незамещенных вакансий, и при назначении ее делалась оговорка "буде поместья и детей нет". Из приведенных дальше примеров видно, что не все вдовы были так счастливы, и для многих из них единственным прибежищем являлся монастырь, куда они, в виде исключения, определялись без вклада.

Служилые люди по прибору

Основную массу самарских служилых людей составляли стрельцы, делившиеся на две категории: конных и пеших. Количество сих здесь не было значительным; во всяком случае они не составляли особого приказа. Во главе стрельцов стоял голова, в помощь которому для письменных дел определялись пятисотен-

ные дьячки, ведавшие канцелярией. Стрельцы делились на сотни, число которых, судя по документам, доходило в Самаре до четырех. Сотниками, как мы видели выше, были исключительно дворяне и дети боярские. Известен только один случай, когда до этой должности дослужился стрелец, некто Ивашка Белевцов, получивший сотничество в 1676 г.³⁷ Обычно карьера стрельца заканчивалась в десятниках или пятидесятниках. Как уже указывалось, Самара XVII в. не имела большого значения, и ее гарнизону было мало случаев проявить воинскую доблесть. Тем не менее и при таком условии стрелецкую службу нельзя назвать легкой. Наиболее тяжелой из обязанностей было сопровождение проходивших по Волге судов, причем стрельцы были не только провожатыми, находящимися на судне для оберегания его от лихих людей, но и доставляли необходимую движущую силу, были на судне гребцами. На этой почве возникали всякого рода злоупотребления и недоразумения, для устранения и улаживания которых приходилось обращаться в Москву. В марте 1653 г. было велено посылать самарских стрельцов "в гребле и провожатых подо всякими людьми" только по подорожным грамотам³⁸. В 1673 г. стрельцы жаловались в Москве на то, что им не выдаются положенные прогоны, и пришлось посылать соответствующее напоминание воеводе³⁹. Кроме гребной повинности, весьма обременительной, если учесть положение Самары на Волге, была и другая тяжелая обязанность: езда в Москву "со всякими делы и с отписками", сплошь и рядом в зимнее время и без всякого особого вознаграждения. Правда, как показывают даты записей, сношения с Москвой по возможности приурочивались к периоду навигации, но постоянно встречались неотложные дела, требовавшие сношений с центром во всякое время года. Тяжесть положения усугублялась всякого рода злоупотреблениями со стороны начальствующих лиц, примеры чего уже приводились, когда речь шла о воеводах; но нередки жалобы и на сотников. Так, напр., в феврале 1659 г. по жалобе конных и пеших стрельцов приказано было произвести следствие о злоупотреблениях сотника Могутова и пятисотного дьячка Токмачева⁴⁰. В апреле того же года был смещен голова Полтинин, "а самарских стрельцов ведать и расправу меж ими чинить" приказано воеводе Давыдову⁴¹. Казенное содержание стрельца слагалось из денежного и

хлебного жалованья. Выдача последнего производилась не всегда своевременно, т.к. хлеб доставлялся сверху и в доставке бывали задержки. В 1661 г. самарские стрельцы захватили хлеб, шедший из Казани в Черный Яр, и поделили его между собой. После соответствующего челобитья последовало распоряжение этих "хлебных запасов на самарских стрельцах править не велено, а велено зачесть им те хлебные запасы в годовое жалованье впредь, а на Черный Яр вместо тех запасов велено тож число послать из Казани по весне"⁴². Размер денежного жалованья был крайне незначительным; только осенью 1662 г. "для хлебные и всякие дорогови" было приказано учинить самарским стрельцам годовые оклады "против соратовских конных и пеших стрельцов: конным по шти рублей, пешим по четыре рубли человеку"⁴³. Не удивительно, что иногда стрельцы предпочитали жалованью другие виды вознаграждения. В 1656 г. некоторым из них было отдано "самарское приставство... без откупа вместо государева жалованья"⁴⁴.

Иногда, особенно при коллективных выступлениях всех обитателей Самары, упоминаются как особая группа служилых людей пушкарки. Но приходится ограничиться лишь установлением факта наличия их здесь, т.к. никаких подробностей о них в документах не сохранилось.

После Разина появляется на сцену еще одна категория служилых людей. По грамоте из Казанского приказа от 14 декабря 1675 г. "по челобитью самарских иноземцев Якова Кошки с товарищи велено в Самарском уезде санные лишние покосы, которые у самарских жителей за дачами, разверстать им иноземцам"⁴⁵. Кто были эти иноземцы и что они делали здесь – из записки не видно.

Юртовые казаки

Своеобразную группу среди служилого населения Самары составляли так наз. юртовские казаки. Подобную особенность из всех низовых городов с Самарой разделял только Саратов. О существовании самарских юртовых казаков мы узнаем из двух записей: по одной (от 16 декабря 1653 г.) велено детям такого казака "отца их жеребьем владеть им безоборочно"⁴⁶, по другой (20 февраля 1659 г.) разрешено самарскому юртовскому казаку Стеньке Халевину

"на Самаре быть в пушкарях по Митькино место Мамонтова"⁴⁷. За разрешением вопроса о том, когда и откуда появилась здесь эта группа населения, приходится обратиться к другому архивному фонду. В столбцах Московской Оружейной Палаты сохранилась память из Казанского приказа от 24 июня (ля) 1626 г.⁴⁸ дьякам Гаврилу Облезову да Булгаку Милованову о том, чтобы дати яицким казаком атаману Максимку Гилянцу да казакам: Якушку Микитину, Семейке Петрову, Ивашку Васильеву, ...* Гришке Власьеву, Степанку Федорову, Ивашку Павлову по сукну по доброму человеку. Пожаловал их государь царь и великий князь Михаил Федорович всяя Руси за выход, что они вышли с Яика из юртов на житье на Самару с женами и детьми". Как видно из дьячей пометы, казаки получили по "4 аршина без чети сукна настрафилю лазоревого 2 рубли портище". Несомненно, что в приведенной памяти мы имеем далеко не исчерпывающий ответ на поставленный вопрос: юртовые казаки могли приходить в Самару на житье и до и после 1626 г. и при том не только с Яика. По крайней мере, часть их явилась именно в это время и оттуда. Происхождение термина объясняется тем, что, как видно из документов по Саратову, казаки обязаны были нести государеву службу за пользование юртами. О бесплатном пользовании юртом говорит и первая из приведенных выше записей. Вторая из них как бы показывает, что такое пользование не всегда в достаточной степени обеспечивало пользователя и скудное денежное и хлебное жалованье пушкаря являлось более заманчивым.

Посад

Несмотря на то, что наши нижеволжские города были основаны с определенными целями и долго сохраняли свое военное значение, наличие многих благоприятных условий очень рано стало привлекать в них для промыслов и торговли лиц неслужилого сословия. Уже в самом начале 20-х гг. XVII в. мы можем напр., в Саратове констатировать наличие посадского населения. По-видимому, так же рано посадская община возникает и в Самаре. Под

* Слово плохо читается.

1 августа 1626 г. мы находим запись о запечатании грамоты "по челобитью самарских посадских людей Куземки Щепкина"⁴⁹. Записи, имеющие отношение к самарскому посаду, немногочисленны и не дают возможности нарисовать хоть сколько-нибудь подробную картину жизни этого посада. На Самаре, как и везде, посадские люди обязаны были прежде всего тянуть государево тягло и служить всякие земские службы. Но так как самарский посад, по-видимому, отличался малолюдством, то службы должны были ложиться на него тяжелым бременем.

Цитированная выше запись говорит, напр., о том, что самарцы ходатайствовали и добились согласия на посылку к ним в головы на кабак "из Свияжска человека доброго". И двадцать лет спустя, в 1646 г. мы видим, что головы по-прежнему посылаются из Свияжска. Перед этим по кабаку случился недобор, и "по челобитью посадских людей Тишки Щепкина с товарищи велено из Свияжска голову Васька Петенка выслать на Самару и доправить на нем недоборные деньги, а другую половину доправить на целовальниках"⁵⁰. Тем же малолюдством можно объяснить и известие от 1658 г., согласно которого "казанцев посадских людей на Самару с деньгами и с хлебными и со всякими запасы и с вином для их малолюдства посылать не велено"⁵¹. Очевидно, до этого времени одна из государственных служб, обязательных для посада, обслуживалась не самарцами, как бы следовало ожидать, а казанцами, и последние, также ссылкой на малолюдство, добились освобождения от нее. Самарское малолюдство не мешало тому, что самарцев заставляли служить земские службы не только по своему, но и по чужим городам. Об этом говорит запись 18 июня 1651 г. "По челобитью Самарского города посадских людей Стеньки Щепкина с товарищи велено им службы служить на Самаре в земских службах, а на Царицын и в иные города посылать их не велено"⁵². В Царицыне неслужилое население было еще менее значительно, чем в Самаре ...* По-видимому, главной земской службой для самарских посадских людей было обслуживание кабака, таможен и ответственность за собираемые там доходы. В 1677 г. по челобитью кадашевцев Полунина и Володиминова "велено самарского та-

* Здесь Гераклитов хотел сделать вставку, но далее по тексту она отсутствует.

моженного голову нынешнего 185-го году Ганьку Щелкина и целовальников и дьячка с сборными книгами за поруками выслать к Москве"⁵³. Приведенная запись как бы говорит за то, что выборы в головы и целовальники производились ежегодно и эти должности кроме хлопот были еще связаны с тяжелой необходимостью в случае каких-либо недоразумений являться для отчета в Москву. Как видим, материал о самарской посадской общине весьма скуден и малохарактерен. Можно упомянуть еще только один документ, до некоторой степени бросающий свет на то, как пополнялась числом посадская община в Самаре. 7 июня 1673 г. в Казанском Дворце была подписана грамота, которой разрешалось отпущеннику кн. Мышецкого Гришке Синицыну "быть на Самаре в посадских тяглых людех"⁵⁴. Не видно, имелось ли в данном случае согласие самого посада на принятие Синицына, но разрешение исходило от органа центрального управления и как таковое могло быть получено лишь ценою многих хлопот и издержек.

Тезики

Весьма любопытна единственная, к сожалению, в своем роде запись от 6 мая 1621 г., гласящая о запечатании грамоты на Самару по челобитью "Потапка Волокитина – велено быть на тезитском дворе"⁵⁵. Тезиками в XVII в. назывались восточные купцы: персы, армяне, татары, бухарцы и даже индийцы. Т.о., запись свидетельствует о том, что во время ее составления в Самаре для тезиков существовало особое подворье, служба при котором предоставляла известные выгоды и которой, не боясь издержек, связанных с московской волокитой, добивался Волокитин. Присутствие тезиков на Волге в XVII, как и в XVI в., явление общеизвестное, т.к. главный путь сношений Московского государства с Востоком шел по Волге. Но при этих сношениях надобности в подворье именно в Самаре не представлялось, т.к. Самара в этом случае являлась простым попутным городом на дороге от Астрахани до Москвы, ничем не выделяясь из ряда других попутных городов, в которых тезицких дворов не было, да и быть не могло, ибо, как правило, иностранцы, кроме Москвы, могли иметь подворья лишь в порубежных городах. Исходя из этого можно думать, что был такой

момент, когда и Самара по отношению к тезикам являлась таким порубежным пунктом. Искомым моментом и было именно начало XVII в., эпоха смуты, когда затруднительность сообщения по Волге вынуждала нащупывать иные пути для сношений с востоком. Таким путем являлась сухопутная дорога от Самары степью на Яик, Эмбу и дальше на Ургенч, о которой сведущие люди в 1613 г. сообщали, что "оною дорогою ехать можно и бесстрашно". Несомненно, этой дорогой (т.к. путь через Астрахань был закрыт) прибыли в Самару те торговые люди – тезики, о которых в 1614 г. сообщал воевода Пожарский-Лопата. На этом пути, действительно, Самара являлась первым русским городом по дороге с Востока, а об интенсивности его использования говорит факт заведения здесь особого подворья для восточных купцов. Изолированность записи стоит в прямой связи с тем, что по наступлении успокоения на Волге сухопутная дорога, менее удобная, была оставлена, а подворье за ненадобностью упразднилось.

Церкви

Весьма скудны и малозначительны известия, касающиеся самарского белого духовенства, да и те относятся почти исключительно к одной церкви – Троицкому собору. В августе 1659 г. велено было соборному попу Якову Минину "давать государево жалование: денег по осьми рублев да хлеба по осьми четв. ржи а овса потому ж на год"⁵⁶. Из текста записи не видно, получало ли соборное духовенство ругу до этого времени. Меньше чем через два года оклад был повышен до 12 рублей в год и 12 четвертей ржи и овса⁵⁷. Преемники Минина – протопопы Григорий (в 1663 г.), Никита (в 1666) и Григорий Никитин (в 1673) каждый раз при вступлении в должность бьют челом о сохранении руги и получают соответствующую грамоту⁵⁸. Кроме Троицкого собора упоминается еще Никольская церковь: по челобитью попа этой церкви Матвея Яковлева в апреле 1675 г. было приказано "учинить ругу и давать против дачи отца его"⁵⁹. Размер руги не указан, но из документов ясно, что и раньше духовенство этого храма содержалось на казенный счет.

Монастыри

Непременной принадлежностью чуть ли не каждого поволжского города XVII в. являются монастыри, которые своим существованием обязаны не только своеобразному религиозному настроению людей того времени, но и, б.м., не в меньшей степени голой борьбе за существование. Были монастыри и в Самаре и притом, также как в Саратове и Царицыне, одновременно два – мужской и женский, оба по главному престолу Преображенские, причем первый иногда именуется и Спасским. Записи, касающиеся мужского монастыря, начинаются с 1631 г. В июне этого года по челобитью стольника Плещеева было велено дать суд на игумена самарского Преображенского монастыря⁶⁰. Предмет иска не указан, но принимая во внимание, что Плещеевы неоднократно фигурируют в самарских записях как челобитчики о возврате беглых крестьян, а также и известие от 1647 г. о крещении в Преображенском монастыре без установленного законом сыска беглых крестьян мурзы Епинеева⁶¹, позволительна догадка, что и здесь речь идет о крестьянах Плещеева, завлажденных монастырем. Одновременно запись показывает, что монастырь существовал до 1631 г. и, если верна наша догадка, к этому времени успел обзавестись хозяйством. Аналогично приведенному и известие от октября 1633 г. о том, что по челобитью игумена Феодорита с братьею "велено за ними крестьяном их жить по прежнему"⁶². Подтверждается, т.о., факт владения монастыря крепостными и, следовательно, наличие налаженного хозяйства. Вскоре после этого в жизни монастыря наступает важный перелом: он лишается своей самостоятельности и становится домовою патриаршей вотчиной*. По указу 22 июня 1648 года "велено великому господину святейшему Иосифу патриарху московскому и всеа Руси Самарского Преображенского монастыря вотчину взятую половину село Ильинское с деревнями и пустошами и со крестьяны и с пашнею и со всякими угоды и с мельницами и рыбными ловлями отдать в вотчину в дом Успенья пречистыя Богородицы и великих московских чудотворцев

* Ошибка Гераклитова в данном случае обусловлена состоянием используемого источника. Другие материалы свидетельствуют, что самарский Спасо-Преображенский монастырь стал патриаршим домовым уже в конце 1620-х гг.

Петра и Ионы"⁶³. Через несколько дней на имя патриарха была выдана жалованная грамота, из которой видно, что ему отдана не только указанная выше половина монастырских вотчин, но и самый монастырь "со всяким монастырским строением и в Самарском уезде село Рождественское на озере Киндере да село Ильинское под Лысою Горою с деревнями" и со всеми угодьями, в которых по описным книгам 150-го года числилось "паханные пашни и перелогом поросло и дикого поля и зарослей и дубров 3203 чети"⁶⁴. Из текста грамоты видно, что она является лишь подтверждением пожалованья 149-го, т.е. 1640-1641 года. Перед нами, т.о., факт необычайно быстрого роста самарского монастыря. В то время, как современные ему саратовский и царицынский монастыри в течение всего XVII в. жили казенным денежным и хлебным жалованьем, он в короткий срок успел обзавестись не только рыбными ловлями, что для приволжской обители естественно, но двумя селами с принадлежащими к ним деревнями и починками, огромным количеством земли и т.д. О причинах такого быстрого обогащения наши документы молчат; одно можно сказать с уверенностью, что все эти богатства не результат усердия жителей бедной и малонаселенной Самары. При таких обстоятельствах еще менее ясна причина приписки монастыря к патриаршей кафедре. Несомненно, что последней выгодна была такая комбинация, но, очевидно, были какие-то выгоды и для монастыря, если он пошел на потерю самостоятельности. Б.м., играло роль изъятие его из компетенции епархиального начальства и уверенность всегда найти надежную защиту от притеснений местных властей в лице сильного патрона и могущественную протекцию при всяких домогательствах. Последующие записи, как будто, подтверждают такое предположение. В 1653 г. по челобитью патриарха Никона приказано не взыскивать пошлин с монастырского рыбного промысла и отменяется правож 50 руб. таможенных пошлин на строителе монастыря Авдее и его крестьянах⁶⁵. В 1657 г. монастырю отдаются безоброчно рыбные ловли "от большие бани вверх по Самаре до Красного Яру, что ниже реки, по обе стороны Самары реки от нижней изголови Красного Яру вверх по Самаре ж реке по Кинельскому устью вверх по Кинели... да в Волге реке велено рыба ловить на свечи

и на ладан четырьмя связки"⁶⁶. Когда в 1668 г. у монастыря вышли какие-то недоразумения с сенными покосами, то по челобитью патриарха Иосафа следствие было поручено произвести не самарскому, а симбирскому воеводе⁶⁷. Пользуясь своим привилегированным положением, монастырь принимает беглых крестьян не только издалека, но переманивает их у своих же соседей, самарских помещиков, как показывает жалоба самарянина Филитова в 1659 году⁶⁸. Самарские воеводы получают наказ не чинить монастырю никаких "налог, продаж и обид"⁶⁹.

Несравненно меньшее значение имел женский "девичий" монастырь, также несомненно уже существовавший в 1-й половине века. По грамоте, датируемой апрелем 1658 г., "по челобитью самарского Преображенского девичья монастыря старицы Пелагеи с сестрами велено им давать жалованья всем ровно и с прежним их окладом: денег по рублю да хлеба по чети с осминою ржи, овса тож, двадцати семи старицам"⁷⁰. Ни о каких селах, деревнях, земельных угодьях и рыбных ловлях нет и помину. Приходилось жить на скудное казенное жалованье, да к тому ж ограниченное строгим штатом. Точно в таком же положении, впрочем, находились женские монастыри царицынский и саратовский; в последнем даже и штат сестер близко подходил к самарскому: 29 монахинь и игуменья, но последняя получала не рубль, а целых два рубля в год. Не имея хозяйственного значения, женский монастырь играл роль богадельни для вдов самарских служилых людей. Таким вдовам разрешалось поступать на выбылые места, т.е. на освободившиеся вакансии, без вклада: "велено ей на Самаре в том монастыре без вклада быть на первое убылое место и монастырскую всякую удель ей давать против прочих сестер"⁷¹. Т.о. монастырь не получал и того дохода, каковым являлся обычный вклад для вновь поступающих монахинь.

Весьма загадочным представляется третий монастырь, имя которого связано с Самарой. 10 февраля 1660 г. запечатана грамота на Самару "по челобитью Самарского уезду Вознесенские пустыни, что на Девичьих Горах, старца Варлама с братьею о сыску пропорожнюю землю и рыбные ловли"⁷². Это распоряжение повторено 4 июня 1667 г., причем челобитчиком выступает черный поп Фе-

рапонт⁷³. Дальнейших сведений о пустыни не встречено. Тот материал, который дают записи, показывает, что речь идет о только что зарождающемся монастыре, еще не имеющем ни земли, ни рыбных ловель. Ясно также, что монастырь находился не в самой Самаре, а в ее уезде, в Девичьих Горах. Как известно, под этим именем слывут приволжские возвышенности, тянущиеся по направлению от Хвалынска к Вольску. Для позднейшего времени нет никаких известий о существовании здесь монастыря, но близ Хвалынска в лесной глуши горных ущелий сохранились пещеры, с которыми народ связывает предание о существовании здесь в глубокой древности каких-то отшельников.

Но значение монастырского хозяйства в жизни Самары далеко не исчерпывалось только теми монастырями, которые существовали только в ней самой. И иногородние монастыри имели прикосновенность к Самаре. Одна из богатейших московских обителей, Чудов монастырь, еще при Шуйском получил жалованную грамоту на рыбные ловли в самарских водах. Пожалование было подтверждено в 1653 г.⁷⁴, и, между прочим, Чудову монастырю принадлежал в Самаре двор, где жили монастырские доверенные, ведавшие рыбным промыслом⁷⁵. В самарских ж водах оперировал и другой домовый патриарший монастырь – Нижегородский Благовещенский, о прикосновенности которого к Самаре начинают встречаться известия с конца 1630-х гг. Уже в это время монастырь, по-видимому, имел здесь для своих надобностей доверенных лиц⁷⁶. В 1650-х гг. Благовещенский монастырь получает на оброк Васильчиковские воды от Безенчиковской* воложки наниз и ловли в Печерских Горах наниз до Казачьих Гор⁷⁷ на десять лет. Но воевода Леонтьев до истечения срока переоброчил часть вод самарским посадским людям, о чем и производилось по жалобе монастыря следствие⁷⁸. По окончании договорных лет монастырь вновь арендовал часть ловель в Печерских водах, но уже в этот раз только на два года⁷⁹.

По каким-то, неуловимым из наших документов, причинам Благовещенский монастырь сходит со сцены, и его место занимает Саввин Сторожевский. Последнему в феврале 1672 г. отдаются "на пропитание братии безоброчно" Самарские воды и Ше-

* Скорее всего, нужно писать через у.

лехмецкий затон и Печерские и Васильчиковские рыбные ловли, которые были за Благовещенским монастырем⁸⁰. В июне 1673 г. к этому присоединяются Мордовые рыбные ловли, Брусяной юрт и ловли в Казачьих Горах⁸¹, а 1 июля того ж года право рыбной ловли во всех перечисленных угодьях "беспошлинно и безоброчно" подтверждается жалованной грамотой⁸².

Самарские доходы

Сохранилось до странности мало сведений о местных самарских откупках. По этому вопросу встречена только одна запись 1626 г. о присылке воеводой Дашковым "с самарянином сыном боярским с Потапом Волокитиным с самарских откупных доходов на прошлые на 131-й и на 132-й и на 133-й и на нынешний 134-й год печатных пошлин по росписи с откупов и с челобитей 38 руб. 22 алтына 5 денег"⁸³. Огульная цифра пошлин, взысканных самарскими воеводами при сдаче на оброк откупов, ничего не говорит ни о видах самих откупов, ни о доходах, получаемых с них казной. А такие откупа должны были быть и многообразны и довольно ценны. Аналогичная запись по Саратову от 31 января 1659 г.⁸⁴ перечисляет следующие виды местных откупов: с избных недель и с кабацких приставств, с зимних рыбных ловель, с юртов и с юртовских казаков, с летних рыбных ловель с местных ловцов, тоже с ловцов верховых городов; другие записи добавляют зимние ловли⁸⁵, с торговой бани, с квасу, с сусла, с портомойных плотов, с перевозов через Саратовку и через Волгу, с конской извозни, с уксуса, морса, зимних прорубей⁸⁶. Все эти виды мелких оброчных статей, по своей незначительности не привлекавших крупных откупщиков из Кадашевской слободы и других городов, сдавались на откуп непосредственно воеводами на местах, а взыскиваемые при этом пошлины отсылались в Печатный Приказ. Как раз 8 апреля 1653 г. подьячим Тихоновым было представлено таких пошлин по Саратову 38 руб. 1 алт. 1¹/₂ деньги⁸⁷, т.е. сумма очень близкая к той, какая упоминается в самарской записи. Основываясь на подобном совпадении, можно с некоторой долей вероятности предполагать, что сумма дохода с самарских оброчных статей приблизительно равна таковой же со статей саратовских. Правда, при

этом необходимо учитывать то обстоятельство, что поступавшие в пользу Печатного Приказа пошлины складывались из взысканий двух родов: с челобитных – по полуполтине с человека и собственно печатных, взимаемых в размере $7\frac{1}{2}$ денег с рубля, или почти 4% суммы откупа или подряда. Т.о., при совершенно одинаковых итогах цифры составляющих их челобитных и печатных пошлин могут комбинироваться разными способами. В общем же, конечно, при одинаковости суммы пошлин, можно предполагать и одинаковую приблизительно сумму откупа. Исходя из этих соображений приблизительно стоимость самарских мелких откупов возможно принять в 450 р., с каковой суммы саратовский воевода взыскал свои 38 руб. Но эти 450 р. приходится на целые четыре года и, т.о., на каждый год падает всего 110-115 р. Как бы ни распределялись отдельные статьи дохода, но несомненно, что незначительность его по сравнению, напр., с доходом саратовским очень показательна. Нельзя думать, чтобы в Самаре отсутствовало большинство откупов, которые мы видим в Саратове. В ней также должны были существовать перевозки через Волгу и Самару, проруби и портомойни, летние и зимние рыбные ловли, конский извоз и т.д. Незначительность откупов с этих статей свидетельствует и о незначительности самого города. Этому имеется и прямое доказательство. На 1626 г. нижегородец посадский человек Ларька Иванов снял в откуп в Самаре баню, сусло, квас и откуп* из оброка в 46 руб. 6 ал. 4 деньги⁸⁸. При этом он взял к себе в компанию некоего Онашку Онিকেва. Но уже в следующем году компаньоны просили снять с них этот откуп, и воеводе было приказано отдать его охотчим людям, даже и без обычной наддачи. На случай, если бы не нашлось охотников, велено было собирать банный доход "на государя на веру"⁸⁹. Только через несколько лет нашелся другой охотник, опять нижегородский посадский Богдашко Суботин, который в феврале 1633 г. снял в откуп баню, сусло и квас на 5 лет из оброка в 48 р. 4 гривны⁹⁰. Затруднительность сдачи бани на откуп и незначительность откупной суммы свидетельствуют о незначительности числа

* Ошибка Гераклитова. В документе говорится не об откупе, а об уксусе (РГАДА. – Ф.233. – Оп.1. – Д.7. – Л.146).

клиентов этого полезного и необходимого казенного предприятия. Саратовская баня давала казне куда больший доход.

Одной из важнейших статей казенного дохода являлся знаменитый "царев" кабак, без которого не мыслится ни одно сколько-нибудь рачительное русское поселение XVII в. Нет надобности доказывать, что подобное учреждение существовало также в Самаре и к поднятию его доходности самарские воеводы, как и воеводы всякого другого города, направляли сугубое старание. К сожалению, ввиду дефектности фонда в нашем распоряжении имеются далеко не полные сведения о судьбе и оборотах самарского кабака. По-видимому, до 1626 г. кабак не сдавался на откуп, а доход с него собирался на веру. 1 августа 1626 г. "по челобитью самарских посадских людей Куземки Щелкина велено к ним в головы на кабак выбрать из Свияжска человека доброго послать"⁹¹. Просьба, без сомнения, объясняется малочисленностью посадского населения в Самаре того времени и затруднительностью для него своими силами обслуживать такое громоздкое, беспокойное и ответственное дело. Но уже в 1634 г. мы встречаемся с откупщиком, как и следовало ожидать кадашевцем Иваном Серповым, по челобитью которого "велено заказ учинить, чтоб в Самарской уезд с вином не приезжали и не продавали"⁹². Тот же Серпов выступает в качестве откупщика и в 1644 г. По его челобитью ему отдан самарский кабак "на три года без перекупных и без печатных пошлин, потому что ему тот кабак отдан на откуп из наддачи против большого сбора 150-го году"⁹³. Серпов должен был платить откупа по 964 р. 7 денег в год. Из текста записи явствует, что в 150-м, т.е. в 1641-42 гг. откуп с кабака достиг своего максимума, что большей суммы выручить уже не представлялось возможным и пришлось отдать его прежнему откупщику на льготных условиях, не только без перекупки, т.е. без новых торгов, но и без наддачи и, даже, без взыскания печатных пошлин, которых причиталось в данном случае больше 100 р. (109 р. 7 ал.). Все это указывает на падение доходности кабака. Проследить такое падение сведениями, близкими к данному времени, не представляется возможным, но и 20 лет спустя откупная сумма далеко не достигла уровня 150-го года. 4 мая 1669 г. последовало распоряжение о сдаче самарского кабака на три года гороховлянину посадскому человеку Семену Ершову. "А откупу веле-

но ему Семену с того кабака платить старого и с новою наддачею и с пошлинами по 800 по 50 по 3 рубли по 16 алтын по 2 деньги на год"⁹⁴. Т.к. кабак сдан с наддачею, то, очевидно, перед этим он ходил еще за более низкую цену. О падении оборота свидетельствует и другая запись, касающаяся того же Ершова: весной 1670 г. "велено вместо самарского остаточного вина, которое ему отдано, тож число 292 ведра с полуведром отвезть в Астрахань на кружечный двор"⁹⁵. Самарцы, т.о., не выпили всего заготовленного для них вина, и остаток пришлось отправлять в Астрахань. Любопытно отметить для сравнения, что саратовский кабак в 1650-м году сдан на откуп за 1681 р. с копейками. Сопоставление оказывается еще менее выгодным для Самары, если мы примем во внимание, что монополия местного откупщика, как мы видели из цитированной выше записи, распространялась не только на Самару, но и на ее уезд, имевший уже довольно значительное население. Саратов же до пол. XVIII в. оставался городом безуездным.

Самарский кабак, как учреждение центральное, должен был иметь свои филиалы. По-видимому, об одном из них говорит запись 3 марта 1651 г.: "по челобитью кадашевца Дементия Иванова с товарищи велено ему в Самаре за городом за Вознесенскою слободою за огороды на кабацкое питье место под погреб и под избы отвезть"⁹⁶. Но, б.м., здесь речь идет не о заведении для продажи кабацкого питья, а лишь о складах для его хранения, которые для безопасности от пожара были устроены далеко за городским поселением, даже за огородами.

Рыбные ловли

Наиболее важными казенными оброчными статьями в Самаре являлись "воды" или "рыбные ловли" – рыболовные угодья, расположенные по Волге, и юрты, лежащие по более мелким рекам внутренней части уезда. Относительно сдачи на оброк важных рыбных ловель сохранилось несколько десятков записей с 1613 г. и до конца 70-х гг. века. На основании этих записей можно составить довольно отчетливое представление, во-первых, о местоположении ловель, а следовательно и о протяжении уезда по течению Волги, затем о лицах, заинтересованных в местном рыболовстве, и, наконец, о тех доходах, какие извлекала казна от отдачи ловель

на оброк. Весьма возможно, что ответы на эти вопросы не будут вполне исчерпывающими, т.к., с одной стороны, в серии записей, касающихся самарского рыболовства, имеются пробелы, а с другой – часть вод могла сдаваться непосредственно самими воеводами на месте и взыскание пошлин с грамот пройти мимо Печатного Приказа.

Обращаясь к первому вопросу – в каких именно урочищах по Волге были расположены ловли – приходится считаться с тем, что в более ранних записях содержится мало подробностей по этому поводу. В большинстве случаев мы имеем перед собой глухое указание: "песок", "рыбные ловли", "самарские рыбные ловли" без ближайших топографических определений. Только с течением времени указания на местоположение становятся подробнее. На 141-й год с весны Артюшке Федорову велено "владеть Елань-Иргизскими водами"⁹⁷. На 147-й год Чудову монастырю сдаются на оброк Чагринские воды и Черный затон⁹⁸. В марте 1643 г. Петрушка Лукьянов снимает на три года Печерские воды⁹⁹. Получает более точное определение и "песок" ранних записей: на 152-й год его берут на оброк "самаряне всяких чинов люди", причем границы песка указываются "против города песок, что наниз по тал против быков, а вверх по верхнюю изголовь Смертина острова"¹⁰⁰. В 1647 г. Кокорев снимает "рыбные ловли юрт Васильчиков Вольный"¹⁰¹. В 1653 г. к Чагринским водам, кроме Черного затона, присоединяется и Сосновый Остров, по нижнюю изголовь которого сдаются воды Софронову¹⁰². В этом же году Богданов берет на оброк рыбные ловли "с Паншины Воложки, что с верхние изголови, по Чагринский приверх по обе стороны Волги реки, опричь Черного Затона, сплавные связочные ловли да вешние рыбные ловли, что в Печерских водах от Васильчиковой воложки... и с Печерскою косою"¹⁰³. А Борис Иванов арендует "Деревянные воды, что от Оханного острова наниз Волгою рекою до Черного Затона по обе стороны Волги реки"¹⁰⁴. В 1654 г. Мухину сдается не только песок против города, но и "Теленковские воды зверовые и с рыбною ловлею Дрячевский да Соковский пески по старым рубежам"¹⁰⁵. В 1658 г. к Деревянным водам, о которых упоминалось выше, присоединяются Гневашевские воды, лежащие "от Соснового Острова от нижней изголови наниз по Волге реке по Хорошей Остров по верх-

нюю изголовь"¹⁰⁶. В следующем году Михалев получает на оброк кроме Чагринских вод плавные вязочные* ловли "Тушинских вод, тож от Скопинской прорвы наниз до старые Шелехмецкие косы по обе стороны Волги реки с пески и с осередки да рыбные ловли вешние мордошные ловли вверх по Волге реке от Барабашины поляны от верхние изголови наниз по камень, что выше дальних надолоб, да плавные же вязочные ловли что в Казачьих горах от оползино наниз ... по Паншину Воложку"¹⁰⁷. В записи о сдаче вод Зверутину 4 мая 1659 г. границы Деревянного юрта определяются от Оханного острова по Черный затон, а Чагринского юрта – от Черного затона по нижнюю изголовь Соснового острова и по Ремисинову воложку; к Соковским же водам присоединяется Грохотовский остров¹⁰⁸. В записи о сдаче ловель Маркелову в Самарском юрте упоминаются Костоватовские воды¹⁰⁹. Позднейшие записи не пополняют приведенного списка урочищ, и, по-видимому, этим исчерпываются все волжские рыболовные угодья, подлежавшие так или иначе компетенции местного воеводы.

Не столь подробный ответ дают записи на второй вопрос: кто именно являлся съемщиком самарских рыбных ловель. Наиболее ранние записи дают только имя арендатора, иногда лишь указывая на социальное его положение – "посадский человек", без иных подробностей. Да и более поздние записи не богаты этими подробностями. Из записи 21 января 1621 г. об одновременном запечатании двух грамот на Самару и на Саратов видно, что рыбные ловли сданы крестьянину с. Ворсмы, принадлежавшего тогда боярину кн. Ив. Борис. Черкасскому, Митьке Федорову¹¹⁰. Урочища в записи не указаны, но т.к. грамоты об одном и том же предмете адресованы самарскому и саратовскому воеводам, нужно думать, что речь шла об Иргизских водах, считавшихся общими между Самарой и Саратовым. Воды эти вскоре поступили во владение Новоспасского монастыря, почему и не упоминаются больше в самарских записях. В 1635 г. в качестве откупщика выступает нижегородец Мишка Воинов¹¹¹; в 1637 – нижегородец же посадский человек Ивашка Агапитов, снявший самарские воды (без точного указания – какие) на два года¹¹². На 1639 и 1640 гг. берет рыбные

* Обычно употребляют термин "вязочные".

ловли на откуп Захарка Поздеев¹¹³; из современных саратовских записей мы узнаем, что и Поздеев был посадским человеком Нижнего Новгорода. В это же время арендатором Чагринских вод и Черного затона выступает московский Чудов монастырь¹¹⁴, облюбовавший эти места, получивший их потом по жалованной грамоте и заселивший здесь ряд селений, между прочим современный г. Хвалынский. На 1644 г. ближайшие к городу ловли берут в оброк самаряне всяких чинов люди¹¹⁵. Через 11 лет, а именно в августе 1655 г., эти воды пожалованы жителям Самары безоброчно, для ловли рыбы "про себя, чем им сытым быть"¹¹⁶. Кадашевец Иван Серпов арендует самарские рыбные ловли с 1 апреля 1646 г. на три года¹¹⁷, а с 1 марта этого же года на 5 лет берет на домовый обиход часть вод и сам святейший Иосиф патриарх Московский¹¹⁸. Михаил Софронов, гостинной сотни торговый человек, берет на откуп с весны 1653 г. "впредь до перекупщиков" те воды, которые незадолго перед этим арендовал Чудов м-рь¹¹⁹. Выше лежащий участок в том же году достается кадашевцу Герасиму Богданову¹²⁰, а Деревянные воды арендует гороховлянин посадский человек Борис Иванов¹²¹, которого в следующем году сменяет кадашевцем – же Ганька Петров¹²². Оброчные статьи, бывшие в откупе за Богдановым, переходят с 1656 г. самарскому посадскому человеку Ганьке Федорову¹²³. Драгочевский* и Сокский пески с 1658 на три года берет кадашевцем Онофрий Михайлов¹²⁴, а известный уже нам Богданов выступает арендатором и в 1659 г.¹²⁵ Зимние ловли на всем огромном протяжении от Соковских вод до Соснового острова с 1 сентября 1659 г. на три года берет на оброк самарский пеший стрелец Ивашка Зверутин¹²⁶, а самарский пушкар Ивашка Маркелов берет на откуп Костоватовские воды с 1661 по 1664 г.¹²⁷ Те воды, что держал на откупе Богданов в 1660 г., на шесть лет сдаются члену суконной сотни Василию Шиловцеву¹²⁸, а сам Богданов снимает Драчевский песок и Вороний осередок¹²⁹. Наконец в 1661 г. выступает на сцену стольник кн. Юрий Иванович Ромодановский, промышленники которого на десять лет получают право ловить во всех самарских водах¹³⁰, а в 1668 г., по-видимому в тех же водах,

* Ошибка, правильно "Драчевский".

в лице своего домового Благовещенского монастыря и тоже на 10 лет как откупщик фигурирует патриарх Иосаф¹³¹.

В этом, довольно длинном, перечне откупщиков прежде всего бросается в глаза почти полное отсутствие съемщиков из среды местных самарских обывателей. Только воды, непосредственно примыкающие к городу, берутся на откуп, и то не кем-нибудь единолично, а целым, так сказать, городским обществом. Аренда самарянами пригородных вод не только понятна, но представляется для них совершенно неизбежной, т.к. при допущении постороннего съемщика создалась бы масса неудобств всякого рода. Откуп пригородных вод, принимая во внимание их малоценность и количество участников, конечно не имел промышленного значения. Воды арендовались, чтобы избежать неудобного соседства и, как сказано в позднейшей жалованной грамоте на них, про себя чем сытым быть. В качестве откупщиков-промышленников самаряне выступают в известных нам документах только два раза: Ганка Федоров берет на откуп самарские связочные плавные ловли и стрелец Зверутин арендует однажды зимние ловли. При этом только по отношению к Федорову можно говорить о промышленном рыболовстве, что же касается Зверутина, то зимние ловли не были промышленными в собственном смысле, да и сама сумма в 17 р. с небольшим за пользование угодьями, раскинутыми на сотни верст, не говорят за серьезность предприятия. Настоящими промышленниками здесь являются кадашевцы, члены суконной сотни, лысковцы, нижегородцы и гороховляне, т.е. представители нарождающегося торгового капитала, в руках которых в то время сосредотачиваются вообще все виды торговли и промышленности в среднем и нижнем Поволжье. К концу периода на сцену выступают и другие сильные денежным капиталом кланы общества – боярство, а затем и высшее духовенство, которое по отношению Самары и выходит победителем в создавшейся конкуренции, устранив с поля битвы более слабых соперников.

По вопросу о доходах, извлекаемых казной от самарских рыбных ловель, придется довольствоваться очень разрозненными сведениями, почти не поддающимися сводке, т.к. ловли сдавались на оброк отдельными угодьями, группируемыми в различных комби-

нациях, и едва ли возможно выделить из них один какой-нибудь участок с тем, чтобы проследить его арендную стоимость на протяжении всего периода. Но даже и при этих условиях возможны все же некоторые, не лишённые интереса, выводы.

Для оценки размера казенных доходов с самарских рыбных ловель необходимо иметь также в виду, что сдача ловель в самой Самаре или вовсе не производилась, или производилась на очень мелкие суммы местным рыболовам, о чем можно судить по мизерности собираемых самарскими воеводами печатных пошлин и из сравнения их с соответствующей статьёй доходов по Саратову. Наиболее крупной суммой, зафиксированной записями, был оброк с кадашевца Серпова в 117 руб. 24 алтына $2\frac{1}{2}$ деньги, но Серпов арендовал не только ловли, но и юрты и за невозможностью установить, какая часть падает на последние, от оперирования с этой цифрой приходится отказаться. В общем, как правило, оброчные суммы проявляют тенденцию к увеличению; почти во всех случаях мы встречаемся не только с так наз. старым оброком, но и с "новой наддачею", которая как бы является обязательным условием при сдаче угодий в аренду. Конкретные цифры, в тех случаях, когда можно установить, что речь идет об одних и тех же угодьях, подтверждают это. В 1639 г. Чудов м-рь платил за Чагринские воды с Черным затоном 17 р. 4 деньги, с 1653 г. Софронов берет их на оброк за 20 р. 11 алтын. В 1653 г. арендная плата за Паншину воложку и Печерские воды выражалась суммой в 15 р. 20 алт. 1 д., а в 1656 г. поднялась до 29 р. 25 а. Деревянные воды в 1653 г. ходили за 12 р. 22 алт. 4 деньги, а в 1660 – за 17 руб. 5 алт. Одни и те же ловли снимались Богдановым в 1659 г. за 52 р. 24 алт. и через три года Шиловцевым за 57 р. 32 алт. и т.д. Рост дохода, т.о., устанавливается как будто с несомненностью. Но вместе с тем абсолютная цифра его ограничивается весьма скромными размерами, не превышая до самого конца нескольких десятков рублей. Когда все рыболовные угодья концентрируются в одних руках, сначала кн. Ромодановского, а затем патриарха, то весь доход с них в первом случае выражается в 67 р. 30 алт. 1 деньге и во втором – 70 р. 3 алт. 1 д.

Такой доход не может идти в сравнение не только с доходами оброчных статей в низовьях Волги, где ежегодный оброк за один

учуг достигал нескольких тысяч рублей, но даже и соседнего Саратова. Малоценность самарских вод косвенно подтверждается и тем, что со стороны самого крупного капиталиста того времени – царя мы не видим попыток обосновать промыслы в Самаре на подобие того, как было в Саратове, где существовал особый рыбный городок. Единственный намек на существование государственного промысла в самарских водах можно усмотреть лишь в записи 29 апреля 1652 г., согласно которой "по челобитью из Нижнего Новгорода земского старосты Проньки Зори и во всех посадских людей место велено на Самаре беречь накрепко, чтоб государевой оханной рыбе от самарских рыбных ловцов и ото всяких проезжих людей порухи не было"¹³². Подтверждается малоценность угодий и той оговоркой, какая встречается в арендных договорах: "а буде в тех водах есть большая рыба – и ту рыбу велено ловить на великого государя"¹³³. Крупная ценная рыба была здесь случайностью, а не постоянным явлением.

Все изложенное приводит к убеждению, что в XVII в. рыбный промысел в самарских водах, несмотря на огромное их протяжение, не имел серьезного промышленного значения, что сами жители Самары были заинтересованы в нем очень слабо и что в конечном счете путем устранения мелких арендаторов он сосредотачивается в одних руках с полным устранением из него местного населения.

Юрты

Различие между "водами" и "юртом" заключается главным образом в объекте промысла: в первом случае целью его является исключительно рыба и продукты рыболовства, во втором – зверь и попутно только рыба. На юго-восточной окраине XVII в. юрт почти совпадает поэтому с ухожьем. В зависимости от различий рода промысловых животных различно и местоположение вод и юртов. У нас "воды" расположены исключительно по Волге и более ограничены берегами ее; юрты же расположены большей частью внутри края по мелким рекам и речкам, лишь иногда захватывая волжские займища. Записи о самарских звериных юртах немногочисленны и начинают попадаться с довольно позднего времени.

Наиболее ранним известием следует признать запись 18 апреля об отдаче на откуп кадашевцу Серпову кроме самарских рыбных ловель и звериных юртов на три года с 1 апреля 1645 г. из оброка в 117 р. с копейками¹³⁴. Сколько из этой суммы падает собственно на юрты и где они расположены – не указано.

В 1646 г. вдовый поп Степан Тихонов берет на откуп юрт в Самарском уезде, "что вверх по Самаре от Кинельского устья до дубров со всеми угодии" на 5 лет из ежегодного оброка в 7 руб. 10 денег¹³⁵. Т.к. в тексте записи фигурирует новая наддача, то следует признать, что этот юрт и до Тихонова уже сдавался из оброка и он не является его первым съемщиком. Без указания местоположения (конечно только в записи) сдается с 1 сентября 1646 г. по 1 сентября 1651 г. "юрт с займищи и с озера и с рыбною ловлею и со всеми угодии" самарянину Екимку Часовникову с платою по 11 рублей по 4 деньги на год¹³⁶. Здесь, как и в только что приведенном случае, мы имеем дело с переоброчкой. С 1 сентября 1650 на три года отдаются на откуп самарскому посадскому человеку Якушке Тиханову "самарские юрты Мочинской и Сосновский" с зверовыми и с рыбными ловлями; оброку с него положено по 44 руб. 10 алт. 1¹/₂ деньги на год¹³⁷. Самарский конный стрелец Фомка Капканщик, уже самое прозвище которого определяет род его занятий, в начале 1651 г. берет в откуп на три года из оброка в 14 р. 31 алт. "на Самаре юрты, что от большие бани наниз по Самаре до Татьянина Ерка и Татьянин ерок по обе стороны с займищи и с озера и с ерки и с степною речкою по Кривушинский затон"¹³⁸, т.е. угодья, расположенные в самом близком расстоянии от города. Одновременно с Капканщиком его сослуживец "Самарского города" конный стрелец Фомка Григорьев арендует юрт "с Васильчиковы воложки, что по Скопин берег" за 10 рублей и 7 денег в год¹³⁹. Юртом, "что на Черном Яру, займищем и в займище озера по обе стороны Волги реки, затонами и косами, звериною и рыбною ловлею" владеет с осени 1654 г. крестьянин с. Ловца Переяславль-Рязанского уезда Стенька Гридинский с платой по пяти рублей по два алтына с полденьгою на год¹⁴⁰. В июне 1654 г. самарскому посадскому человеку Петрушке Щелкину велено "самарским Мочинским средним юртом с займищи и с озера и с заппадными ерки зверовое и с рыбною ловлею владеть на откупу... три

годы" с платежом 13 р. 8 ден. ежегодно¹⁴¹. Самарский пеший стрелец Ивашка Зверухин в 1658 г. арендует Кинярский юрт из оброка в 15 р. 22 алт. 5 1/2 д.¹⁴² Маленький юрт – Костоватовские воды – берет с 1660 г. на откуп самарский пушкарь Ивашка Маркелов, платя всего 3 р. 17а. 3 д. в год¹⁴³. В июне того же 1660 г. "по челобитью Самарского уезда села Рождественского крестьянина Куземки Арзамасцева велено самарскими Соковским и Кинельским юртом владеть... на откупу" с ежегодным платежом 42 р. 27 а. 4 1/2 д.¹⁴⁴ К концу периода на сцену выступает крупный съемщик кадашевца Онофрий Михалев. Местоположение угодий, находившихся в его пользовании, не указано, и известна только сумма аренды: с 1 сентября 1659 г. за самарские юрты он платит по 20 р. на год¹⁴⁵, а с 1664 г.* уплачивает уже по 67 р. 9 а. 1/2 д.¹⁴⁶ Разница в сумме платежа показывает, что во второй раз Михалев брал на откуп более обширные угодья, чем первоначально.

Обращаясь к тем выводам, которые можно сделать на основании цитированных выше документов, необходимо прежде всего иметь в виду, что мы располагаем сведениями не о всех самарских юртах. За это прежде всего говорит сама разрозненность, случайность таких сведений. Вторым доказательством является существование целой социальной группы – юртовых казаков, отправлявших службу за пользование юртами. Т.о., с уверенностью можно сказать, что число юртовых угодий далеко не исчерпывается тем списком, который можно составить на основании записей; несомненно, их было больше. При таком, более чем вероятном, допущении несколько иной смысл получают и цифры оброчных доходов. Уже взятые в отдельности, эти цифры немногим ниже тех, что выручались за рыбные ловли; при уверенности же, что не о всех сдававшихся в аренду юртовых угодьях сведения у нас имеются, создается впечатление, что казенные доходы от юртов не уступали доходам с вод и, следовательно, эксплуатация их была не менее доходной. Самая эксплуатация, в противоположность рыбным ловлям, велась преимущественно жителями Самары и ее уезда, а если учесть наличие юртовых казаков, то заинтересованность самар-

* Текст плохо читается, поэтому пришлось проводить реконструкцию по использованному Гераклитовым документу.

цев в юртовом промысле еще больше бросается в глаза. Со второй половины века и в этот промысел проникает крупный торговый капитал в лице кадашевцев. Отсутствие сведений за время после 1660-х гг. лишает возможности узнать результат борьбы такого капитала с местными промышленниками, но б.м., в результате этой борьбы последним пришлось обратиться к далеким верховьям Яика, куда пока еще не достала цепкая лапа предприимчивого кадашевца.

Из единственной в своем роде и коротенькой записи от 20 февраля 1639 г., согласно которой "по челобитью Ивана Поликарпова велено ему землю дать на оброк"¹⁴⁷, видно, что кроме рыбных ловель и юртов источником казенного дохода служила также и земля. Трудно представить себе какой-либо иной способ эксплуатации ее, по условиям времени и места, кроме сельскохозяйственного промысла. При таком, наиболее вероятном допущении, мы имеем перед собой еще один факт в пользу весьма раннего по сравнению, напр., с соседним Саратовом, возникновения в Самарском крае земледельческой культуры.

Помещики

Наиболее характерной чертой, отличающей Самару от всех городов, лежащих ниже ее по Волге, является то обстоятельство, что здесь еще в XVII в. сложился не только уезд, как объединенная в административном отношении территория, но появился и свой местный дворянско-помещичий элемент. В то время, как в упомянутых выше городах за весь XVII в. мы не наблюдаем ни одного случая, когда саратовский, царицынский, черноморский и т.д. служилый человек осуществил бы свое право на поверстанье помещьем по тому городу, с которым он был связан службой, в Самаре очень рано являются охотники использовать свое право на испомещение в Самарском уезде. Это обстоятельство, ставя Самару в ряд с огромным большинством остальных русских городов того времени, несомненно накладывало на нее особый отпечаток, отличающий ее от городов – братьев Саратова и Царицына, одновременно с нею и под влиянием одинаковых причин возникших.

Наиболее ранний случай испомещения самарского служилого человека, известный нам из книг Печатного Приказа, относится к 1643 г. В этом году по челобитью Михаила Филитова велено было отделить ему 30 четвертей¹⁴⁸. По-видимому, еще раньше, а б.м. и позже, Филитов получил еще столько ж, т.к. в 1649 г. его детям самарянам Никите, Ивану и Роману велено "отказать отца их поместье в Самарском уезде на шестьдесят четь"¹⁴⁹. Дело не ограничилось только одним отводом поместья, т.к. Филитовы поселили на отведенной им земле и крестьян. По челобитью одного из них – Никиты М-ча Ф. в январе 1656 г. последовало распоряжение учинить этим крестьянам, за какую вину – неизвестно, наказание¹⁵⁰. По челобитью тех же трех братьев Филитовых в мае 1666 г. было велено "в Самарском уезде порожнюю землю дикое поле досмотря на тридцати чети отказать им ... по десяти чети человеку в поместье"¹⁵¹. Один из братьев – Роман – умирает до 1673 г. и по челобитью его вдовы Ирины в январе этого года разрешено было оставшееся после него поместье отказать двум лицам – В.С.Алферьеву – 20 чет. и брату покойного – Ивану 10 четвертей¹⁵². У последнего, как видно из записи 2 марта 1676 г., в фактическом владении оказалось земли больше, чем числилось по документам, и по его челобитью на имя воеводы Самарина последовал указ "в Самарском уезде в поместье его (т.е. Филитова) лишнюю землю по сыску и по мере двадцать чети отказать ему Ивану Филитову в поместье"¹⁵³.

Другой, столь же рано появившейся, местной помещичьей фамилией являются Порецкие. 2 июня 1644 г. на Самару по челобитью Василия Порецкого было запечатано сразу две грамоты. По одной велено ему отказать в поместье 100 чет., а по другой – отделить ему сенные покосы¹⁵⁴. Так же, как и Филитов, он не оставил лежать втуне отказанную ему землю, а поселил на ней крестьян, заведя там полное хозяйство, даже и с винокурением. Об этом мы узнаем из записи 4 апреля 1651 г., когда по его челобитью "велено его в Самарской уезд в поместную его деревню отпускать с сроком и вина ему привозить на Самару по десять ведр на год на себя, а не на продажу"¹⁵⁵. По смерти В.Порецкого прожиточное поместье его дочери Федоры на 20 чет. было в 1658 г. отказано А.Я.Алампееву¹⁵⁶. Прожиточное поместье другой дочери – девки Ириницы – на 25 чет. тем же порядком в 1659 г. перешло к ее дяде са-

марянину И.А.Софонову¹⁵⁷. По-видимому, наследство Порецкого повлекло за собою какие-то споры между наследниками, потому что в декабре 1660 г. мы опять встречаем запись, согласно которой "по челобитью самарян Ондreja Алампеева да Ивана Софонова велено в Самарском уезде из Васильева поместья Порецкого, что было дано дочерям его девкам Федорице да Ирине на пятьдесят четь, отказать Ондрею да Ивану пополам; да другую половину того ж поместья, что было дано вдове Оксинье на пятьдесят чети, отказать Ондрею ж Алампееву в поместье"¹⁵⁸. Но этим не исчерпывалось все наследство, оставшееся после В.Порецкого. В июне 1661 г. пятьдесят чет. из его поместья отказываются дяде его Бажену Порецкому¹⁵⁹, а в декабре 1662 г. другое его поместье на 85 чет. делится пополам между тем же Баженом и Андреем Порецкими¹⁶⁰. В марте 1674 г. мы встречаемся еще с одним наследником все того же В.Порецкого. Челобитчиком выступает самарянин Григорий Тихон. Порецкий, которому "велено в Самарском уезде Васильево поместье Порецкого деревню Осиновый Боярак да деревню Моркваши на 75 четь отказать"¹⁶¹.

В 1658 г. на сцену выступает представитель третьей помещицей самарской семьи. "По челобитью самарянина Ивана Алексеева сына Софонова велено в Самарском уезде вверх по Самаре реке пустошь Съезженской Юрт с займищи и с озера отказать ему ... в поместье"¹⁶². Выше мы уже видели, какое участие принимал Софонов в ликвидации наследства после В.Порецкого. С его именем затем мы встречаемся еще раз в 1670 г., когда было велено "его Ивана на Самаре допросить: жеребий пустоши Злобинской племяннице своей девке Ирине вместо приданого поступилс-ль; и допрос прислать к Москве"¹⁶³.

23 мая 1659 г. последовало распоряжение на имя воеводы Давыдова "по челобитью самарянина Афанасья Яковлева сына Кроткова в Самарском уезде из порозжих земель на сорок на пять чети отказать ему Афанасью в поместье"¹⁶⁴. Точь-в-точь такое же распоряжение дано в марте 1662 г. по отношению Федора Афанасьев. Кроткова, по всей вероятности сына предыдущего¹⁶⁵. Отец и сын, по-видимому, умирают до февраля 1677 г., потому что в это время мы находим запись, из которой видно, что "по челобитью самарянина Ивана Кроткого велено в Самарском уезде на горной стороне

от устья Оскольского по речке по Мордове Афанасьево поместье Кроткого 45 чети отказать ему Ивану да недорослю Якову Кротким; да за тою дачею лишние земли 50 чети отказать ему ж Ивану Кроткому в поместье"¹⁶⁶.

Выше мы встречались уже с А. Алампеевым, получившим свою долю из наследия Порецкого. В мае 1675 г. ему же велено отмерить к старому его поместью "в Самарском уезде полянку Ермакову на сто чети"¹⁶⁷.

Сведения о других самарских помещиках еще более отрывочны. 18 июля 1661 г. "велено в Самарском уезде пустую порозжую землю, что меж Аскулы Половинскую вершину пустошь Елгунскую поляну на тридцати чети по сыску отказать в поместье" самарянину Юрию Шеину¹⁶⁸. В марте 1676 г. "по челобитью самарянина Назарья Ярцова велено в Самарском уезде про порозжую землю на Темляковском поле сыскать и измерить, а сыск, и мерные книги прислать к Москве"¹⁶⁹. Несомненно, и в этом случае мы имеем дело с испомещением Ярцова. Кроме того, мы имеем жалобу какой-то вдовы Антонида Андреевой дочери о том, чтобы Якову Климшину и братьям Шустовым было запрещено чинить налоги, насильства и обиды ее крестьянам¹⁷⁰. Б.м. и здесь речь идет о недоразумениях между самарскими помещиками*.

Как ни скуден приведенный выше материал, но все же он позволяет сделать некоторые выводы. На основании его можно говорить о сравнительно широком развитии поместного землевладения в Самаре XVII в. Он позволяет уловить начальные моменты возникновения такого землевладения и даже проследить его дальнейшее развитие. Кроме того, содержатся некоторые указания и на характер землевладения. Как мы видели выше, появление его относится к самому началу 40-х гг. интересующего нас столетия с единичной робкой попытки и в дальнейшем обнаруживает несомненную тенденцию к постоянному росту. Трудно допустить, что использованные нами материалы отмечают всех наличных

* В данном случае А. А. Гераклитов допускает неточность. Климшин и Шустовы являлись не самарскими помещиками, а крупными предпринимателями из городов Верхнего Поволжья. Вдова же Антонида – наследница Надеи и Семена Светешниковых, которая после смерти Семена владела Надеинским Усольем.

самарских помещиков; против подобного допущения говорит прежде всего дефектное состояние самого архивного фонда, из которого делались выдержки. Т.о., почти несомненно, что фактически число помещиков не ограничивалось только приведенными фамилиями, а охватывало более широкий круг. Т.к. нам удастся, благодаря записям, уловить начальный момент процесса, то мы вправе утверждать, что испомещаясь новый самарский помещик не посягал ни на чьи права, не обездоливал своим испомещением каких-либо прежних пользователей отводимого ему поместья. Везде речь идет только о дикой, пустой, порозжей земле. А если присоединить к этому те указания, которые свидетельствуют о том, что полученная земля не оставалась лежать втуне, мертвым капиталом, а заселялась в целях ее эксплуатации и тем самым поступала в народно-хозяйственный оборот, то придется признать, что для своей эпохи и области самарский помещик сыграл и положительную роль, являясь пионером хотя бы и примитивной культуры. Тому обстоятельству, что испомещения XVII в. в Самарском у. являются первыми попытками осесть прочно в новом краю, соответствует и небольшой размер новых поместий. Ни один из помещиков не использовал полностью причитающегося ему окладу, хотя в пустом незаселенном крае никаких препятствий к этому быть не могло. Брались клочки: пустошки, полянки, маленькие поместья в 30-45 чет. Б.м., здесь вместе с неуверенностью, как пойдет хозяйство на новом месте, играла роль и малочисленность самарских служилых людей, отсутствие у них необходимого для широкого ведения дела оборотного капитала.

Наличие помещичьего землевладения и хозяйства в Самаре еще в первой пол. XVII в. дает указание и еще на одно обстоятельство. Как известно, в Саратове и Царицыне занятие земледелием до 1720-х гг. было невозможно из-за постоянных кочевнических набегов. В Самаре оно делается возможным (и доходным, как показывает тяга к земле) на 80 лет раньше. Это как бы говорит за то, что Самара гораздо меньше страдала от кочевников и, по крайней мере, горная сторона Самарского уезда уже в первой пол. XVII в. была от них более или менее свободна.

Крестьяне

Совершенно почти нет записей, характеризующих положение крестьян в Самарском крае. Да и вообще крестьяне упоминаются редко за исключением тех случаев, когда речь идет о беглых, о чем ниже. Такое упоминание в данном случае оправдывается, конечно, прежде всего тем, что, по-видимому, крестьянину непосредственно редко приходилось иметь дело с органами центральной власти, а только документы, исходящие от них, и регистрировались в Печатном Приказе. О таком непосредственном обращении в центр упоминает только одна запись 22 декабря 1646 г., когда "по челобитью дворцового села Ильинского крестьян старосты Гаврилка Богданова и во всех товарищев место велено им лугами и пашнями и выгоны, что владеют патриаршие крестьяне насильством по прежнему по старым гранем, как написано в дозорных книгах, и велено им, где старые грани побиты, новые грани и воеводам у них под конных и пеших стрельцов лошадей имать"¹⁷¹. В других двух известных нам случаях челобитчиками являются не крестьяне, а их владельцы. В ноябре 1668 г. патриарх Иосаф получил на имя самарского воеводы грамоту; чтобы на его патриарших крестьянах "сверх десятыя рыбы... не имать"¹⁷². Наконец, одна дефектная запись гласит о существовании грамоты, по которой велено учинить наказанье крестьянам самарского помещика Филитова¹⁷³. Грамота выдана по челобитью Филитова. Если первые два документа говорят о том, что даже крестьяне таких владельцев, как сам царь или патриарх, не были застрахованы от произвола местных воевод, то последняя запись заставляет подозревать какие-то недоразумения между крестьянами и помещиком, которые не могли быть улажены на месте, почему пришлось обратиться к авторитету Москвы, притом недоразумения серьезного свойства, с наказанием виновным, предписанным сверху. Узнаем и о том, что несмотря на ...*

* Обрыв текста, видимо произошла путаница страниц и сюда органично подходит фрагмент текста с л. 99.

земледельческим промыслом (как можно судить по первой записи), но и рыболовством, уплачивая в казну десятую часть улова.

Одной из натуральных крестьянских повинностей, известной гл. обр. по южной черноземной украине Московского государства, была так наз. десятинная пашня, состоявшая в том, что крестьяне были обязаны обрабатывать для казны определенное количество земли, урожай с которой и доставлялся ими в государевы житницы. Получаемый таким образом хлебный фонд использовался на дачу в жалованье служилым людям.

О существовании десятинной пашни в нижнем Поволжье до настоящего времени ничего неизвестно. Но, как оказывается, правительство в свое время обратило внимание на плодородные черноземные земли Самарского края и в связи с сравнительной безопасностью его от кочевнических набегов решило использовать для своих целей и юго-восточную окраину. Стольнику Эверлакову при назначении его воеводою в Самару в сентябре 1671 г. было поручено, между прочим, "десятинную пашню завести вновь"¹⁷⁴. Приведенную фразу наказа можно понимать двояко: как указание на восстановление уже существовавшего раньше порядка, нарушенного Разиновщиной, и как свидетельство на намерение правительства ввести здесь новую повинность, прежде не существовавшую. То и другое предположение одинаково вероятно. О том, что Эверлаков выполнил возложенное на него поручение, свидетельствует другой документ от 10 января 1677, согласно которого "велено в дворцовых самарских селах: в селе Рождественском с селы и с деревнями и с починки и у десятинной пашни быть жильцу Даниле Аккерменеву"¹⁷⁵. Перед нами уже вполне организованное казенное предприятие, находящееся в ведении правительственного чиновника. Вместе с тем мы узнаем, на каких именно крестьян и на какие местности тогдашнего Самарского уезда распространялась десятинная повинность.

Беглые

Сравнительно обширный, если не качественно, то количественно, материал дают записи по вопросу о беглых в Самарском крае. В просмотренных записях зарегистрировано около 40 грамот

на Самару с распоряжениями о даче суда на беглых, о выдаче их на поруки, об отдаче беглых во владение и т.п. При этом не приняты в расчет такие (довольно многочисленные) случаи, когда владелец беглого не знал точно его место пребывания, или брал несколько грамот сразу в разные города, или так называемые погонные грамоты, адресуемые не в один определенный пункт, а, так сказать, гуртом "от Москвы по Астрахань" и т.п. по линии предполагаемого пути беглеца. В числе челобитчиков по этому поводу вместе с рядовым провинциальным служилым человеком встречается и родовитый боярин, татарский мурза и черкасский князь, дьяк столичного приказа и простой подьячий, Троицкая лавра, богатый гость и лысковский посадский. Из просмотра документов создается впечатление о массовом бегстве, гл. образом помещичьих крестьян и холопов, в Поволжье вообще и в частности в Самару. Такое заключение, конечно, не представляет ничего нового, и было бы гораздо интереснее на основании записей попытаться ответить на вопрос, откуда именно, из каких местностей тогдашней России направлялся сюда поток беглых. К сожалению, приходится констатировать, что ответ может быть дан лишь очень приблизительным. Правда, во многих случаях указано место служебной приписки челобитчика. Перед нами – серпуховитин, алаторец, кашинец, дмитровец, белозерец, уфимец. Можно с некоторой долей вероятности предполагать, что все они являются и помещиками тех городов, с которыми связаны службой, почему и беглые могут быть из уездов этих городов. Но подобное предположение является все же, довольно ...* ким, ибо, напр., в числе владельцев, отыскивающих своих беглых, встречается некий Антипьев белозерец, но алаторский помещик. Т.о., за исключением двух-трех случаев, о происхождении беглых, искавших новой родины в Самаре, можно говорить только предположительно.

Приходится признать, что записи о беглых, несмотря на свою многочисленность, весьма мало помогают осветить нам этот крайне интересный и важный вопрос в истории края. Лишь кое-где проскальзывают мелкие подробности, позволяющие несколько ближе подойти если не к пониманию всего вопроса в целом, то хотя бы

* Не читается, исправление.

к освещению некоторых частных сторон его. Но такие подробности, повторяем, очень случайны и мелки. В апреле 1647 г. по челобитью Кулай-мурзы Еникеева приказано было отписать к Москве, "почему без сыску в Преображенском монастыре беглых людей его крестили"¹⁷⁶. Выходит, т.о., что от крепостной неволи бежали не только русские крестьяне, но она также тяжело чувствовалась и инородцами, бывшими в крепостной зависимости у своих же единоверцев. Чтобы сделать возвращение к барину-магометанину невозможным, его "подданные" предпочитают переменить религию, а захолустная, далекая от центра Самара позволяет это сделать без соблюдения требуемых законом формальностей. В январе 1645 г. "по челобитью Матвея Подгорского велено ему стрельца Ивашка Рогожина отдать во крестьянство"¹⁷⁷. Рогожин оказался менее счастливым в своем предприятии, чем крестьяне Еникеева, т.к. и записка на государеву службу не спасла его от возвращения помещику. По челобитью упоминавшегося выше алаторского помещика Антипьева в ноябре 1650 г. "велено на самаренина на Василья Порецкого в беглом крестьянине в Логинке Рогожине дать суд"¹⁷⁸. Василий Порецкий, чуть ли не первый по времени самарский служилый дворянин, получивший землю в поместье в Самарском уезде. Поместье имеет цену только при условии получения с него дохода, а последний возможен лишь при владении крестьянами. Но край еще только заселяется, рабочие руки добываются с трудом, и самарский помещик не прочь использовать крестьянина, сбежавшего от его алатырского собрата. Картина обычная для нашего юго-востока и в XVII и в XVIII в. Любопытно лишь то, что выгадывал на перемене барина сам беглец.

Крепостная зависимость, как известно, распространялась не на одних крестьян, если они были крепки помещику, то такими же узами обязательной зависимости был связан с своим посадом и посадский. В апреле 1668 г. "по челобитью лысковца Ивашка Лаврентьева велено из вотчины Преображенского монастыря изъять лысковца Якушку Лаврентьева отдать с женою и с детьми и со всеми крестьянскими животы брату его в тягло на посад по прежнему"¹⁷⁹. И здесь, как в случае с крестьянами Еникеева, крестьянодержателем является самарский монастырь, так же, очевидно, как и Порец-

кий, не очень строго придерживавшийся буквы закона, когда дело шло о приобретении для своей вотчины дешевых рабочих сил.

Инородцы

С конца 30-х гг. XVII ст. начинают встречаться записи, касающиеся инородцев, с которыми так или иначе приходилось иметь дело самарским воеводам. Записи не отличаются многочисленностью и, что особенно дает себя чувствовать, весьма бедны по содержанию. В большинстве текст их исчерпывается одной-двумя строчками, лишь намекающими на те сюжеты, которых должны были касаться регистрируемые записью документы. "По челобитью Кайбулка Баишева – велено оберегать"¹⁸⁰. "По челобитью мордвина Бурнашка Маресева – велено оберегать от обид"¹⁸¹. "По челобитью чуваш Ахмаметки Розгилдеева да Тоганка Тогашева на мордву на Баичка Сораева с товарищи – велено судить"¹⁸² и т.д. Из этих записей возможно сделать лишь тот вывод, что и чуваша и мордва имели какое-то отношение к Самаре, но были ли они случайными, пришлыми людьми, или заселяли земли, входившие в ведение местного воеводы – не видно. Но все же мы имеем ряд записей, которые средактированы более удачно и позволяют дать ответ на поставленный вопрос. Так, 17 июня 1661 г. на имя воеводы последовало сразу две грамоты, из которых одна дана по челобитью самарского чувашенина Байбулатки Матакова в иске на чувашенина Окманка, а другая – самарских татар того же Байбулатки Матакова с товарищи в иске на чуваша на Чуютейку с товарищи¹⁸³. 31 августа 1661 г. записана грамота по челобитью черемисы Самарского уезда Тюшева и Янбахтина о суде по иску на черемис же¹⁸⁴. 6 января 1667 г. по челобитью Самарского уезду мордвина Чомаева велено про бортной ухожей его... с товарищи досмотреть и измерить"¹⁸⁵. Эти и другие, подобные им, записи позволяют утверждать, что в пределах Самарского уезда, в тех непосредственных границах, которые он имел в XVII в., уже в половине столетия обосновались и мордва и чуваша и черемисы, тянувшие судом и расправой к Самаре, как своему административному центру. Но инородцы и других уездов были связаны с Самарским разными деловыми отношениями и должны были обращаться к са-

марским ж воеводам. В 1669 г. ясашный чувашенин Симбирского у. Семенов судился в бою, грабеже и увечье с чувашенином Самарского уезда Енбаевым¹⁸⁶. В 1670 г. служилый чувашенин Алтебаев судился об убытках в 120 р. с черемисином Окмуковым и грамота о даче суда адресована в Самару¹⁸⁷. Упоминаются мордва Казанского у. – луговой стороны дер. Серина, дер. Реневы, дер. Урень¹⁸⁸. Наконец, имеются, к сожалению в небольшом числе, и такие записи, которые приводят названия поселений, занятых инородцами в Самарском уезде и, т.о., до некоторой степени дают возможность судить о территории, занимаемой ими. Так, упоминаются деревни: Брусяны или Брусаянская (ясашные чуваша)¹⁸⁹, Харламова и Воиноб(?) (чуваша)¹⁹⁰, Ширяева (черемисы)¹⁹¹, Ширейская Вершина¹⁹² (черемисы), Шугорова (мордва)¹⁹³, Бахирев Боярак (мордва)¹⁹⁴.

Сюжетом большинства грамот, записи о которых сохранились, являются распоряжения или о даче суда по искам инородцев, преимущественно между собою, или об оберегании их от обид. Сведения о положении инородцев в XVII ст. заставляют предполагать, что в данном случае прежде всего речь идет об обидах со стороны администрации и вообще русских. Некоторые записи подтверждают такое предположение. Так, 8 марта 1666 г. воеводе Шаховскому отдано распоряжение оберегать мордвина Сабатева "от напрасных продаж"¹⁹⁵. Из другой записи мы видим, что по челобитью мордвина Набайки Кичемасова "велено самарские съезжие избы про взятки подъячих сыскать и сыск прислать к Москве"¹⁹⁶. В том же 1664-м году "мордвин Сабаев просил дать суд на самарян Татаринова и Андроннова "в бою и грабеже"¹⁹⁷ и т.д. Мордвин Полатка Казаев просил оберегать его от самарян и от всяких людей¹⁹⁸. Но особенно любопытны жалобы на русских со стороны башкир. В 1645 и 1650 гг. по жалобе служилых башкирцев Курбечтагыльской волости "всяким людям с Самары в их вотчину ходить не велено и насильства чинить", "не велено самарским никаким людям насильством в вотчины ходить"¹⁹⁹. Но наряду с этим в роли насильников сплошь и рядом являются те же инородцы. Те ж башкирцы жалуются на мордву, которая ходит насильством в их вотчины и пустошит их²⁰⁰. Чувашенин Тихонов просит оберегать его от "русских людей и от татар"²⁰¹. По челобитью черемисы велено их оберегать от новокрещен Албыевых²⁰². Черемисы добиваются охраны от черемис же²⁰³ и

т.д., не говоря уже о целом ряде тяжёб, по которым следуют распоряжения дать суд. Выходит, как будто, что разные национальности, населявшие Самарский уезд XVII в., далеко не всегда ладили между собой. Иначе трудно объяснить такую массу судебных дел, зафиксированных, конечно, далеко не полностью записями. Можно думать, что одной из причин внутренней, так сказать, неурядицы являлась запутанность в земельных отношениях. Что в этом отношении не все обстояло благополучно, свидетельствует запись от 7 марта 1646 г., согласно которой "по челобитью мордвы и татар и чуваша мордвина Ерошки Будяева и во всех мордвы и татар и чуваш место – велено полевою землю сих и сennie покосы розвесть и разгранить вправду"²⁰⁴. О столкновениях на почве землепользования говорят и приводимые выше жалобы башкир на самарян и мордву, насильно ходивших в башкирские вотчины. Сколько можно судить по скудным и глухим указаниям наших документов, инородцы являлись в Самарский уезд самовольно и захватывали те земли, которые им приходились по вкусу. Только в одном случае мы встречаемся с владеньем "бортным ухожьем и рыбными ловлями и всякими угожьями... по писцовым книгам"²⁰⁵. В остальных случаях приходится считаться с захватом, как с совершившимся фактом, и уже потом облекать его в законные формы. 2 марта 1653 г. по челобитью черемисы "велено с той земли, где они поселились, положить смотря по земле и по угожью"²⁰⁶. В январе 1667 г. велено досмотреть и измерить бортный ухожей мордвина Самарского уезда Чомаева с товарищи²⁰⁷. В апреле 1665 г. по жалобе самарян детей боярских Филитовых "велено в Самарском уезде сыскать и допросить мордву – на поместной земле в Бахиреве Бояраке поселились. Откуда они мордва на тое землю пришли и кто именем и по какому указу поселил"²⁰⁸. В данном случае инициатива захвата исходит уже от мордвы и жертвою являются русские служилые люди.

Приложение 1

Список самарских воевод XVII в.

Барсуков в своих "Списках" дает перечень 23 известных ему воевод, начальствовавших в Самаре за время с 1602 по 1684 г.²⁰⁹ Уже из того, что мы вообще знаем из службы городских воевод в Московском государстве и о порядке их смены, мы вправе предполагать, что Барсуковский список далеко не полон и за указанный им период в Самаре должно бы пребывать не менее 40 воевод. Такая неполнота зависит отчасти от того метода, который был применен в данном случае Барсуковым, главным же образом, в отношении городов среднего и нижнего Поволжья, от той скудости источников, с которой, к сожалению, приходится иметь дело, как только речь заходит об этих областях.

Сколько мне известно, после Барсукова никто не делал попыток пополнить или исправить предложенный им перечень самарских воевод и, т.о., этот перечень является пока и единственным. Нет надобности распространяться об интересе, который может представить продолжение работы покойного исследователя, тем более по отношению к нашим поволжским городам. Поэтому полагаю не лишней и свою попытку в этом отношении. Строится она на тех данных, которые извлечены из книг Печатного Приказа. Сведения, сообщаемые книгами по интересующему нас вопросу, можно считать в достаточной степени достоверными. В них записывались акты, исходящие из официальных учреждений, в которых в высокой степени были заинтересованы те лица, в пользу коих акты выдавались. Поэтому в интересах обеих сторон – и учреждений и грамотчиков – было правильное адресование грамот. Во всяком случае, встречая в грамоте имя воеводы, которому она была адресована, мы можем ручаться, что в момент составления акта и учреждение и грамотчик считали это лицо воеводством в данном городе. Конечно, могли быть и бывали случаи, когда во время изготовления грамоты как раз происходила смена начальствующего в городе лица и в грамоте мы можем встретить имя воеводы, уже смещенного с должности. Но такие случаи,

по самому существу своему, не могли быть частыми и отзываются не на установлении точности порядка следования одного воеводы другим, а на определении момента смены или, пожалуй вернее, фактического времени оставления службы старым воеводой и вступления в должность нового.

Помимо только что указанного преимущества записей книг Печатного Приказа перед источниками иного порядка (по отношению к таким городам, как Царицын, Саратов и Самара в большинстве случайными и скудными) в пользу их является и еще одно обстоятельство. Довольно часто вновь назначенные воеводы, не довольствуясь теми официальными отношениями, которые по поводу их назначения делал соответствовавший Приказ, старались получить на руки особые грамоты о своем назначении, и эти грамоты, как уже частно-правовые, подлежали особой регистрации в Печатном Приказе. Записи о припечатании таких грамот дают точное время приказного постановления о смене воевод и иногда содержат другие любопытные подробности.

К сожалению, записи до пол. XVII в. отличаются большой краткостью и, как правило, обычно, не называют адресата по имени, довольствуясь лишь обозначением его должности. Поэтому те дополнения, которые я могу сделать к списку Барсукова, начинаются лишь с 40-х гг. XVII ст. и оканчиваются 70-ми годами его, т.к. за последующее время книги Печатного Приказа пока мною не обследованы, тем не менее и за этот период удалось внести более полутора десятков новых имен. Составляя свой список, я в интересах большей полноты включил в него и воевод, упоминаемых Барсуковым. Те имена воевод, которые делаются известными впервые, отмечены в дальнейшем звездочкой (*).

1. Долгорукий кн. Самсон. 1602 г.
2. Пожарский-Лопата кн. Дмитрий Петров. 30/III – 19/VI-1614 г.
3. Туренин кн. Василий Иван., стольник; Белосельский кн. Михаил Василь. 13/VII – 30/VIII-1614 г.
4. Белосельский кн. Михаил Василь.; дьяк Посник Калачов. До 1615 г.
5. Вельяминов Фёдор Тулупов; с ним дьяки Посник Калачов, а с 1617 г. – Нелюб Огарёв. 1615-1618 гг.

6. Волынский Фёдор Василь. 1619-1620 г.
7. Погожев Дементий. До 1624.
8. Давыдов Борис. 1624 г.
9. Дашков кн. Иван Андреев., стольник; при нём подьячий Семён* Базин. 1/VI-1625 – 11/VIII-1626²¹⁰.
10. Салтыков Иван Борисович. 1626-1630²¹¹.
11. Воейков Семён Иван. 1636-1637.
12. *Шушерин Тимофей. 9/X – 14/XI-1644 г.
13. Горчаков кн. Василий Дмитриев., стольник. 7/II-1645 – 7155.
14. *Апраксин Василий. 22/XII-1646.
15. *Левашов Иван. 28/V-1647 – 22/V-1648.
16. *Жеребцов Давыд. 12/VI-1648 – 21/II-1649.
17. Головачов Иван Фёдорович. 7/VII-1649 – 29/V-1651.
18. Бутурлин Иван. 21/V-1651 – 28/XI-1653²¹².

На Самару к Ивану Головачову. Велено на Самаре на его место быть Ивану Бутурлину. (Пошлин. кн. №60, л.146 об., запись 26 мая 1651 г.).

19. Бабичев кн. Петр Иванов. 1/XII-1654 – 20/VI-1656.

На Самару к воеводе ко князю Петру Бабичеву. Велено на твоё место быть на Самаре Ондрею Иванову сыну Мясоедову (Пошл. кн. №78, л.763; запись от 20/VI-1654).

20. *Мясоедов Андрей Иванович. 15/VI-1656²¹³.
21. *Приклонский Михаил Васильев., стольник. 4/IX-1657 – 1/II-1658.
22. *Мясоедов Андрей Иванов. 6/III – 31/III-1658.

На Самару к воеводе к Ондрею Мясоедову. Велено быть на Самаре на его место воеводою за службы за раны псковитину Ивану Тихонову сыну Назимову. (Пошл. кн. №87, л.265; запись 31/III – 7166 г.)

23. *Назимов Иван Тихонович. 31/III – 23/VIII-1658.
24. *Мясоедов Андрей Иванов. 18/X – 17/XI-1658.
25. *Давыдов Семён, стольник. 9/II-1659 – 10/I-1660.

На Самару к воеводе к Семёну Давыдову. Велено быть Ивану Микитину сыну Языкову на Самаре на его Семёново место в воеводах. (Пошл. кн. № 95, л.156; запись 10/I-1668.)

26. Языков Иван Никитич. 26/III-1660 – 12/IX-1661.
27. *Леонтьев Павел, стольник. 26/IV-1662 – 26/VII-1662.

28. *Леонтьев Никифор, стольник. 28/XII-1662 – 29/II-1664.

На Самару к стольнику и воеводе к Микифору Левонтьеву. Велено быть на Самаре в воеводах на его Микифорове месте Левонтьева князю Семёну княж Иванову сыну Шаховскому. (Пошл. кн. №122, л.683 об.; запись 29/II-7172.)

29. *Шаховской кн. Семён Иванов., стольник. 11/III-1664 – 4/VII-1667.

30. *Алфимов Назарий, стольник. 2/VII-1667 – 20/III-1668.

На Самару к стольнику к Назарью Алфимову. Велено быть на Самаре стольнику и воеводе князю Алексею княж Нефедьеву сыну Щербатого. (Пошл. кн. №147, л.163; запись 20/III-7176.)

31. *Алфимов Иван, стольник²¹⁴. 8/IX-1669 – 3/VII-1670.

32. *Эверлаков Василий Яковлевич, стольник. 20/IX-1671 – 24/VII-1672.

В Синбирск к боярину и воеводам к Петру Васильевичу Шереметеву. Велено быть на Самаре стольнику и воеводе Василию Яковлеву сыну Эверлакову воеводою и десятинную пашню завести вновь. Печатных пошлин не взято, потому что он послан на воеводство с службы неволею. (Беспошл. кн. №38, л.236; запись 20/IX-7180.)

33. *Жедринский Богдан. 13/IX-1672.

На Самару к воеводе к Богдану Жедринскому. Велено быть на Самаре воеводою стольнику Офонасью Фанвисину на Богданово место Жедринского. (Пошл. кн. № 172 л.354 об; запись 13/IX-7181.)

34. Фанвисин Афанасий Денисов., стольник. 13/X-1672 – 26/VIII-1673.

35. *Борятинский кн. Иван. 21/XI-1673 – 21/VI-1675.

На Самару к воеводе ко князю Ивану Борятинскому. Велено быть на Самаре на его место стольнику и воеводе Андрею Самарину. (Пошл. кн. №186, л.37; запись 21/VI-7183.)

36. Самарин Андрей Никит., стольник, 28/VI-1675 – 22/V-1677.

37. Шель Александр. 19/VI – 3/XII-1677.

38. Нармацкий Иван Иван. 26/VI – 27/X-1680²¹⁵.

39. Пущин Кирилл Панкратьев., стольник. 27/I – 17/VIII-1683.

40. Борисов Никита. 12/V – 3/VI-1684.

Приложение 2

Список самарян служилых людей

Алампеев Андрей Яковл.

Велено служить на Самаре на отцово место и справить поместной и денежный оклад (1 июля 1643 г.). Написана в списки поместная, денежная и хлебная придача к его окладу (2 сентября 1653). Вторичная придача за службу (7 апреля 1656). Отказано 50 чет. в поместье в Самарском у. (29 июня 1659). Придача к прежнему окладу поместная и денег 4 руб. (28 марта 1663). Учинена придача: 50 чет. и денег 5 руб. (30 апреля 1675). Отказано к старому поместью 100 четв. в Самарском у. (27 мая 1675).

Алампеев Семён, самарянин, неверстаный служилый новик.

Велено служить на Самаре на место Никиты Аристова (24 июня 1653). Велено быть в рейтарской службе (11 августа 1660).

Алампеев Яков, самарянин сын боярский.

Оклад его вдовы 4 р. и хлеба по 4 чет. ржи и овса (18 апреля 1655).

Борисов Фёдор Иван.

На убытое место Н.И.Поликарпова; оклад 300 чет., денег с городом 10 руб., хлеба по указу (24 июля 1672).

Борисов Яков Иван.

На убытое место А.И.Могутова; оклад 300 чет., денег с городом 10 руб.; хлеба по указу (24 июля 1672).

Брехов Спиридон Михайл., неверстаный самарянин.

Учинён оклад: поместный 200 чет., денег 7 руб. (18 июля 1666).

Волков Иван Андреев.

Велено учинить поместный оклад 80 чет., денег 8 руб. (10 марта 1676).

Воронов Данила Зотов., тетюшенин.

Велено служить по Самаре на выбылое место (17 сентября 1658). Велено быть в рейтарской службе (11 августа 1660). В полону (11 марта 1665).

Гарин Матвей.

Велено служить по Самаре (12 августа 1647).

Грузов Димитрий Гаврил.

Велено учинить оклад: поместный 250 чет., денег 8 р. (22 апреля 1675).

Грузов Ждан Гаврил., самарянин рейтарской службы.

Велено написать по Самаре (8 апреля 1672). Учинена придача к окладу 40 чет. и 4 руб. (8 марта 1673).

Гурьев Иван Фадеев., самарянин.

Велено служить по Самаре на место Степана Осорьина (1654 г.). Велено служить по Самаре в поместном и денежном окладе на первое выбылое место (1 июля 1659).

Дубенский Димитрий.

Велено служить по Самаре (18 мая 1643).

Дураков Андрей., самарянин.

Сотник у пеших стрельцов (13 сентября 1652).

Загарин Матвей.

Велено справить в самарском служилом списке поместную придачу к прежнему окладу (21 марта 1654).

Иванчин Иван., самарский сын боярский.

Написан в списках с придачею за калмыцкую службу 162-го года (21 марта 1654). Учинён поместный оклад и с прежним 300 чет. (16 января 1658). Умер до 8 мая 1669.

Ивашев Афанасий.

Велено учинить оклад: поместный 250 чет., денег 8 рублей (15 июня 1673).

Иевлев Иван Семён.

Велено учинить оклад: поместный 300 чет., денег 10 руб. (17 июня 1674).

Иевлев Прокофий.

Велено указ учинить о поместном и денежном окладе (21 августа 1673).

Клементьев Никита Клементьев., самарянин.

Велено учинить поместную и денежную придачу 10 рублей.
(28 апреля 1668).

Коверин Никита.

Велено служить по Самаре (12 марта 1664).

Корчемкин Степан.

На его место написан И.М.Филитов (2 марта 1657).

Кротков Афанасий Яковл., самарянин.

Отказано 45 чет. в поместье в Самарск. у. (23 мая 1659).

Велено быть в рейтарской службе (11 августа 1660).

Умер до 22 марта 1662.

Кротков Афиноген, самарянин.

Велено написать в поместном и денежном окладе с придачею
(19 марта 1668).

Кротков Иван.

Велено в поместном и денежном окладе написать с придачею (2 марта 1662). Отказано поместье в Самарском у. на 95 чет. (18 февраля 1677). Учинена придача к окладу: поместного 50 чет. и денег 4 руб. (20 февраля 1677).

Кротков Фёдор Афанасьев.

Велено написать в поместном и денежном окладе с придачею (2 марта 1662). Отказано в поместье 45 чет. в Самарском у. из порозжих земель (19 марта 1662). Велено учинить придачу к первому окладу (2 апреля 1668). Умер до 6 мая 1672.

Лодинский Михаил, самарянин иноземского списка.

Учинена придача к окладу: поместного 50 чет., денег 2 руб. (28 февраля 1677).

Лукин Димитрий Афанасьев.

Велено служить по Самаре на убылое место Ф.Кроткова и оклад учинить: поместного 250 чет., денег 8 руб. (19 июня 1673).

Мещеринов Иван.

Велено служить по Самаре по-прежнему без жалованья (3 декабря 1677).

Могутов Андрей Иван., самарянин.

Велено справить денежную и хлебную придачу к прежнему окладу (26 апреля 1654). Велено служить с городом по-прежнему (2 марта 1656). Убыл до 24 июля 1672.

Могутов Василий.

Велено учинить оклад: поместного 150 чет., денег 8 руб. (30 апреля 1675).

Могутов Михаил.

Велено служить по Самаре на место И.Осорьина (21 апреля 1651). Велено справить денежную и хлебную придачу к прежнему окладу (24 апреля 1654). На его место записан в поместный и денежный оклад И.Невежин (12 мая 1654).

Могутов Пётр, самарянин. Умер до 14 мая 1666.

Могутов Фёдор Иван., самарянин.

Был в сотниках по Самаре (1 декабря 1653).

Могутов Филипп.

Велено учинить оклад: поместного 150 чет., денег 8 рублей. (30 апреля 1675).

Невежин Григорий, самарянин.

Велено написать в самарских окладных книгах и служилом списке в поместном и денежном окладе (13 марта 1657). Выбыл до 4 июня 1669.

Невежин Иван, самарянин.

Велено написать в списке в поместном и денежном окладе на место М.Могутова (4 мая 1654).

Невежин Михаил.

Велено служить по Самаре на место Елизара Осорьина (8 февраля 1650).

Невежин Родион.

Велено служить по Самаре (7 января 1653). Выбыл до 4 июня 1669.

Неустроев Михаил Дементьев., астраханец.

Велено служить по Самаре с самарскими детьми боярскими на выбылое место Григория и Родиона Невежиных и написать

в самарских окладных книгах и в служилом списке в денежный и хлебный оклад (4 июня 1669).

Неустроев Пётр.

Велено поверстать по Самаре поместным и денежным окладом: поместного 300 чет., денег 12 рублей (1 мая 1674).

Осорьин Елизар.

Велено на его место служить М.Невежину (8 февраля 1650).

Осорьин Иван.

Велено служить по Самаре (23 марта 1643). На его место велено служить М.Могутову (21 мая 1643).

Осорьин Степан.

На его место велено служить Фадее Гурьеву (29 мая 1651).

Пасмуров Иван, свияженин.

Велено служить по Самаре (18 августа 1660).

Перфир(л)ьев Иван, самарянин сын боярский.

Велено написать в список с придачею за калмыцкою службу 162-го года (21 марта 1654).

Перфильев Михаил Иван., самарянин сын боярский.

Велено поверстать поместным и денежным окладом по Самаре на выбылое место, кому он в версту (30 апреля 1666).

Перфильев Никифор Иван., самарянин.

Велено служить по Самаре (11 марта 1672).

Полибин Иван Иван.

Велено служить по Самаре на место Петра Порецкого; поместного оклада 20 чет., денег с городом 7 рублей (13 июня 1656).

Поликарпов Иван Матвеев., самарянин.

Умер до 14 августа 1660.

Поликарпов Никита Иван., самарянин сын боярский.

Написан в список с придачею за калмыцкую службу 162-го года (21 марта 1654). Велено быть в рейтарской службе (11 августа 1660). Дана придача к окладу: поместного 70 чет., денег 3 руб. (15 апреля 1665). Убыл до 24 июля 1672.

Порецкий Бажен Фёдор., неверстаный сын боярский.

Велено написать в самарской десятне в поместном и денежном окладе на выбылое место (6 июля 1661). Отказано поместье в Самарском у. на 50 чет. (6 июля 1661).

Порецкий Григорий Тихон., самарянин.

Отказано поместье в Самарском у. на 75 чет. (27 марта 1674).

Порецкий Пётр.

Оклад: поместный 200 чет., денег с городом 7 руб. (13 июня 1656).

Протопопов Никифор, самарянин.

Велено в окладных книгах и служилом списке справить (15 декабря 1652).

Путилов Михаил Никифор., самарянин.

Велено служить по Самаре и учинить оклад: поместного 150 чет., денег 6 руб (10 марта 1673).

Пушковский Ерёма, свияжский иноземец.

Велено учинить уклад: поместного 150 чет., денег 6 руб. (26 февраля 1673).

Самаринов Иван, самарянин.

Учинена поместная и денежная придача (1 мая 1662).

Софонов Иван Алексеев., вязьмитин.

Велено служить по Самаре на выбылое место (26 марта 1650). Написать в поместном и денежном окладе (29 мая 1650). Самарский сын боярский, написан в список с придачею за калмыцкую службу 162-го года (21 марта 1654). Отказано 25 чет. в поместье в Самарском у. (16 октября 1659). Учинена придача к поместному окладу 100 чет. (11 мая 1669). Велено в самарских окладных книгах и служилом списке справить придачу к окладу: поместного 50 чет., денег 2 руб., хлеба по указу (23 марта 1664).

Тимонов Иван Семён., неверстаной новик, самарянин сын боярский.

Велено служить по Самаре (4 апреля 1653). Написан в список с придачею за калмыцкую службу 162-го года (21 марта 1654). Велено быть в рейтарской службе (11 августа 1660). Придача к окладу за службу и за раны: поместного 50 чет., денег 3 руб. (1 марта 1665).

Тимонов Семён, самарянин сын боярский.

Его вдове велено давать жалованье из оклада мужа: денег 7 руб. и хлеба по 7 четв. ржи и овса (27 мая 1654).

Тимонов Степан Семен., самарянин, сын боярский.

Написан в список с придачею за калмыцкую службу 162-го года (21 марта 1654). Отставлен от службы 1 июля 1660.

Тургенев Сила Дмитриев.

Велено дать хлебное жалованье оклад отца его (22 января 1644).

Ушаков Михаил Васильев.

Велено служить по Самаре; оклад 300 чет., денег с городом 10 руб., хлеба против денег по указу (24 июля 1672).

Филитов Иван Михайл., неверстаный самарянин сын боярский.

Велено служить на место С.Корчемкина в его поместном и денежном окладе (2 марта 1657). Велено годовое жалованье оклад его давать по-прежнему (28 августа 1657). Отказано 10 чет. в поместье в Самарском у. (14 мая 1666). Придано к окладу: 50 четв. и 10 рублей (27 июля 1666). Отказано 10 чет. без третника в поместье в Самарском у. (19 января 1673). Отказано к прежнему поместью 20 чет. в Самарском у. (2 марта 1676).

Филитов Никита Михайл., самарянин.

Велено учинить поместный оклад 300 чет., денег 10 руб. (4 апреля 1657). Велено годовое жалованье оклад его давать по-прежнему (28 марта 1660). Придано к окладу: 50 чет. и денег 2 руб. (9 июня 1664). Отказано в поместье 10 чет. в Самарском у. (14 мая 1666).

Филитов Роман Михайл., неверстаный самарский сын боярский.

Велено служить на место А.Хомутского в его поместном и денежном окладе (2 марта 1657). Велено годовое жалованье оклад его давать по-прежнему (28 августа 1657). Придано к окладу: поместного 50 чет., денег 3 руб. (9 июня 1664). Отказано 10 чет. в поместье в Самарском у. (14 мая 1666). Придано к прежнему окладу: поместного 50 чет., денег 1 руб. (26 марта 1670). Умер до 19 января 1673.

Хвостов Иван, самарянин сын боярский.

Написан в список с придачею за калмыцкую службу 162-го года (21 марта 1654) . На его место велено с его окладом служить Т.Аристову (1 июня 1656).

Хомутский Акинфий (Аким?).

Велено служить по Самаре на место П.Порецкого в его денежном и хлебном окладе (2 марта 1656). На его место велено служить Р.М.Порецкому (2 марта 1657).

Хомутский Марк Акинф.

Велено учинить поместный и денежный оклад (24 июля 1658). Придано к окладу: поместного 50 чет., денег 2 рубля (8 июня 1665). Придано к прежнему окладу 1 рубль (7 января 1667).

Чижев Иван, самарянин.

Учинена придача к окладу: поместного 50 чет., денег 5 руб. (20 февраля 1677).

Шейн Юрий Григ., самарянин сын боярский.

Учинена придача к окладу за литовскую службу (12 марта 1659). Придано к окладу: поместного 50 чет., денег 2 руб. (27 декабря 1660). Отказано 30 чет. в поместье в Самарском у. (18 августа 1661). Учинена придача поместная и денежная (19 июня 1662).

Алферьев Василий Степан., служилый новик.

Велено служить по Самаре; оклад 300 чет., денег 10 руб. (19 января 1673). Отказано поместье в Самарском у. 30 чет. с третником (19 янв. 1673).

Аристов Григорий, свияженин.

Велено служить по Самаре на место Ивана Хвостова с его окладом и поместьем (1 июня 1656).

Аристов Никита.

На его место велено служить Семёну Алампееву (24 июня 1653).

Аристов Семён Иван, неверстаный сын боярский.

Велено поверстать по Самаре поместным и денежным окладом на выбылое место (20 апреля 1659).

Бакшеев Герасим Фёдор.

Учинена придача к прежнему окладу поместная и денежная (22 мая 1675).

Бержанский Сидор, свияжский иноземец.

Велено учить оклад: поместный 150 чет., денег 6 рублей (26 февраля 1673) ...*.

Затоцкий Данила Андреев. по Барсукову воевода – 1614 – в Боровск, 1615 – в Брянске, 1616-17 – в Муроме, 1619 – в Можайске, 1626-28, 1630-31 – в Вязьме, 1632-35 – в Тобольске, 1637-38 – в Вязьме; по-видимому он же (без лишь отчество ...**) 1623 – в Арзамасе.

На 1621 у Барсук. воеводы для Самары нет.

Примечания

¹ Пошл. кн. 1. л. 375. (В переводе на новую систему описей фонда Печатного приказа по всем пошлинным книгам нумерация дел не меняется. См., например: РГАДА. – Ф.233. – Оп.1. – Д.1. – Л. 375).

² Напр., в деле о землях г. Саратова.

³ Москва, 1892. Брошюра представляет собою оттиск из "Чтений". См.: Гоздаво-Голомбиовский, А.А. Материалы для истории г. Саратова. Записи книг Печатного приказа (1650-1675 гг.) / А.А. Гоздаво-Голомбиовский. – М., 1892; Под тем же названием опубликовано: ЧОИДР. – Кн.3 – (162). – М., 1892 (Сост.)

⁴ Пошл. кн. 87. л. 265; запись 31 марта 7166.

⁵ Беспшл. кн. 38. л. 236.

⁶ Пошл. кн. 90. л. 599.

⁷ Пошл. кн. 91. л. 298об.

⁸ Беспшл. кн. 22. л. 211.

⁹ Пошл. кн. 87. лл. 369-370.

¹⁰ См., напр. пошл. кн. 100. л. 24об.; запись 4 июля 7168.

¹¹ Беспшл. кн. 21. л. 495.

¹² Пошл. кн. № 59. л. 81об.

¹³ Пошл. кн. 68. л. 31об.

¹⁴ Пошл. кн. 71. л. 271.

* Видимо, здесь в рукописи утрачено несколько листов, т.к. последующий текст в смысловом отношении не связан с предшествующим.

** Видимо, в рукописи пропущено слово.

- ¹⁵ Пошл. кн. 77. л. 478об.
¹⁶ Пошл. кн. 94. л. 87об.
¹⁷ Пошл. кн. 101.л. 257об.
¹⁸ Пошл. кн. 134. л. 216.
¹⁹ Пошл. кн. 137. л. 334об.
²⁰ Пошл. кн. 153. л. 61.
²¹ Пошл. кн. 159. л. 341.
²² Пошл. кн. 181. л. 11.
²³ Пошл. кн. 185. л. 107.
²⁴ Пошл. кн. 189. л. 387об.
²⁵ Пошл. кн. 195. л. 39.
²⁶ Пошл. кн. 192. л. 329-330.
²⁷ Пошл. кн. 189. л. 10.
²⁸ Пошл. кн. 181. л. 11., 2 мая 7182 г.
²⁹ Пошл. кн. 123. л. 121.
³⁰ Пошл. кн. 123. л. 234.
³¹ Пошл. кн. 169. л. 91.
³² Пошл. кн. 183. л. 232.
³³ Беспшл. кн. 22. л. 58.
³⁴ Пошл. кн. 72. л. 80об.
³⁵ Пошл. кн. 74. л. 43.
³⁶ Пошл. кн. 134. л. 234об.; запись 14 мая 174.
³⁷ Пошл. кн. 189. л. 144.
³⁸ Пошл. кн. 67. л. 333.
³⁹ Пошл. кн. 175. л. 213об.
⁴⁰ Пошл. кн. 90. л. 595об.
⁴¹ Пошл. кн. 91. л. 327об.
⁴² Пошл. кн. 107. л. 48об.
⁴³ Пошл. кн. 111. л. 252.
⁴⁴ Пошл. кн. 78. л. 763.
⁴⁵ Пошл. кн. 188. л. 250.
⁴⁶ Пошл. кн. 70. л. 225об.
⁴⁷ Пошл. кн. 90. л. 610.
⁴⁸ Опись № 2, дело № 1124.
⁴⁹ Пошл. кн. 9. л. 165об.
⁵⁰ Пошл. кн. 43. л. 721 об.; запись 12 мая 7154.
⁵¹ Пошл. кн. 89. л. 19.
⁵² Пошл. кн. 60. л. 316.
⁵³ Пошл. кн. 194. л. 432 об.
⁵⁴ Пошл. кн. 175. л. 437об.; запись 13 июня 7181.

- ⁵⁵ Пошл. кн. 4. л. 374.
- ⁵⁶ Пошл. кн. 91. лл. 299-300.
- ⁵⁷ Пошл. кн. 101. л. 340об., запись 26 ноября 7169 г.
- ⁵⁸ Пошл. кн. 117. л. 172об.; пошл. кн. 138. л. 180об.; пошл. кн. 175. л. 80.
- ⁵⁹ Пошл. кн. 185. л. 174.
- ⁶⁰ Пошл. кн. 15. л. 122.
- ⁶¹ Пошл. кн. 42. л. 41об.
- ⁶² Пошл. кн. 20. лл. 78-79.
- ⁶³ Беспшл. кн. 22. л. 944.
- ⁶⁴ Беспшл. кн. 22. л.л. 955-956.
- ⁶⁵ Беспшл. кн. 27. л. 98об.
- ⁶⁶ Беспшл. кн. 27. л. 223об.
- ⁶⁷ Беспшл. кн. 36. л. 91об.
- ⁶⁸ Пошл. кн. 91. л. 265.
- ⁶⁹ Пошл. кн. 103. л. 260; запись 5 апреля 7169 г.
- ⁷⁰ Беспшл. кн. 22. л. 436об.
- ⁷¹ См., напр. Пошл. кн. 80. л. 447об., Пошл. кн. 82. л. 180об., Пошл. кн. 87. л. 7об.
- ⁷² Пошл. кн. 96. л. 87.
- ⁷³ Пошл. кн. 142. л. 10об.
- ⁷⁴ Беспшл. кн. 27. л. 98.
- ⁷⁵ Пошл. кн. 28. л. 64об.; запись 11 марта 7144 г.
- ⁷⁶ См. запись от 11 января 7147. Пошл. кн. 35. л. 57.
- ⁷⁷ Бесп. кн. 27. л. 259, 7164 г.
- ⁷⁸ Пошл. кн. 123. л. 264; запись 28 апреля 7172.
- ⁷⁹ Пошл. кн. 133. л. 241; запись 26 марта 7174.
- ⁸⁰ Беспшл. кн. 38. л. 309.
- ⁸¹ Беспшл. кн. 41. л. 11.
- ⁸² Беспшл. кн. 41. лл. 126-127.
- ⁸³ Пошл. кн. 9. лл. 115-116; запись 11 июля 7134 г.
- ⁸⁴ Пошл. кн. 90. л. 512об.
- ⁸⁵ Пошл. кн. 87. л. 289; запись 31 марта 7166 г.
- ⁸⁶ Пошл. кн. 70. л. 371; запись 31 декабря 7162 г.
- ⁸⁷ Пошл. кн. 67. лл. 475-476.
- ⁸⁸ Пошл. кн. 7. л. 146.
- ⁸⁹ Пошл. кн. 8. л. 477.
- ⁹⁰ Пошл. кн. 18. л. 296об.
- ⁹¹ Пошл. кн. 9. л. 165 об.
- ⁹² Пошл. кн. 42. л. 42; запись 20 апреля 7142 г.
- ⁹³ Беспшл. кн. 17. л. 187; запись 16 апреля 7152 г.

- ⁹⁴ Пошл. кн. 154. л. 19.
⁹⁵ Пошл. кн. 160. л. 394; запись 29 марта 7178 г.
⁹⁶ Пошл. кн. 59. л. 18об.
⁹⁷ Пошл. кн. 19. л. 44.
⁹⁸ Пошл. кн. 35. л. 63-64.
⁹⁹ Пошл. кн. 39. л. 710.
¹⁰⁰ Пошл. кн. 40. л. 13 об.
¹⁰¹ Пошл. кн. 45. лл. 297-298.
¹⁰² Пошл. кн. 63. л. 33.
¹⁰³ Пошл. кн. 67. л. 134.
¹⁰⁴ Пошл. кн. 67. л. 370об.
¹⁰⁵ Пошл. кн. 72. л. 91.
¹⁰⁶ Пошл. кн. 90. л. 264.
¹⁰⁷ Пошл. кн. 90. л. 559.
¹⁰⁸ Пошл. кн. 92. лл. 15-16.
¹⁰⁹ Пошл. кн. 94. лл. 233-234; запись 23 ноября 7167 г.
¹¹⁰ Пошл. кн. 4. л. 145.
¹¹¹ Пошл. кн. 23. л. 118об.
¹¹² Пошл. кн. 32. л. 211об.
¹¹³ Пошл. кн. 35. л. 245.
¹¹⁴ Пошл. кн. 35. лл. 63об.-64.
¹¹⁵ Пошл. кн. 40. л. 13об.
¹¹⁶ Пошл. кн. 74. л. 311.
¹¹⁷ Пошл. кн. 42. л. 38об.
¹¹⁸ Беспoшл. кн. 17. л. 894об.
¹¹⁹ Пошл. кн. 63. л. 33.
¹²⁰ Пошл. кн. 67. л. 134.
¹²¹ Пошл. кн. 67. л. 330об.
¹²² Пошл. кн. 72. л. 141 об.
¹²³ Пошл. кн. 76. л. 485об.
¹²⁴ Пошл. кн. 87. л. 270.
¹²⁵ Пошл. кн. 90. л. 264.
¹²⁶ Пошл. кн. 92. лл. 15-16.
¹²⁷ Пошл. кн. 94. лл. 233-234.
¹²⁸ Пошл. кн. 101. л. 238.
¹²⁹ Пошл. кн. 103. л. 12.
¹³⁰ Пошл. кн. 106. л. 71.
¹³¹ Беспoшл. кн. 36. лл. 66-67.
¹³² Пошл. кн. 63. л. 497об.
¹³³ Беспoшл. кн. 36. лл. 66-67.

- ¹³⁴ Пошл. кн. 42. л. 38 об.
¹³⁵ Пошл. кн. 43. лл. 568-569.
¹³⁶ Пошл. кн. 43. л. 707.
¹³⁷ Пошл. кн. 54. л. 445об.
¹³⁸ Пошл. кн. 59. л. 19.
¹³⁹ Пошл. кн. 59. л. 69об.
¹⁴⁰ Пошл. кн. 71. л. 155.
¹⁴¹ Пошл. кн. 72. л. 189.
¹⁴² Пошл. кн. 87. л. 99об.
¹⁴³ Пошл. кн. 94. лл. 233-234.
¹⁴⁴ Пошл. кн. 100. л. 161.
¹⁴⁵ Пошл. кн. 93. л. 123об.
¹⁴⁶ Пошл. кн. 125. л. 92.
¹⁴⁷ Пошл. кн. 35. л. 315.
¹⁴⁸ Пошл. кн. 39. л. 517об.; запись 30 января 7157 г.
¹⁴⁹ Пошл. кн. 52. л. 252об.
¹⁵⁰ Пошл. кн. 76. л. 331об.
¹⁵¹ Пошл. кн. 134. л. 235.
¹⁵² Пошл. кн. 173. л. 174; запись 19 января 7181 г.
¹⁵³ Пошл. кн. 189. л. 20.
¹⁵⁴ Беспошл. кн. 16. л. 263об.
¹⁵⁵ Пошл. кн. 59. л. 394об.; запись 4 апреля 7159 г.
¹⁵⁶ Пошл. кн. 85. л. 180об.; запись 4 января 7166 г.
¹⁵⁷ Пошл. кн. 94. л. 134об.; запись 16 октября 7168 г.
¹⁵⁸ Пошл. кн. 101. л. 422.
¹⁵⁹ Пошл. кн. 105. л. 36.
¹⁶⁰ Пошл. кн. 112. л. 214.
¹⁶¹ Пошл. кн. 180. л. 319об.
¹⁶² Пошл. кн. 78. л. 724-725; запись 11 июня 7164 г.
¹⁶³ Пошл. кн. 160. л. 350; запись 26 марта 7178 г.
¹⁶⁴ Пошл. кн. 92. л. 95.
¹⁶⁵ Пошл. кн. 108. л. 158об.
¹⁶⁶ Пошл. кн. 192. л. 300об.
¹⁶⁷ Пошл. кн. 189. л. 389.
¹⁶⁸ Пошл. кн. 105. л. 98.
¹⁶⁹ Пошл. кн. 189. л. 51об.
¹⁷⁰ Пошл. кн. 90. л. 178; запись 18 октября 7167 г.
¹⁷¹ Пошл. кн. 44. лл. 333об.-334.
¹⁷² Беспошл. кн. 36. л. 104. Там же.
¹⁷³ Пошл. кн. 76. л. 331об.; запись 19 января 7164.

- 174 Беспошл. кн. 38. л. 236.
175 Пошл. кн. 191. л. 36об.
176 Пошл. кн. 42. л. 41об.
177 Пошл. кн. 49. л. 93об.
178 Пошл. кн. 57. л. 353.
179 Пошл. кн. 147. л. 244об.
180 Пошл. кн. 33. л. 82; запись 9 марта 7145 г.
181 Пошл. кн. 35. л. 145; запись 26 января 7147 г.
182 Пошл. кн. 39. л. 870; запись 29 марта 7151 г.
183 Пошл. кн. 104, л. 200об.
184 Пошл. кн. 105. л. 297.
185 Пошл. кн. 139. л.28об.
186 Пошл. кн. 156. л. 8; запись 2 августа 7177.
187 Пошл. кн. 162. л. 290об.; запись 3 июля 7178.
188 Пошл. кн. 124. л.37 и кн. 133. л. 37.
189 Пошл. кн. 93. л. 16об. и 173. л. 202.
190 Пошл. кн. 83. л. 57об.
191 Пошл. кн. 148. л. 169об.
192 Пошл. кн. 148. л. 174.
193 Пошл. кн. 67. л. 104.
194 Пошл. кн. 126. л. 369.
195 Пошл. кн. 133. л. 37.
196 Пошл. кн. 124. л. 37; запись 13 мая 172 г.
197 Там же.
198 Пошл. кн. 124. л. 37; запись 13 мая 7172.
199 Пошл. кн. 17. л. 516об. и кн. 52. л. 162.
200 Беспошл. кн. 17. лл. 494-495; запись 7/II – 153 г.
201 Пошл. кн.173. л.194; запись 20 января 7181 г.
202 Пошл. кн. 149. л. 146об.; запись 31 июля 7176.
203 Напр. пошл. кн. 148. лл. 169об. и 174; записи 11 и 12 июня 7176.
204 Беспошл. кн. 20. л. 230.
205 Пошл. кн. 67. л. 104; запись 9 марта 7161.
206 Пошл. кн. 67. л. 25об.
207 Пошл. кн. 139. л. 28об.
208 Пошл. кн. 126. л. 369.
209 См.: Барсуков, А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам / А.П. Барсуков. – СПб., 1902. – С. 198-199.

²¹⁰ Чин Дашкова, имя подьячего и дата воеводствования из книг Печатного Приказа.

²¹¹ Салтыков назначен в Самару в апреле 7134 г. и в росписи воевод на 138-й год значится ещё по Самаре (См.: Временник ЧОИДР. 1849. IV. Ст. 37). Назначен он на воеводство из деревни без разрешения явки на отпуск в Москву государю и без позволения именоваться боярином (См. Дворцовые Разряды 1, лоса вага Б.м. (Возможно, Гераклитов ссылается на следующее издание: Дворцовые разряды, изданные Вторым отделением собственной е.и. в. канцелярии. – СПб., 1850-1855. – Т. 1-4. – Сост.)), назначением из деревни и объясняется задержка в явке его в Самару.

²¹² У Барсукова за Головачёвым показан Овцын Савва Тимоф. под 1651 г. Но как видно из приведённой выше записи, Головачёва непосредственно сменил Бутурлин.

²¹³ Только однажды встретилась адресованная ему грамота; б.м., на этот раз Мясоедов фактически и не вступал в должность или же был на воеводстве лишь короткое время.

²¹⁴ По всей вероятности, именно он был убит Разиным в августе 1670.

²¹⁵ Оформлен 1 апреля 1679 г. (Архив Оруж. Палаты, кн. № 1183. (Видимо, речь идет о следующем фонде: РГАДА. – Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). – Сост.).

Текст подготовлен к публикации Э.Л.Дубманом

Научное издание

**Классика
самарского краеведения**

Антология. Выпуск 2

Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана

Редактор и корректор *Е.А. Будячевская*
Художественный редактор *Л.В. Крылова*
Компьютерная верстка *О.А. Карасёвой*

Подписано в печать 10.11.2006.

Формат 60х90 / 16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 16,0. Усл. печ. л. 16,0. Тираж 300 экз. Заказ 444.

Издательство "Самарский университет"
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. (846) 334-54-23.

Отпечатано в ООО "Типография "Книга".
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267-36-82. E-mail: slovo@samaramail.ru

КЛАСИКА САМАРСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ